

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В. Гуков. ОТОГРЕВАЮЩИЕ АРКТИКУ.
Новый рассказ Д. Олдриджа: Прыжок Джейми Кугана.
М. Мержанов. Почему в футболе неудачи?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1772)

4 ИЮНЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На работу в совхозы Целинного края! Эта молодежь едет в Павлодарскую область с Витебщины, из Борковического училища механизации. На вокзале в Целинограде их сфотографировал местный фотокорреспондент В. Мартынов.

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица проездом в Вену для встречи с Джоном Кеннеди останавливались в столице Украины — Киеве.

Н. С. Хрущев побывал в районе города Канева, на Чернечей горе, где похоронен великий сын украинского народа Т. Г. Шевченко, 100-летие со дня смерти которого по решению Всемирного Совета Мира отмечается в этом году. Никита Сергеевич Хрущев возложил венок на могилу гениального кобзаря.

При возложении венка присутствовали первый секретарь ЦК КП Украины Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров УССР В. В. Щербицкий и другие руководители Коммунистической партии и правительства Украины, многочисленные трудящиеся Черкасской и соседних с ней областей.

На снимке: Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица у памятника великому кобзарю.

Фото Н. Селюченко (ТАСС).

В духе дружественного взаимопонимания и сердечности протекали встречи руководителей Советского государства с премьер-министром Сомалийской Республики Абдирашидом Али Шермарком, прибывшим в СССР с официальным визитом.

«Советские люди с большой симпатией следят за становлением новой жизни в Сомали, от души желают сомалийцам всяческих успехов и готовы сотрудничать с ними в этом большом и сложном деле»,— сказал Н. С. Хрущев, приветствуя гостей из Сомалийской Республики.

На снимке: Прием Н. С. Хрущевым Абдирашида Али Шермарка.

Фото Е. Умнова.

В ГОСТЯХ У ДРУЗЕЙ

Нерушимые узы дружбы связывают народы Советского Союза и народ Кореи. Сердечно встретили граждане КНДР советскую правительственную делегацию, возглавляемую членом Президиума ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, прибывшую в Корею. В Пхеньяне состоялся 200-тысячный митинг, на котором выступили член Президиума ЦК Трудовой партии Кореи, первый заместитель председателя Кабинета Министров КНДР Ким Ир и А. Н. Косыгин. Жители корейской столицы горячо аплодировали ораторам, призывавшим крепить единство социалистического лагеря — оплота мира и счастья всех народов.

На снимке: Советская правительственная делегация в ткацком цехе Пхеньянского текстильного комбината.

Фотохроника ЦТАК.

Творение разума и рук — тебе, партия!

Слово держат

Как-то особенно легко дышится после напряженной работы в горячем цехе. Да и радоваться есть чему! Сегодня, как и вчера, смена мастера Николая Дуева снова сварила стали больше нормы. Уже положено начало второй тысяче тонн дополнительного металла, выданного этими сталеплавильщиками в честь XXII съезда партии.

Сталевары Верх-Исетского металлургического завода выступили инициаторами предсъездовского социалистического соревнования на Урале. Четыре с половиной тысячи тонн добротной электротехнической стали обязались они выплавить сверх плана ко дню открытия съезда. Слово свое они держат крепко: 3 576 тонн сверхплановой продукции уже выпущено...

На снимке: Передовая смена мартеновского цеха Верх-Исетского металлургического завода (слева направо): сталевар Анатолий Мухлынин, начальник смены Николай Дуев, сталевары Герой Социалистического Труда Федор Петухов и Оскар Пекко.

Фото И. Тюфякова.

Встреча

В Севастополе, на Сапун-горе, стояли и смотрели друг другу в лицо двое. Русский и американец.

Русский пришел сюда, чтобы склонить голову над могилами товарищей, погибших тогда, в сорок четвертом, во время легендарного штурма. Пришел — и остался навсегда, в бронзе, напоминая живым о мертвых, напоминая о днях, когда советские парни в шинелях и бушлатах шли на смерть, чтобы спасти жизнь.

И они спасли.

Перед началом первого заседания. Председательствует Александр Корнейчук.

На личном счету — десятки тысяч рублей

О комсомольце Владимире Колесникове, мастере завода «Цветметприбор» в Нальчике, товарищи в шутку говорят, что он очень экономный. Но, кроме того, Владимир и щедрый. Ведь он все свободное время отдает заводу.

Больше тридцати рационализаторских предложений внес Колесников в сложную технологию производства приборов. На личном счету мастера сборочного цеха десятки тысяч сэкономленных рублей.

На снимке: Владимир Колесников.

Фото Л. Бородулина.

Кукуруза — добрая хозяйка

Всегда было так: Кахетия — это виноград. Теперь здесь царят не только виноградари — на поля Кахетии доброй хозяйкой пришла кукуруза. В прошлом году бригада Давида Мгебришвили из гурджаанского села Чумлаки получила с гектара 80,2 центнера кукурузных початков. Но бригадиру даже такой успех показался недостаточно солидным, он посеял вторично и снял еще один урожай.

Готовясь к XXII съезду партии, бригада Мгебришвили обязалась ныне снова получить два урожая — по 100 центнеров зерна с гектара.

Фото В. Джейранова.

в Крыму

Г. ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Почему сегодня кое-кто забывает об этом? Неужели холодные ветры недоверия и вражды, выпущенные на волю безответственными политиками, сильнее дружбы, родившейся в пору суровых испытаний?

Разум говорит: нет!

«Что касается Советского Союза,— подчеркнул в речи в Ереване глава Советского правительства Н. С. Хрущев,— то мы и раньше и теперь прилагаем усилия, чтобы улучшить наши отношения с западными странами, в том числе и с Соединенными Штатами. Это крайне важно для решения животрепещущих международных вопросов, затрагивающих интересы народов всех стран».

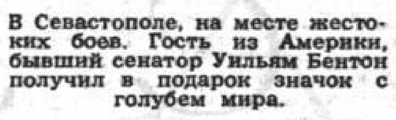
Добрая воля, искреннее стремление оздоровить атмосферу на нашей планете — вот программа Советского Союза, его народа и его правительства, на встрече в Вене.

Здравый смысл сильнее ядерного безумия. Это он привел в нашу страну американца, которого я увидел на Сапун-горе.

Группа видных американских общественных деятелей пересекла Атлантику и приехала в Крым, чтобы встретиться со своими советскими коллегами. Несколько месяцев назад в Соединенных Штатах Америки, в Дартмутском колледже, состоялась первая беседа. Как в Дартмуте, так и сейчас, в «Нижней Ореанде» встречи проходили при закрытых дверях, пресса в зал заседаний не допускалась. Но не нужно быть провидцем, чтобы догадаться: разговор шел о том, как улучшить отношения между нашими странами, как найти путь к прочному миру.

Гости из Америки много повидали в Советской стране. Их всюду встречали словами «дружба», «мир».

Хорошие, настоящие слова.

Предстоит серьезная работа. Советский юрист Федор Кожевников и представитель фонда Форда Шепард Стоун знакомятся с повесткой дня

В Севастополе, на месте жестоких боев. Гость из Америки, бывший сенатор Уильям Бентон получил в подарок значок с голубем мира.

Заседание кончилось, дискуссия продолжается. Профессор Колумбийского университета Филипп Мозли (слева) и Борис Полевой.

Четыре октавы Евгении Мирошниченко

Евгения Семеновна Мирошниченко...

А я вижу Женю Мирошниченко, поступившую в мой класс в 1952 году.

Женя переходила с курса на курс с отличной отметкой по специальности. У нее все более развивался голос. С необыкновенной легкостью брала она высокие ноты. А сейчас ее диапазон: «ля» малой октавы и «до» четвертой октавы — то есть в ее голосе теперь четыре октавы. Это — весьма редкое, можно сказать, исключительное, явление.

Выпускной экзамен Женя спела блестяще, так же как и партию Виолетты в оперном театре.

Вы, может быть, спросите: кем была Женя до консерватории? Ее отец — колхозный шофер на Харьковщине. В 1943 году он погиб в боях на Курской дуге. Женя училась в Харьковском ремесленном училище, потом в Киеве: готовилась стать швеей. И, конечно, принимала участие в Ансамбле трудовых резервов, отличаясь своим серебристо-нежным сопрано... По самой логике нашей жизни талантливая ремесленница очутилась в консерватории.

Студенткой четвертого курса Женя Мирошниченко выступала на VI Фестивале в Москве и получила серебряную медаль. Через год она поет во Франции на конкурсе в Тулузе, завоевывает вторую премию и Кубок Парижа.

Женя выступала в Польше, Китае, Румынии, Венгрии... Везде она вызывала восхищение.

Сейчас народная артистка УССР Мирошниченко с группой советских вокалистов стажируется в Милане, в знаменитом итальянском театре La Scala.

У Жени отзывчивый, добрый характер. Она несколько экспансивна, умеет привлекать к себе сердца людей своей искренностью, непосредственностью.

М. ДОНЕЦ-ТЕССЕЙЕР,
заслуженный деятель искусств УССР.

На первой странице обложки: Евгения Мирошниченко.
Фото Н. Козловского.

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ,
Д. УХТОМСКИЙ

В пустыне цветет саксаул. Светлане даже из окна самолета видно, что пески стали розовыми. Светлана Якубова летит на совещание в Москву. В Москву, первый раз! Да еще весной.

В Туркмении март не бывает таким синим. А может быть, и бывает, но Светлане в Москве все кажется необыкновенным. И самое удивительное — Кремль, Зал заседаний Верховного Совета. Важнейшие вопросы жизни государства решаются в этом зале. Тут и хвалят и критикуют — помогают в этом зале всегда. Каждый, кто побывал в Кремле, приносит в колхоз, в шахту, на стройку услышанное здесь.

Сегодня в зале собрались на Всесоюзное совещание молодые строители. Им отдан Кремль, их приветствует Центральный Комитет нашей партии. И в этом — знамение времени.

1. Светлана — в президиуме. Она, конечно, никогда еще не была на таком важном совещании. Ей только семнадцать лет. На первый взгляд — школьница как школьница, белый бант в косе. Но именно ее послали в Москву строители туркменского города Чарджоу.

...В школе Светлана училась легко и с увлечением. В табеле за восьмой класс одна четверка, остальные — пятерки. Но все чаще девочка задумывалась. И химия, и физика, и литература — все интересно. Что выбрать? Кем она будет?

Светлана пошла на стройку ученицей в бригаду маляров Петра Ивановича Шатурного. Вскоре получила разряд, работала, а потом — снова ученицей, теперь уже на башенный кран. Механик Иван Семенович Савченко заметил, что девушку тянет к машинам, что уважают ее ребята — сварщики, шоферы. С тех пор прошло почти два года, и вот она машинист башенного крана, делегат совещания.

2. А вечером снова Кремль, уже расцвеченный огнями Георгиевский зал, много музыки, улыбок, песен.

Друга я никогда не забуду,
Если с ним повстречался
в Москве...

Шогу Новрузов приехал из Азербайджана. Кремлевский бал они запомнят надолго. Кажется, нет здесь счастливей этих двоих!

3. Светлана Якубова участвовала в строительстве суперфосфатного завода. Под стрелой ее крана выросли цеха. Здесь же работает и ее отец Джума Якубов. Обедать отец и дочь ходят вместе. Это, пожалуй, единственное время, когда дочь может поговорить с отцом, потому что день ее рассчитан до минуты. Она член комитета комсомола всей стройки.

4. Домой она возвращается, когда уже совсем темно. Младшие сестры — их три — заняты уроками. Вот еще одна «нагрузка» Светланы: нужно проверять тетрадки девочек. Долго светятся окна в домике на Мебельной улице Чарджоу.

5. Но у Светланы есть ученики и постарше. На строительстве школы-интерната девушку встречает дядя Коля Дулатов — так называет Светлана крановщика, и хотя он на двадцать лет старше, девушка может многому его научить. Подавать раствор, монтировать плиты — вот, казалось бы, нехитрые обязанности крановщика. Но здесь важна особая точность. Светланин глаз быстро находит место укладки плиты, рука спокойно управляет краном, и тогда стрела послушно несет железобетонные громады. От них, крановщиков, зависит выработка бригады. Якубова не подводит товарищей. 150 процентов плана — цифра для бригады обычная.

1 2

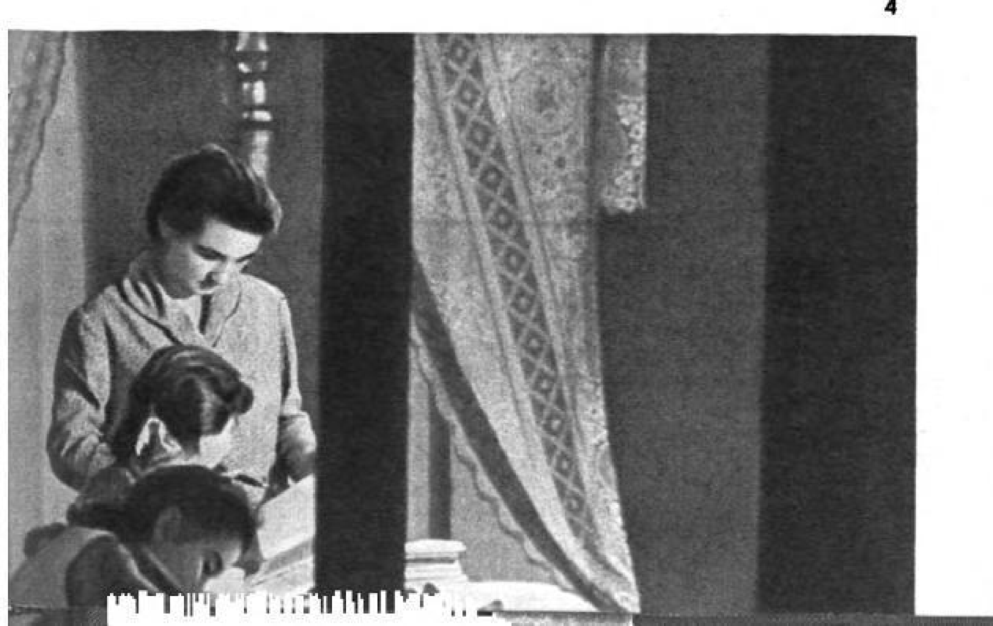
ПОСЛЕ

3

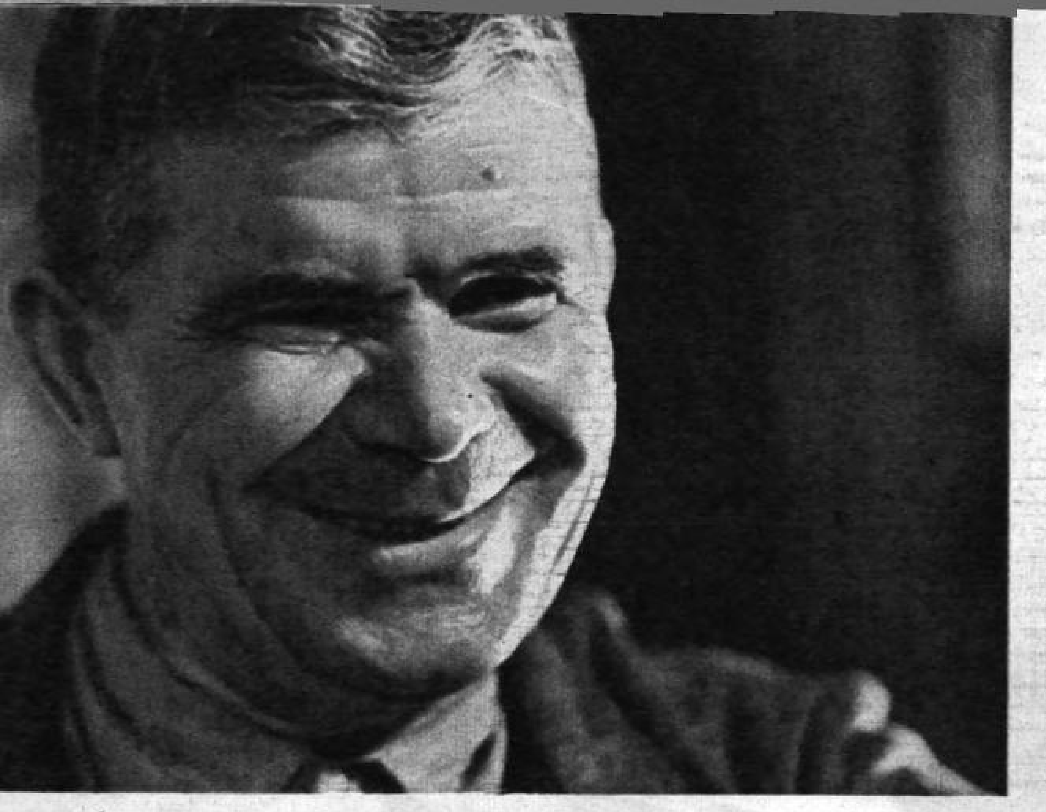
Б А Л А

4

5

6

7

8

6. После работы вместе с одноклассником маляром Сашей Бударинным Светлана забегает к Петру Ивановичу Шатурному. Старый мастер недавно ушел на пенсию, но молодым нужен его совет.

7. Завтра она еще увереннней возьмется за работу. Завод продолжает строиться, идет монтаж крана на новом объекте.

8. Только ли на работе проверяет человек свою силу? Порой сесть за парту вечером труднее, чем в кабину крана. Иногда устаешь так, что чертеж на доске расплывается, как будто смещается «фокус» в бинокле; сосед по парте толкает: «Держись!»... Их много, семнадцатилетних, в десятом классе вечерней школы. У каждого уже есть профессия и рабочий стаж. Монтажники, штукатуры, маляры — школьные товарищи Светланы...

9. Из всего города Светлана Якубова одна была на совещании в Москве. Ремесленников интересует все, о чем там говорилось. Ее ждут в строительном училище трудовых резервов. Многое расскажет Светлана: о строительной выставке, о друзьях, которые у нее теперь есть в разных уголках страны, и о самом главном — как надеется на них партия. Все расскажет она ребятам. Нет, оказывается, не все. Она умолчит о том, как далеко слышны шаги ночью в морозном воздухе, о высоком смуглом юноше из Азербайджана, с которым ее подружила Москва.

10. А мы все-таки услышали о нем. Мы встретили Светлану Якубову на телеграфе. Да, это Шогу Каврузов, секретарь комитета комсомола треста «Алюминстрой», звонит ей из Кировабада. Его мы видели на балу в Кремле. Разговор не так лиричен, как можно было предположить:

— Давай устроим соревнование между молодежью наших строек, — предлагает Шогу.

— Обсудим на бюро,— пытается быть серьезной Светлана.

11. Профилактику отцовской «Волги» девушка проводит сама. Гаечный ключ уверенно лежит в руке. Машины, краны... Светлана Якубова уже точно знает, чем будет заниматься в жизни. Подъемно-транспортное машиностроение — сухие и, наверное, для многих просто скучные слова. Но для нее, Светланы, они означают творчество. Она хочет сама создавать, совершенствовать портальные и башенные краны, дорожные механизмы.

12—13. Скоро в школе рабочей молодежи выпускной вечер. Светлана еще не решила, куда она поедет учиться: в Москву, Ленинград или Томск; скоро они все разъедутся в разные города, и поэтому оставшиеся дни особенно хочется провести с друзьями, на рыбалке, на охоте, в походе.

14. Очень счастлива эта девушка, школьница и строитель. Она избрала такой путь. Это дорога сильных. И нельзя не завидовать энергии Светланы, ее жизни, полной, напряженной, прекрасной!

9

10

11

12

13

14

ОТОГРЕВАЮЩИЕ АРКТИКУ

В. ГУКОВ,

кандидат технических наук

Я не профессионал-журналист, а просто любитель-путешественник, каких в стране у нас тысячи. Совсем недавно, на грани зимы и весны, мне удалось провести свой отпуск в Арктике, на полярных станциях мыса Челюскина, Северной Земли, Земли Франца-Иосифа.

Несмотря на труднодоступность, Арктика всегда привлекала к себе человека. Это ей принадлежит роль солиста в сложном оркестре погоды всего мира. Для советских людей Арктика — это значительная часть территории нашей страны, с большими городами, поселками и полярными станциями, это Главсевморпуть и полярная авиация Гражданского воздушного флота, снабжающие население Заполярья всем необходимым.

Я слышал такую крылатую фразу: «Арктика — страна будущего». Но и сегодня тысячи и тысячи горячих сердец уже отогревают ее под водой, на льду, в воздухе. Эти работы в основном ведутся на полярных станциях.

Что же такое современные полярные станции? В каких условиях живут и работают полярники?

...В морозном воздухе слышится гул вездеходов и тракторов, заглушающих подвывание ледяных ветров. Репродукторы зимующих станций на десятки километров транслируют концерты для полярников и по нескольку раз в день терпеливо убеждают белых медведей заниматься производственной гимнастикой.

Ярким электрическим светом залиты уютные комнаты. По-домашнему светят люстры и настольные лампы. На обеденных столах тарелки со сливочным маслом и сахаром — бери по потребности.

В адрес библиотек полярных станций непрерывно идут книги, технические и художественные журналы. Вес выписываемой литературы порой уже вызывает замешательство летчиков, с воздуха сбрасывающих почту на островные полярные станции.

Как по всей стране, в Советской Арктике введен семичасовой рабочий день. Однако суровая обстановка Севера иногда вынуждает всех без исключения заниматься тяжелым трудом и «в свободное от работы время».

На арктических станциях я жил как рядовой член коллектива полярников. С метеорологами ходил снимать показания приборов, с радистами дежурил вахту, во время пурги участвовал в поисках человека... Я встречался и разговаривал со многими тружениками этого сурового края нашей страны. О некоторых из этих встреч я и хочу рассказать.

Миллиардер

Живет в Усть-Торее бухгалтер Петр Иванович Бочаров. Человек он скромный. Заполярье знает как свои пять пальцев. Беда только, что люди здесь не принимают всерьез его профессию. И говорят ему:

— К примеру, летчики полярной авиации — это да! Настоящие герои! А бухгалтер что? За столом косточки перебирает: ни дать ни взять, монах — четками: туда-сюда, опять туда и опять обратно. Не арктическая это профессия — бухгалтер.

Однако еще никто не отказался от зарплаты, которую он выдал — многие миллионы рублей. И любителям шуток невдомек, какая сила держит Петра Ивановича в Заполярье вот уже свыше четверти века. Ведь зарплата у него небольшая.

...Рассказывают, встретились недавно в гостинице Диксона два бухгалтера: один — Сергей Семенович Давыдов с ЗФИ — Земли Франца-Иосифа, а второй — наш знакомый, Петр Иванович. Оба крепко сбитые — хоть с медведем в обнимку, неторопливые, каждое слово экономят. А поговорить-то есть о чем: давно не виделись, да и встретятся ли снова?

— С тех пор, брат, я раз пять с того света возвращался,— вспоминает Бочаров.

— Интересно — как? — без особого удивления спрашивает Давыдов. Он сидит напротив в одной майке и меховых брюках.

— Как-то шли мы втроем из экспедиции в районный центр: сотрудник один, Степанов, женщина — наш повар и я в банк. Часть пути нас провезли катером, а остаток — верст пятьдесят — пришлось топать пешком.

Дошли мы до реки. Время — июнь. Вода на сто метров разлилась, выше льда катит. Сложил я всю одежду в рюкзак, портфель к шее привязал, один плащ на мне. Шагнул в воду первым. Остальные двое за мной следуют.

Добрался до середины реки благополучно. Еще метров сорок осталось. А вода к груди подошла, ноги от льда отрывает. Сколько мог, держался, а потом все-таки понесло. Ну, я как морж: пофыркал да и выбрался на берег.

Степанов тоже вылез. Смотрю, кричит он мне что-то и руками машет. Глянул на реку — да и обомлел. Женщину-то несет по самой глубине. А дальше река под снежные берега уходит, словно в пещеру проваливается.

Как я оказался в воде и как доплыл до женщины, уж и не помню. Одно в памяти: долго бились мы с ней против течения у самого горла пещеры. В снежный берег пальцами вцепились. Пока Степанов не подбежал... Вылезли... Побегали все втроем, разогрелись как следует. И даже ни кашля!

Давыдов, который работает на ЗФИ и которого не удивишь ничем, удовлетворенно поддакивает:

— Наше дело бухгалтерское — оно не каждому под силу! А как твое сельское хозяйство? Попрежнему Маргарита Алексеевна угощает окрошкой?

Маргарита Алексеевна — это жена и верный спутник Петра Ивановича. По образованию она фельдшер, но ей приходилось делать все: кулинарить по экспедиции, шить зимнюю одежду, вести бухгалтерский учет. Вместе с мужем Маргарита Алексеевна увлекается выращиванием огурцов. Шутка ли: на острове Врангеля или на Таймыре с двух оконных ящиков снять сотню огурцов?

Многому научила суровая Арктика дружных супругов Бочаровых. Может быть, поэтому они считают Арктику своим отчим домом. А на этих самых счетах, что вызывают улыбку обывателя, Петр Иванович, не потеряв ни одной копеечки, «прощелкал» более миллиарда рублей! Как же после этого не гордиться ему редкой профессией «заполярного бухгалтера»?

В синих сумерках Диксона

Снаружи этот просторный дом показался мне осажденной крепостью. Над окнами нависли двухметровые снежные сугробы, они карабкались на крышу, настойчиво атаковали крыльцо. Но дом был построен добротно. И, как охранная грамота, на его фасаде было написано «Детский сад». Самый северный детский сад Советского Союза!

...Началось это в памятный 1945-й. В то время детишек на Диксоне было всего пять человек. Хотя и немного, а все-таки полярники решили организовать для них детский сад. Взялась за это дело Айна Юлиусовна Твердохлебова — экономист по образованию, мать троих детей.

Первые годы оказались самыми трудными.

Когда кончались продукты, Айна Юлиусовна сама отправлялась за ними в районный центр. На собачью упряжку с санями укреплялась лодка и с помощью каюра Твердохлебова дотаскивала сани до ледового припая, откуда уже можно было продолжать путь по воде.

В 1950 году у Твердохлебовой появилась надежная помощница — сибирячка Антонина Тимофеевна Астафьева. Золотые руки у этой женщины! За семь часов она успевает три раза приготовить пищу на семьдесят ребят, нарубить дров, принять и рассчитать продукты и, наконец, до блеска натерев посуду, убрать кухню. И все одна!

...Все лучшее, что есть на острове, обитатели его предоставляют детям. Сразу после сна малыши едят яблоки. Да-да! В самом северном детском саду страны дети круглый год получают яблоки. И виноград и помидоры...

...День близится к концу. Сквозь застекленную дверь смотрит несколько улыбающихся лиц: «Где тут наши?» Это пришли супруги Маторины и Мясоедовы за своими двойняшками: Тоней-Наташей и Вокой-Лекой.

Беспрерывно хлопает входная дверь. Прижав к груди маленькую Ольгу, ушел опытный полярник Ярлыков. Закутали в теплые шарфы Сережку супруги Калабановы.

В синих сумерках Диксона шагают мамы и папы. Они несут домой маленьких людей. А сквозь заиндевевшие стекла их провожают ревнивые глаза Айны Юлиусовны и ее помощницы.

У парней передающей

Вездеход вошел в переплетение растяжек и фидеров, гигантским шатром окруживших три небольших домика.

— Вы словно угадали! — пожал мне руку высокий румяный парень — начальник всей радиопередающей станции Анатолий Басов.— У нас сегодня праздник. Представляете, сразу два события: день рождения Виктора Яркова и восход солнца. Ну и, так сказать, «банкет»...

За столом — он, конечно, не ломился от яств — были все обитатели передающей, за исключением дежурных на вахте. Командовал банкетом седоголовый человек — Михаил Прокопьевич Филоненко, или попросту «Батя». Он пришел в Арктику, когда этой полярной станции еще не было и в помине.

Мой сосед по столу Геннадий Переверзев распахнул аккордеон и запел про геолога, который не ищет проторенных путей.

Пиршество было в разгаре, ко-

По вызову полярной станции за больным зимовщиком прилетел самолет.

За надежными стенами полярной станции Нагурского Земли Франца-Иосифа живет дружный коллектив полярников.

Первыми в Арктике встретили солнце полярники Диксона.

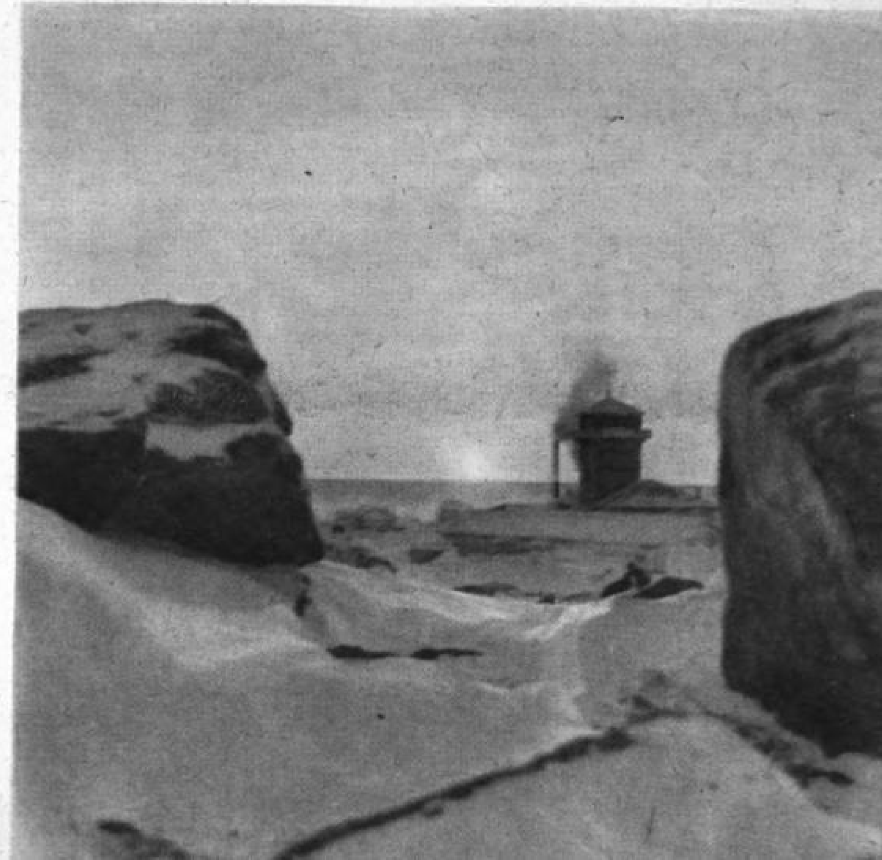

Фото В. ГУКОВА.

На службу полярникам все виды транспорта: собачьи упряжки, вездеходы, самолеты.

Пятнадцать лет заведует детским садом Диксона Айна Юлиусовна Твердохлебова.

Уютно и светло в жилых комнатах полярной станции. К услугам зимовщиков центральное отопление, электричество, радио...

гда именинник, взгрустнувший было, вдруг вспомнил:

— В газетах писали, что какая-то девушка из университета просилась в Арктику... Пишет, что согласна на любую работу и даже бесплатно. Интересно узнать, где сейчас эта девушка?

— Поедешь поступать в институт, найдешь ее! — отшутился Басов.

— Если бы нашел, обязательно привез бы сюда. Пусть приезжает к нам... За счастьем!

— В обязательстве нашей бригады,— наклонился ко мне Переверзев,— есть пятая заповедь: «Подготовиться и поступить в институт». Некоторые ребята уже учатся.

...Утро расписало небо Арктики перламутровыми разводами розовых и голубых красок.

— Спешите! Солнце выходит! — раздался мощный голос Бати.

Захлопали двери. Суматоха прокатилась топаньем ног от вешалки до крыльца. Все стихло. А над горизонтом разыгрывалась неповторимая увертюра. Мы застыли на бугре, очарованные потоком световых мелодий, в ожидании самого великого источника всех ароматов земли — солнца. Затаив дыхание, словно боясь спугнуть его, мы увидели, как над занавесью горизонта показалась выпуклая вишневая спинка. Уцепившись за небо, солнышко медленно подтянулось и вдруг веселым плоским помидором уселось на край Арктики.

Это означало для нас конец полярной ночи.

Арктические усмешки

Каких только занятных историй не услышишь в кают-компании полярных летчиков!..

— Прислали как-то к нам на ЗФИ нового летчика. Обмундирование — с иголочки! «Француженка» (зимняя куртка) белым мехом подбита. Сам парень — кровь с молоком.

Не успели как следует познакомиться, а он уже всех на ухо опросил: «Слышь, мил человек! Где бы тут, понимаешь, шкурку белого медведя раздобыть?»

— Так медведи после революции казенные...

— Я-то понимаю, —отвечает,— да разве жене объяснишь?..

Прошло полгода. Об этом парне, кажется, уже вся Арктика знала. Почернел бедняга, вся его краса вымерзла. Одна забота гложет: где медведя найти? Мы и рады бы посодействовать, только действительно на медведей год выдался неурожайный.

...Прилетел однажды этот летчик опять к нам на ЗФИ. А сутки назад медведь бочку с рыбой взломал. Узнав об этом, летчик даже в лице переменился.

— Ребята! — Сам чуть не плачет.— Отдайте мне этого медведя! Любой штраф уплачу!

Вот здесь и решил кто-то вызволить парня из беды. Взяли незаметно с вешалки его «француженку», вывернули белым мехом наружу — и на двор. Метрах в пятидесяти усадили чучело между бочками. Издалека посмотришь: медведь медведем.

Народ у нас — артисты, МХАТу не уступят. Ворвались в его комнату гурьбой.

— Парень! Пришел твой медведь! Сейчас стрелять будем!

— Стой! — подскочил он.— Братцы, я сам!— Схватил карабин — и, как был в тапочках, на мороз.

— В нас не попади!

А он из-за угла уже выцеливает свою «француженку». Как выстрелил, так из нее черный клок вылетел. Само чучело, конечно, ни с места. Он еще раз: бабах! Второй черный клок взвился в воздух.

Тут трогает его за плечо наш бухгалтер.

— Ты, парень, рехнулся, что ли? Собственную куртку разносить!

Видели бы вы, как он, все еще не веря, крался к «медведю». Вдруг резко так выпрямился, к нам спиной стоит, словно окоченел. В одних тапочках. На морозе. Может, вправду рехнулся? Потом, говорят, он послал супруге телеграмму на сто слов. Какие там были слова, никто не знает, но к белому медведю он, видать, у нее любовь отбил...

— А про фокус с водой на острове Шмидта не знаете? — интригующе улыбается мой собеседник, высокий, представительный летчик.— Ну, так слушайте! Забросила меня погода на местную полярную станцию. Ребята, свободные от вахты, отдыхают: учебники грызут, шахматы двигают. Одна молодежь—мне в сыновья годятся.

Поискал я глазами умывальник. На маленьких станциях с водой трудно: из льда натаивают.

— Где бы руки ополоснуть? — спрашиваю.

— А вон из стены трубочка,— отвечают хором.— Встаньте напротив и произнесите: «Вода, пойди!» Она и пойдет.

«Что за ерунда!» — думаю, а сам гляжу на стенку. Торчит из нее что-то вроде мундштука, под ним ведро стоит. Ни крана, ни ручки...

— Не верите? — подошел к стене один из этих ребят.— Вот смотрите! — И произнес торжественно: — Вода, пойди!

И вдруг из трубочки в самом деле полилась струйка воды.

— Вода, остановись! — приказал он, и струйка оборвалась. — Вот так!

Недоуменно поглядываю на ребят, а у них в глазах веселые чертики прыгают. Что делать? «Если я поверю,— думаю,— и как последний дурак скажу: «Вода, пойди!»— смеху потом будет, спасу нет! Да и кто разыгрывает? Сосунки!.. В чем же загадка? Потайной кран? Но где?»

Потоптался я вокруг умывальника. Смотрю, вдруг вода закапала. Пригляделся к половице, а там гвоздик торчит, будто из гнезда отошел. Как нажал его, так вода и хлынула.

Оказывается, на чердаке стоял бак с водой. И резиновый шланг от него не прямо к трубочке, а петлей сначала спускается к гвоздику на пол. Здесь у них нажимная педаль сделана. И все замаскировано, как в цирке.

— Вот шельмецы! Ловко же придумали! — расхохотались собравшиеся.— Главное — удобно, и воду экономят!

Красные ракеты

Это произошло 25 февраля 1961 года на полярной станции Нагурского. В 11 часов дня на Землю Франца-Иосифа обрушилась невиданной силы пурга. В 11.30 вся полярная станция загудела, словно потревоженный улей: «Исчез Евгений Дементьевич Ананьев, посланный для проверки метеоприборов...» Ананьев — помощник начальника станции.

— Что же он так, опытный полярник?..

— Где-нибудь рядом бродит...

— А вдруг в океан повернул?..

С вешалок торопливо срывались меховые куртки. Хлопали двери комнат. Начальник станции Наволоцкий, седой и от этого еще более бледный, решительно открыл заветные двери склада:

— Разбирайте ракеты! Красные — для поиска, зеленые — если он найдется. Давыдов, обеспечь людей унтами... Электрики! Включите на всей территории прожектора...

Один за другим полярники бросались в белую пасть метели. Зажмурившись, шагнул и я...

Нас было всего восемнадцать человек, два трактора и один полукилометровый телефонный шнур. Ведомые на флангах тракторами и вспышками красных ракет, мы двинулись на поиски Ананьева.

Я находился где-то в центре. Тонкий шнур убегал в ревущую карусель снега. Изредка между всплесками метели можно было различить соседа справа — метеоролога Сашу Андреева в меховом комбинезоне и соседа слева — бухгалтера Давыдова в дубленой шубе. Новый заряд снега больно хлестнул по глазам. Я споткнулся и чуть не разорвал шнур. Соседи же шли как ни в чем не бывало. Иногда Андреев останавливался и поднимал руку. Из его рукава вылетал тусклый огненный шар ракеты. А пурга все усиливалась.

...Когда началась метель, Ананьев находился всего в двух километрах от полярной станции. Он побежал, ориентируясь по ветру. Правая, подветренная часть лица быстро одеревенела, хотя он все время прикрывал ее рукой. Вот-вот должно было показаться здание станции. А что, если ветер изменил направление? Ананьев еще раз ощупал карманы легкой куртки и брюк. Увы, компас остался дома вместе с меховой «француженкой», которая показалась ему лишней. Он сощурил заснеженные глаза и негнущимися пальцами принялся снимать наледь с век и бровей.

Время от времени Ананьев кричал, но крика этого не слышал даже он сам. А пурга — тридцать метров в секунду. Температура с трех градусов мороза упала до двадцати семи. Промерз он насквозь. Спасение было в движении.

...Шел третий час поисков. Мы развернулись дугой вокруг одного из тракторов и двинулись по новой полосе. Ракеты без перерыва буравили пургу. Но это были все только красные ракеты...

Мы вернулись на станцию в полном изнеможении. У всех оказались обмороженными лица. Вскоре вздулись и мои щеки.

— Отдохнем час и пойдем снова! — предупредил всех Наволоцкий.— В сторону океана...

Да, Ананьев действительно пришел к океану. Он почувствовал это ногами, все чаще спотыкаясь о твердые кирпичи торосов. Его преследовала единственная мысль: отыскать где-нибудь высокий сугроб и спрятаться за ним от нестерпимого ветра. Но это означало бы конец. От океана до полярной станции не менее пяти километров. Но теперь Ананьев знал, куда идти. Лишь бы опять не изменился ветер! На воротнике его кителя выросла ледяная колода. Лед покрыл щеки, и он уже не пытался разбивать его. Промерзшие руки напоминали плети. Одни только ноги еще не отказали. И сердце... И еще воля...

Через час мы заново собрались в нижнем вестибюле станции. На красных лицах пластами лежал гусиный жир. Восемнадцать человек стояли молча и словно ожидали чего-то. И хотя говорят, что чуда не бывает, оно все-таки произошло...

После шести часов блуждания в пурге Ананьев заметил свет прожектора, установленного на небольшом складе, в двухстах шагах от станции. Выбив крохотное оконце, он влез в сарай и последним усилием воли снял трубку телефона. Дежуривший на вахте радист Александр Гусев недоуменно посмотрел на вспыхнувший номер дальнего склада. В наушниках прозвучало: «...трактор за мной... не дойду... ребятушки...»

Мы бросились в радиокомнату. Наволоцкий отчаянно крутил ручку телефона... Никто не отзывался.

— Тракторист, гони к дальнему складу! Давыдов, снимай шубу!

Ананьева доставили едва теплым и бережно уложили в постель. Кто-то прибежал со стаканом спирта, но врач решительно потребовал не мешать ему «обрабатывать больного».

Наволоцкий растерянно смотрел на своего помощника, который рвался объяснить ему что-то очень важное:

— Думаешь, я не понимал, какую ошибку допустил? Ведь двенадцать лет в Арктике... А ушел без компаса... Все искал, где написать записку: «Прошу никого не винить»...

Через несколько часов за Ананьевым прилетел самолет. Мне разрешили воспользоваться оказией и сопровождать Евгения Дементьевича на Большую землю. Вездеход доставил нас к самолету. Еще через десять минут мы делали прощальный разворот над Землей Франца-Иосифа. Ананьев лежал с забинтованным лицом, но это не мешало ему наслаждаться сигаретами.

— А щечки у вас, товарищ, того! Прихватило где-то! — Из щели бинтов в мою сторону блеснули живые глаза.— Некоторое время Арктика вам будет заказана... Впрочем...

Забинтованная голова приподнялась и начала подробно объяснять, какими средствами надо спасать отмороженные щеки...

* * *

Прошло более месяца. Отшумели в Арктике весенние пурги. Выспавшееся за полярную ночь горячее солнце без устали плавит снежное наследие зимы.

И хотя далеко от Арктики до Большой земли, я обнаруживаю теперь тысячи нитей, связывающих ее со всей страной: в телеграфном звоне эфира, в точных прогнозах метеослужбы, в пролетающих гусиных стаях, в письмах и телеграммах моих новых друзей.

Не так давно меня вызвали к телефону. Знакомый глуховатый голос передал привет из Арктики.

— А кто говорит?

— Наволоцкий с ЗФИ... Помните?.. Я в отпуск.

— Михал Никандрыч? Вот сюрприз!.. Кто же остался заместителем?

— Ананьев.

— ?!.

— Уже с полмесяца работает. Приехал после лечения, будто жених на свадьбу. А как же иначе? Дом-то родной! Кому — три березки над Днепром, а кому — полярная станция...

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Иван ШАМЯКИН

НЕКРАСИВАЯ

Рассказ

Я был приглашен в одну полесскую школу. После встречи с учениками и преподавателями мы сидели у директора и беседовали. Речь зашла о благородстве и самоотверженности. Мне рассказали, что в дальней деревне учительница усыновила двоих детей: отец их бросил, а мать умерла. Может быть, я и не придал бы особого значения этому рассказу, когда б не почувствовал, что присутствующие относятся к нему по-разному. Если мужчины все говорили об этой женщине с искренней похвалой, даже с восхищением, то у некоторых преподавательниц проскальзывал какой-то непонятный скептицизм. Проявлялось это по-женски, не в прямых высказываниях, а так: реплики, взгляды, улыбки. Я решил непременно повидать учительницу, усыновившую детей.

Деревенька была чуть не в другом конце округи. «Вон за тем лесом», — сказали мне, когда я спросил, как туда пройти. А лес синел вдалеке, подпирая неласковый, осенний небосвод. Шел октябрь. День был хмурый, ветреный, но довольно еще теплый. Только что кончилось бабье лето, и паутина оплетала сухие стебли придорожной полыни.

Есть неизъяснимая поэзия в осеннем поле, хотя на первый взгляд кажется оно пустым и унылым. Если весна зовет в луга и рождает желание по-детски веселиться, а летом тебя тянет полежать на опушке, бездумно вглядываясь в бездонную синеву неба, то осенью хочется идти и идти по скошенным полям в бескрайнюю даль... Не знаю, как кому, а мне особенно хорошо думается осенью, в поле. Нигде мысли не плывут так спокойно, широко, как на безлюдной полевой дороге. Разве только подивишься, откуда это озорник-ветер мог нанести столько вишневых, грушевых и березовых листьев, что ими забиты все колеи. Как будто берез и близко нет. Да и вишенник едва виднеется в деревнях, что приютились там, где широкая равнина горбится невысокими холмами, прорезана оврагами и речушками.

В осеннем лесу тоже славно думается. Но мысли здесь бегут по-иному: они отрывочны и быстро сменяют друг друга. Может быть, потому, что все вокруг пылает красками угасающего солнца — теплыми красками жизни и борьбы, которые всегда возбуждают. Здесь многое мешает спокойному и плавному течению мыслей. Шумит лес. Шелестят под ногами листья. Чудесным веером — в три стороны — рассыпала красавица береза на еще зеленую траву червонцы. Как они горят, эти листики, совсем как золотые монеты! И ничуть они не похожи на своих братьев, которых занесло в поле, в колеи; те смятые, скорченные, почернелые, а на эти глядишь — и даже глазам жарко.

Дубы расстилают под собой темно-коричневую мягкую постель, их лист не летит далеко,

он тяжелый и даже при ветре падает почти отвесно, только дольше кружится в воздухе и еще на земле продолжает ворочаться, будто примащивается, чтоб удобнее лечь. В эту постель мягко шлепаются желуди. Мягко!.. И сквозь шляпу я почувствовал удар. Второй желудь полоснул по руке, а третий щелкнул по носу, когда я поднял голову, чтоб проследить, как они срываются с веток. Можно подумать, что дубам не по нраву мое любопытство.

Звездочкой иных миров блеснул кленовый лист, вдруг оказавшийся на дороге. Я, завороженный, остановился перед ним. Откуда ты прилетел? Ах, вот он где, кленок! Небольшой, совсем невидный рядом с великанами-дубами; летом я его, верно, и не заметил бы. А сейчас какую красу рассыпал он вокруг! Его листья — узорный ковер, сотканный руками чудодейного мастера. И я не мог пройти по нему в пыльных сапогах. Я осторожно попятился и обошел стороной. Всю дорогу через лес меня сопровождала невидимая птичка своим тонким, жалобным плачем. Что она потеряла? О чем плакала?

В поле я думал об учительнице, которую шел навестить, и в голове у меня сложился целый роман о жизни этой женщины.

В лесу я забыл о ней.

В памяти всплывали картины далекого детства. Хотелось кому-нибудь рассказать о нем, об этих ничем не примечательных годах.

Деревенька, куда я наконец добрался, оказалась не только самой дальней, но, вероятно, и самой маленькой в округе. Об этом я догадался еще тогда, когда мне сказали, что школа здесь однокомплектная: на все четыре класса одна учительница — эта самая Надежда Ивановна.

Деревушка открылась предо мной неожиданно. И сразу подумалось: тот, кто выбрал это место, был поэтической натурой. С трех сторон к деревне подступал лес. Да какой лес! Одни березы (я даже удивился, как он уцелел, этот березняк). От белизны стволов и золота крон на все поле изливался поистине сказочный свет.

Деревня — одна короткая, но очень ровная и широкая улица, по десятку хат с каждой стороны, добротных, новых, крытых гонтом. Вдоль хат две шеренги молодых берез. И только школа (я сразу увидел ее) стояла на отлете, за огородами, ближе к лесу. Но странно! Школьную усадьбу окружали не березы, а стройные тополя, в большинстве тоже молодые, однако у самого здания выше леса поднимались два старых суховерхих дерева.

По полю напрямик направился я к школе и еще издалека услышал голос учительницы и хор детей. Шел урок. Чтобы не помешать, я потихоньку сел на лавочку под старым тополем, который тут же осыпал меня листьями. Огляделся. Школа, хотя и послевоенной постройки, очень напоминала ту, что так красочно описана Якубом Коласом: классная комната, коридор, а на другой половине квартира учительницы. Окна квартиры затянуты уютными тюлевыми занавесками.

Но напрасно я таился. Меня заметили, очевидно, еще тогда, когда я шел через поле. В этих краях мало кто ходит в шляпе. Я не успел как следует «изучить обстановку», а уже скрипнула дверь, и на крыльце появилась женщина моих лет (хотя в первую минуту она показалась мне старше) с грубоватыми, почти мужскими чертами лица.

Только в приключенческих романах после десяти лет разлуки мать не узнает родного сына, брат брата. Вряд ли так бывает в жизни. Я сразу узнал эту женщину, хотя мы не виделись четверть века. Мы встречались, когда нам было пятнадцать, шестнадцать лет.

— Надежда! — невольно вырвалось у меня.

Она узнала меня чуть позднее. Я успел увидеть, как прилипли к окнам пятачки детских носов, и подумал: «Сейчас они выдавят стекло».

Наконец она проговорила:

— Бог мой! Какой гость!

Сбежала с крыльца и пошла навстречу.

Мы жали друг другу руки, смотрели в лицо и улыбались радостно и смущенно.

— Какой гость! — повторила она.

Я признался:

— Представь себе, услышав имя и фамилию, я не сообразил, что это ты. А увидел — и сразу узнал.

Она громко рассмеялась, и лицо ее от этого похорошело.

— Я никогда не думала, что ты такой...

Она оборвала фразу, и я пошутил:

— ...Низкий и толстый.

— В школе ты был рослый парень.

Стекло-таки выдавили. Зазвенели осколки. Послышались испуганные детские голоса: в классе искали виновного.

— Я так и знала! — сказала Надежда Ивановна с досадой.— Извини, пойду успокою. Дам задание и отпущу. Идем в комнаты. Подожди там минутку.

— Нет. Я погуляю. У вас тут такая красота!

— Не уходи далеко. Мне ровно десять минут...

С этой женщиной у меня связано одно любопытное воспоминание далекой юности. С какой женщиной! С девочкой. И не у меня. Нет. А у некоего теперь уже чужого мне юноши, голова которого была набита разными романтическими историями, а сердце жаждало необыкновенных приключений.

Я шел лесом по ковру шуршащих березовых листьев и вспоминал...

Паренек этот влюбился в одну девочку — ученицу своего класса. Может быть, это слишком серьезное слово «влюбился», лучше сказать: увлекся. Но было это первое юношеское увлечение, а известно, что оно всегда прекрасно. Девочка казалась ему неземным существом: войдет она в класс — и для юноши все озаряется солнцем, приблизится она — и он не смеет перевести дыхание, чтоб не потревожить ее. Он всячески при любом случае старался ей услужить, показать свою преданность и верность. Товарищи смеялись над ним, он научился не обращать внимания на насмешки. Девочка беззастенчиво пользовалась его услугами (он решал за нее задачи, делал домашние задания, работал в столярной мастерской, на огороде), но даже ласковой улыбкой она одаряла его очень редко. Это была хитрая, холодная, неблагодарная и неумная девчонка. Ослепленный чувством, юноша не замечал этого, а может быть, ему казалось, что под этой личиной она скрывает свое отношение к

нему от класса, где было немало насмешников. Он был уверен, что стоит им встретиться наедине, и она раскроет всю силу своей любви. Но как им встретиться? Он жил в лесу, в семи километрах от деревни, где была школа и где жила она. Между прочим, не от страстной тяги к учебе, а из-за своей любви он ежедневно проходил эти четырнадцать километров и, помню, не пропустил ни разу: в любую стужу, в ненастье, в метель рвался в школу, хотя родители иной раз и не пускали. А когда начиналась весенняя распутица, он мужественно месил весеннюю грязь, только бы лишний раз глянуть на свое «солнце».

Он жаждал свидания — первого свидания в жизни. Когда наступили теплые майские дни, паренек наконец отважился: незаметно сунул девочке в учебник записку. Он видел, как она прочитала и спрятала ее... на груди. Боже мой! Как это его окрылило: записка у ее сердца! Он едва дождался вечера, блуждая по весеннему лесу! Из дому сбежал заранее, чтобы родители не запрягли в работу, не помешали; сказал, что у него очень важное комсомольское поручение.

Едва стемнело, он уже мчался туда. Чтоб ни с кем не встретиться по дороге, он бежал через лес и поле стороной. Не бежал — летел, перепрыгивая через пни и межи. А сердце... сердце было уже там, на месте свидания. Назначено оно было в поэтическом уголке — на мосту. В прибрежных кустах заливались соловьи, на воде месяц выткал серебряную дорожку, колыхались тени... И вот, когда юноша, задыхаясь, остановился на мосту и, не увидев любимой, спустился с насыпи, чтоб, укрывшись от чужих глаз, подождать ее, из-под моста вдруг выскочили... «черти»: они накинули несчастному влюбленному на голову какую-то вонючую дерюгу и, повалив наземь, угостили добрыми тумаками. Потом писклявый голос предложил: «Хлопцы! Окунуть его! Окунуть!» Романтического юношу подняли и бросили в речку. Речка была мелкая, по пояс. Он мигом очутился на другом берегу...

Все было кончено с этой любовью.

Возле школы зашумели дети. Они стайкой высыпали из дверей и побежали не к деревне, а в лес. Я скоро разгадал их маневр. Бесшумно сделали они большой круг и неожиданно вынырнули из-за берез мне навстречу. Нестройным хором сказали: «Здравствуйте!» — и мальчики сняли шапки. Дети долго оглядывались и о чем-то горячо спорили. Я тоже смотрел им вслед. А когда они скрылись, снова погрузился в воспоминания.

...Три дня я не ходил в школу: притворился больным. Но близился конец года, а мои школьные дела были сильно запущены. Я перемог стыд и явился на занятия. Меня встретили хохотом и криком: «Расскажи, как ты ходил на свидание!» Я отмолчался. Уже тогда я умел отвечать молчанием на обиду. Но я был упрямый. Мне хотелось отомстить им, и я выбрал весьма своеобразную форму мести: решил непременно устроить себе свидание, настоящее свидание, о котором никто из них ничего не узнает. Но с кем? Когда я в лесной тиши ломал голову над этой задачей, мне вспомнилось, что только одна ученица не принимала участия в общих насмешках, она смотрела на меня с сочувствием и даже сказала, что это подло, что смеяться тут не над чем.

Надя была некрасивая, ершистая девочка, но зато без тех деревенских предрассудков, которые делали иных девчат дикарками. Она не стеснялась сесть за одну парту с мальчиком, приходила на физкультуру в трусах и майке, могла пройтись по улице с любым школьником. Она хорошо училась, и мы с ней соревновались, но Надя лучше шла по языкам и литературе, а я — по алгебре и физике. Нас сближало еще и то, что из школы мы почти всегда возвращались вместе: Надя жила в деревне, мимо которой пролегала дорога в лес. Правда, мы никогда не ходили только вдвоем, потому что немало было школьников из той деревни. Я примыкал именно к этой «территориальной группировке». Девочка, из-за которой я оказался под мостом, принадлежала к другой.

Очевидно, потому мне и досталось. Одним словом, после долгих раздумий я решил, что второе свидание может быть только с Надей. И я назначил свидание, передав девочке письмо по дороге из школы.

Понятно, что, наученный горьким опытом, я принял все меры предосторожности. Место выбрал поближе к своим лесным владениям, где чувствовал себя увереннее. Поджидая девочку, залег в такой глухой чаще, что никакой черт не нашел бы меня там даже среди бела дня, не то что вечером. Помню только одно чувство (оно, очевидно, было сильнее всего): с той минуты, как письмо перешло в Надины руки, мной владела мучительная боязнь, что и из этого свидания ничего не выйдет. Я лежал в густом сосняке, до боли в глазах вглядывался в дорогу и... боязнь моя перерастала в страх, в панику, отчаяние, в желание умереть, лучше умереть, чем жить отвергнутым даже некрасивой Надей.

Надя пришла, и настроение у меня сразу поднялось.

Мы бродили по полевым тропкам, разговаривая о школьных делах, об экзаменах, которые уже кончались, о прочитанных книгах,

условились встретиться еще раз. На третий вечер... поцеловались. И это нам так понравилось, что потом мы уже меньше говорили, а больше целовались. В класс я приходил победителем. Смотрел на насмешников и думал: «Ага, я хожу на свидание с девушкой, целуюсь, а вы ничего не знаете и не будете знать».

Но в конце концов и эти свидания окончились для меня плачевно.

В крайнем дворе Надиной деревни, вокруг которой мы за полмесяца истоптали все глухие тропинки, была на редкость визгливая собачка. Она отравляла наши встречи. Она чуяла нас за километр и поднимала такой трезвон, что мы не знали, куда деваться. Я люто ненавидел этого щенка, готов был сам его искусать, просил Надю извести его какнибудь, но она смеялась и говорила, что даже мышь убить не способна.

Однажды отец послал меня с запиской к соседу-леснику — так, по эстафете, от одного к другому передавалась почта лесничества. Я поехал верхом и, конечно, захватил ружье. Мне только недавно разрешили им пользоваться, и я не упускал случая показаться на людях с ружьем за спиной. Путь мой проходил мимо той деревни, где жила Надя. И потому не удивительно, что у меня внезапно возникла «гениальная» мысль; такие мысли всегда приходят неожиданно. Возвращаясь назад, я нарочно дождался вечера и поехал по тропинке мимо того самого двора. Песик прямо зашелся от злости, возмущенный моей дерзостью. Я нарочно дразнил его, чтоб заманить подальше от деревни, в сосняк. Наконец ему надоело тявкать, и он отстал, подняв у пенька ногу. Я остановил коня и прицелился. Прогремел выстрел. Лошади моей, которая только мотала головой, когда пес прыгал перед ее мордой, и которую довольно трудно было заставить идти даже рысью, не говоря уж о галопе, не по нраву пришелся выстрел над ухом. Она сделала прыжок, и я... плюхнулся на землю. Попробовал подняться — не смог: левую ногу пронзила боль. Лошадь ускакала. Я полз к лесу, глотая слезы отчаяния, обиды, боли, а сзади все так же надоедно тявкала злосчастная собачонка.

Когда произошел этот случай, занятия в школе уже окончились. А покуда зажила моя нога, отца перевели на другой участок (в то время лесников часто перебрасывали с места на место), и мне больше не довелось встретиться с Надей. Осенью я уехал учиться в город. Помню, я писал ей, но ответа, кажется, не получил.

Усталый, я присел на пенек в этом волшебном березовом лесу и, погруженный в воспоминания, концом палки сгребал сухие листья к ногам. И вдруг увидел, что стоит тронуть их с места, пошевелить, собрать в кучу — и они теряют свою неизъяснимую прелесть.

Вспомнилось, что когда иной раз в компании друзей я рассказывал об этих своих юношеских похождениях, то старался подать их иронически, чтоб было посмешнее. Теперь, когда я встретил Надю не девочкой, а женщиной, которой уже за сорок, все это не казалось мне смешным. Наоборот, стало почему-то грустно. Может быть, виной была осень, золотой березняк и листья под ногами. Впервые, кажется, я подумал всерьез: «А почему, зная, что я был влюблен в другую девочку, Надя с таким открытым сердцем встречалась со мной и ни словом не обмолвилась о той, первой?..»

Надежда Ивановна нашла меня на этом пне.

— Притомился? — по-женски ласково спросила она.— А я думала, сбежал. Гляжу, нигде нет. Вот, думаю, позор тебе, хозяйка!

Мне понравилось, что она заговорила так просто, по-дружески. Зачастую старые друзья и знакомые, встречаясь после долгих лет разлуки, начинают заикаться, не находя сразу нужного тона.

Она успела переодеться и теперь была в зеленой кофточке, в серой юбке, на шее — газовый шарфик. Все это подобрано было со вкусом и молодило ее. Но слишком уж простая прическа — гладко зачесанные назад и собранные узлом светлые волосы — наоборот, старили. Я подумал, что городские женщины хитрее выбирают себе прическу.

— Прошу ко мне, дорогой гость. Я передала, чтоб вторая смена не приходила.

Мы направились к школе.

— Стекло разбил мой сын, — сообщила она таким тоном, как будто он совершил какой-то геройский поступок. — Он первоклассник...

Я хотел тут же спросить о детях, отчего умерла их мать, но то, как Надежда Ивановна сказала о сыне, удержало меня.

«Может быть, она думает, что я ничего не знаю...»

— В наказание,— продолжала между тем она,— я отправила его в лес собирать листья. Мы здесь последние из могикан: все еще сами печем хлеб. На листьях. Дубовых и кленовых. Помнишь, верно, как мать пекла?

Да, когда-то и я собирал листья, нанизывая их на длинную толстую нитку. Делал я это всегда с охотой. И сразу представил, как пахнет хлеб, который мать кочергой вытаскивала из печи, ножом очищала от листьев, а верхнюю коричневую корочку, от которой, кажется, и шли все эти аппетитные запахи, обмывала водой и раскладывала душистые караваи на полотенце.

Странно, именно этот запах я почувствовал, как только ступил на порог квартиры учительницы. Хлеб собственной выпечки, с отпечатками дубовых листьев на нижней корке, нарезанный толстыми ломтями, горой возвышался посреди стола в окружении тарелок с огурцами, помидорами, беленькими, один в один, грибками, сочными ломтиками ветчины. В доме никого не было, и я подивился, когда это Надежда Ивановна успела накрыть стол.

— Сидел я на пне и вспоминал... нашу школу,— я хотел сказать «наши свидания», но почему-то не решился, прикусил язык.

Но женщина все-таки покраснела.

— Руки помоешь? — спросила она.

— Да.

На кухне, добрую половину которой занимала русская печь, висел рукомойник. Но Надежда Ивановна полила мне из кружки и протянула новое полотенце.

Пока она хлопотала по хозяйству, я просматривал книжки; их было много; кроме художественной литературы, агрономия, садоводство, кулинария и даже медицина — справочник фельдшера, акушерство, лечебные травы.

— Почти не пишу.

Она вздохнула так же, как несколько минут назад ее приемная мать. И мне стало совестно, что я не пишу для детей. Я понял, что эта девочка взрослее своих однолеток, и ей нельзя говорить те шаблонные, пустые слова, которыми обычно отделываются при таком знакомстве. Вероятно, и Надежда Ивановна поняла это, потому что сказала:

— Иди разыщи Васю, дочка. Он собирает листья. Помоги ему.

— Хорошо, мама. — И еще раз кинув на меня любопытный взгляд, тихо, как мышка, скользнула в дверь.

— Она послушная у меня... И тихая,— сказала Надежда Ивановна.— А сын — своевольник... упрямый... шумный... Но люблю я больше сына.

Она опять налила браги, придвинула грибы.

— Закусывай. И расскажи о себе.

Я понял: о себе — это прежде всего о семье, о детях. Я рассказал. Она слушала внимательно, подперев ладонью щеку. Не скажу, чтоб в глазах ее была печаль. Нет. Но она опять вздохнула, так же, как тогда, когда упомянула про ревность.

— Ты счастливый. У тебя дети и интересная работа.

Я спросил:

— Ты что, и учишь и лечишь?

Она коротко ответила:

— Всяко бывает. Мы далеко от центра. — И пригласила к столу.

Мы сели друг против друга. Я — лицом к окнам, за которыми кружился тополевый лист.

— Летом, когда цветут тополя, верно, все вокруг засыпает пухом?

— Они хорошо шумят. Я люблю.— Надежда Ивановна взяла большой графин с мутноянтарной жидкостью.— Угощать тебя буду бражкой. Сама варю. По старому русскому рецепту. — И наполнила стаканы. — Ко мне иной раз заглядывают гости. Председатель колхоза. Председатель сельсовета. Они славные люди. И относятся по-товарищески... Даже их жены не ревнуют. — Она тайком вздохнула.

И мне стало ее жалко.

Я поднял стакан.

— За встречу...

Чокнувшись, она хорошо улыбнулась.

Мы выпили. Бражка была действительно вкусная. Я похвалил.

— Хочу еще научиться варить пиво. У меня есть чешский рецепт.

Я пошутил:

— А самогона случайно не гонишь?

— Нет,— серьезно ответила она.— Я борюсь с самогонщиками. И у нас его уже не гонят. Я научила женщин делать брагу. Хочу научить варить пиво. Нельзя же совсем всухую. Людям хочется повеселиться, погулять.

Постепенно за обыденными словами передо мной раскрывалась ее жизнь: дела, заботы, мысли учительницы далекой полесской деревни.

В комнату робко вошла девочка лет десяти, остроносенькая, беленькая, аккуратно одетая, в коричневом платье, в черном фартуке. Сказала мне: «Здравствуйте!» — и повернулась к Надежде Ивановне:

— Я отнесла, мама.

— Хорошо, Катя. Познакомься. Этот дядя пишет книжки.

— Правда? — блеснули любопытством голубые глазенки девочки, но тут же, словно вспомнив что-то, она застеснялась, опустила глаза, подумав, сказала:

— Для детей вы не пишете?

— А разве у тебя не интересная работа? — Я не посмел сказать: «А у тебя разве нет детей?»

Ответила она странно:

— Я пятнадцать лет в этой деревне. — И вдруг попросила: — Покажи карточки жены и детей.

Постоянно носить в кармане фотографии близких казалось мне излишней сентиментальностью. Надежда Ивановна удивилась, когда я сказал, что у меня этих карточек нет.

— Какие вы, мужчины, бесчувственные! — упрекнула она.— Не умеете вы ценить своего счастья.

— Счастье, оно не для показа,— ответил я шуткой.

— Ну вот! Потому вы и пишете все больше о горе и несчастье, о разных семейных неурядицах. А я хочу прочитать книгу о счастливой семье...

От шутки мы перешли к серьезному разговору, даже поспорили. Мы долго говорили о жизни и книгах, хотя кое-чему она давала оценки, которые наши критики наверняка назвали бы субъективными и упрощенными.

Беседе нашей никто не мешал. Стояла удивительная тишина, нигде ни звука, а было еще не поздно. Только приглушенно шумели тополя и падали листья. Давно уже не приходилось мне разговаривать среди такой тишины, такого покоя. Мною владело какое-то особое, отрадное чувство. И хмель от выпитой бражки был тоже особенный — легкий, приятный. Все это вместе создавало удивительное настроение. Нечто подобное испытываешь в пустом затемненном зале, слушая тихую и хорошую музыку. Было немного грустно, но вместе с тем радостно, как перед полетом в неведомый край.

Я представлял жизнь этой женщины по ее словам: «Я пятнадцать лет в этой деревне»,— по школе, по книгам и детям, которых видел, уже зная, что они усыновленные. Но были еще годы до того, была ее юность. Как она жила в ту пору? Любила ли кого-нибудь? Но как спросить об этом, чтоб вышло душевно, просто? Я никак не мог найти формы, а Надежда Ивановна не без хитрости, довольно ловко отводила разговор от своей жизни, хотя я несколько раз обходным путем — намеками, шуткой — пытался подвести ее к этой теме.

Наконец я сказал прямо:

— Может быть, ты и о себе расскажешь, Надя?

Она вся встрепенулась и как-то странно и пытливо посмотрела мне в глаза. Я не выдержал этого взгляда. Потом я вспомнил... Встретившись, как старые друзья, мы, однако, в течение всей беседы избегали называть друг друга по имени. И вдруг — «Надя». Верно, давно уже никто ее так не называл.

— О себе? Нечего мне рассказать о себе. — И криво улыбнулась. — Кого я любила — тот не полюбил меня. Я некрасивая.— Она произнесла эти слова сурово и безжалостно по отношению к себе, но без озлобления.— А тому, кто сватался просто так, я отказала. Я не могла просто так — только бы выйти замуж.— Она умолкла.— А про детей ты знаешь. Ведь, наверное, это и привело тебя сюда?

— Да. Мне рассказали.

— Если б ты догадался, что это именно я, пришел бы?

— Почему же нет! Я очень рад...

Она опять ничего не ответила, должно быть, отлично понимая, что не та это радость и что вообще не те слова должен был бы я сказать.

Она налила стаканы.

— Давай выпьем.

— За что? — спросил я.

— За детей. За наших детей!

Мне уже не хотелось больше расспрашивать о ее жизни. Не хотелось и не нужно было. И беседа наша как бы сбилась с торной дороги.

Я посмотрел на часы.

— Ты хочешь уходить?

— Да.

Она попросила ласково, от всего сердца:

— Останься. Побеседуй с людьми. Представляешь, как они будут рады. В нашей глухомани никогда не видели писателя.

— Не могу. Вечером конференция в райцентре. За мной приедут.

Это была правда, и она поверила.

— Жаль. У нас народ хороший. Всем интересуется. А к нам не заглядывают.

— Я приеду. Обязательно.

Я тогда искренне хотел приехать, но она не поверила. Ничего не сказала, но все равно я почувствовал, что не верит.

Надежда Ивановна проводила меня до леса. И только тут впервые вспомнила о нашей далекой юности. Оглянулась на деревню и сказала:

— Правда, деревня похожа на нашу? Особенно вон та опушка. Помнишь? — Невесело засмеялась она.— Как мы были наивны!

Я не согласился, что мы были так уж наивны, но не стал спорить: не хотелось говорить лишних слов.

На прощание она крепко пожала мне руку; ладонь у нее была шершавая, мозолистая: женщина не чуралась никакой работы. И мне вдруг захотелось поцеловать эту руку. Нет, мне захотелось больше — обнять и поцеловать Надю. Но я был не юноша и побоялся, что она вдруг может неправильно истолковать мой порыв.

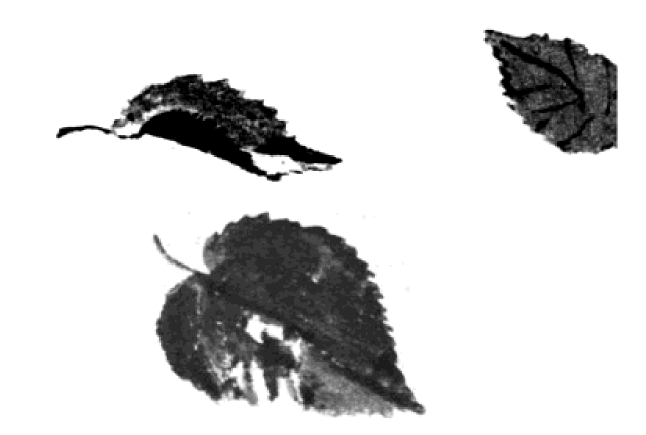
Когда я отошел, услышал, как она зовет детей:

— Ва-а-ся! Ка-а-тя!

Я оглянулся. За деревьями ее уже не было видно.

Дорогу засыпали золотые листья.

Авторизованный перевод с белорусского А. ОСТРОВСКОГО.

Здесь будет Всемирная выставка

Вертолет поднялся со стартовой площадки во Внукове и медленно поплыл к столице. Вот отчетливо выделился треугольник московской земли, ограниченный Калужским, Киевским шоссе и кольцевой автомагистралью. Здесь расположится Всемирная выставка 1967 года.

Промелькнула большая деревня — Теплый стан, она как раз стоит в центре будущей выставки, а дальше стелются леса и леса.

Рассматривая генеральный план участка будущей выставки, мы видим знакомый «треугольник». Только тут к нему вплотную подходит густая сеть дорог, улиц и проспектов, два радиуса метро — Калужский и Фрунзенский. С огромной скоростью будут проноситься поезда по подвесной дороге, доставляя посетителей с подмосковных аэродромов. К услугам экскурсантов — а их каждый день будет более 400 тысяч человек — специальные автобусы и автомобили. Вот площадки, на которых одновременно могут находиться 12 тысяч автомашин.

Главный павильон СССР — это огромное, величественное здание. Вокруг на площади в 100 гектаров расположатся отраслевые павильоны, где будут демонстрироваться успехи советской тяжелой индустрии, энергетики, транспорта и строительства. В 15 отдельных павильонах, разнообразных по конструкции и архитектуре, покажут свои достижения союзные республики.

Всего Всемирная выставка в Москве займет 520 гектаров, в 2,5 раза больше, чем в Брюсселе.

Обширную площадь отведут павильонам «Наука», «Техника», «Искусство», «Мир — миру» и павильонам различных международных организаций.

Проектировщики разумно должны использовать зеленые богатства «треугольника». В самых красивых уголках выставки расположится зона отдыха с тенистыми площадками, прудами, живописными фонтанами. 50 гектаров отводится для зоны зрелищ с театрами, цирками, эстрадами и аттракционами. Десятки гектаров займут рестораны, кафе, закусочные, магазины сувениров, торговые павильоны.

Инженеры уже подсчитали, сколько потребуется материалов для того, чтобы построить Московскую выставку. Если строители Брюссельской выставки обошлись 1 миллионом тонн цемента, то нам потребуется вдвое больше. Для возведения металлических конструкций в Брюсселе было выпущено 77 тысяч тонн стали. Мы же должны израсходовать более полумиллиона тонн стали различных марок. Павильоны выставки будут сооружены из бетона, стали и стекла. Строителям потребуется 3,5 миллиона кубометров сборного железобетона и 2 миллиона квадратных метров стекла.

Брюссельскую выставку воздвигали 75 тысяч рабочих. На выставке в Москве будет занято около 50 тысяч человек, но зато им станет помогать мощная строительная техника: 600 башенных и автомобильных кранов, 350 экскаваторов, 400 бульдозеров.

Открытие Всемирной выставки совпадет с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В подготовке выставки примет участие весь советский народ. Уже сейчас на Украине, в Грузии и Армении расширяется добыча самых лучших сортов гранита и мрамора, которые пойдут в адрес выставки.

Интересно отметить, что в период подготовки к Всемирной выставке в городах, где она проводилась, как правило, осуществлялись огромные реконструктивные работы, возводились новые монументальные сооружения... Так, в 1889 году в Париже воздвигли Эйфелеву башню.

К открытию Всемирной выставки в столице нашей Родины также приурочиваются большие работы по реконструкции улиц и площадей.

Н. ЯРЦЕВ

Для тех, кто в поле

Здесь с прохладными волнами Финского залива встречаются реки — красивая, с буйным норовом Нарова и ленивая, сонная Россонь. Здесь, в верхушках высоких сосен, запутываются примчавшиеся с залива ветры, и по бледно-золотому пляжу медленно бродят сыпучие кочевницы-дюны. Здесь, у слияния вод, стоит старинный курорт Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарова). В годы, когда в Эстонии хозяйничали буржуа, Усть-Нарова была аккумулятором иностранной валюты: сюда приезжали шведские промышленники, немецкие бароны.

Война минами и танками перепахала тенистые улочки Усть-Наровы, смешала золотой песок с закоптелым камнем разрушенных курзалов. На несколько лет опустел усеянный осколками пляж.

И совсем по-новому, по-другому началась вторая жизнь Усть-Наровы. Здесь в дни отпуска отдыхают рабочие, в пионерских лагерях загорает, крепнет детвора.

В этот сезон сюда приедут дорогие гости — эстонские колхозники. И если кто-нибудь усомнится, так ли хороша, так ли фешенебельна Усть Нарова, как прежде, пусть он заглянет в новый межколхозный дом отдыха «Нарва-Йыэсуу». Трехэтажное белое здание, построенное по проекту эстонских архитекторов Кинго, Ноора и Кузьмина, стоит на самом берегу моря. В комнатах красиво. Светлые стены украшены гравюрами известных эстонских графиков. В керамических вазах цветы. На голубых, желтых, зеленых полах лежат мягкие оранжевые коврики. Отлично спроектировала обстановку комнат архитектор по интерьеру Майму Плеес! Утром постельное белье убирается в выдвижные ящики, и спальни для двух человек превращаются в уютные гостиные.

Хозяева дома — двенадцать передовых колхозов Эстонии — приглашают к себе и других колхозников республики.

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Розенфельда.

Сайгаки и овцы

Не так-то просто угнаться за степной антилопой — сайгой. Быстрое животное, почуя опасность, мчится со скоростью 70 километров в час. Егерской службе Астраханского охотничье-промыслового хозяйства приходится всегда быть начеку. Особенно весной, когда огромные стада сайгаков двигаются из Северного Предкавказья в Северную Калмыкию, — приближается время отела. Пути их миграции проходят через черные земли, где в это время еще пасутся колхозные и совхозные отары овец.

Директор Астраханского охотничье-промыслового хозяйства Сергей Иванович Колтун рассказывает:

— Для государства ценны и сайгаки и овцы. Промысел сайгаков ежегодно дает стране более шести тысяч тонн превосходного мяса, двадцать миллионов квадратных дециметров хрома, большое количество ценного лекарственного сырья, которое получают из рогов самцов. Сайгаки обычно не обижают овец. Они кормятся преимущественно бурачком, тимелией, ирисом и другими травами, которых не едят овцы. Не притронутся дикие животные и к стогам сена. Но наши егеря должны следить за тем, чтобы стада сайгаков проходили подальше от посевов многолетних трав.

Впереди много забот. Надо полностью сохранить приплод. А он ожидается немалый: должно народиться около двухсот тысяч сайгачат. Их надо уберечь от хищных птиц, бродячих собак, браконьеров.

В. БОРОНИН

Бахчисарайский фонтан

Рамз БАБАДЖАН

Здесь повесть о любви звучит в журчащих волнах,
Здесь говорят со мной далекие века,
И смотрят на меня два нежных и безмолвных,
Рукою Пушкина положенных цветка.
Внимаю звону струй, и словно из тумана
Встают передо мной виденья той поры,
Когда пылала страсть в глазах Гирея-хана
И вздохи слышались печальной Диляры.
Вот старец немощный, чьи золотые руки
Из камня создали прославленный фонтан,—
Седой Умар-уста... На рабство и на муки
Когда-то и его обрек свирепый хан.
О вечный жар любви! В кипящие потоки
Она громады льда способна превратить,
И если сорок дней рыдал Гирей жестокий,
То как же мрамору хрустальных слез не лить?
...Внимаю шепоту старинного рассказа,
И воскресают вновь далекие века,
И смотрят на меня, как два печальных глаза,
Два пушкинских невянущих цветка.

Перевел с узбекского
Сергей Северцев.

Лето

Д. ЗЛОБИНА

* * *

Напиши мне такую картину:
За рекою некошеный дол,
Средь березок лесную малину
Собирает девчонка в подол.

Назови ее просто — Аленка,
Да не бойся ее простоты,—
Видишь, босые ноги ребенка,
Согревая, целуют цветы.

Наряди ее в ситец весенний
Да малиной осыпь золотой...
Я не верю, чтоб истинный гений
Не пленился ее красотой.

В СЕНОКОС

А в малиннике малиновки поют!
У девчонок сарафаны по колено!
Пересмеиваясь, девушки гребут
Легким солнцем пересыпанное сено.

Носят воду родниковую в ведре.
Колет сено загорелые коленки.
Не привыкли к нашей пензенской жаре
В сенокос зеленоглазые студентки.

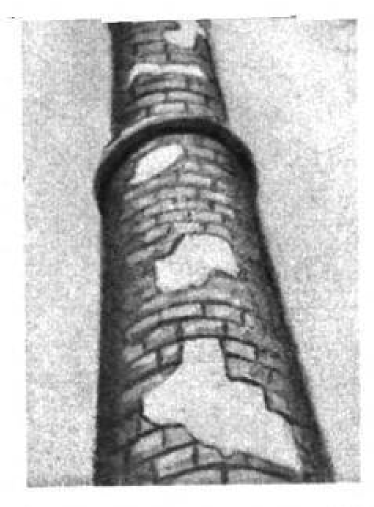
С непривычки даже грабли тяжелы.
Ах, девчонки! Лето красное ругают!
Даже белые веселые стволы
С непривычки больно взгляды обжигают!

Лишь под вечер унимается жара,
И малиновки смолкают по привычке...
Что за песни распевают у костра
О любимых загрустившие москвички!

И одна, густые косы распустив,
В нежном танце птицей кажется крылатой...
И стоят в кустах, не смея подойти,
Наши сельские смущенные ребята.

Иониты на службе природы

Что за причина больших повреждений этой трубы? Следы войны или результат недобросовестной работы строителей? Ни то и ни другое. Разрушения вызваны воздействием агрессивных газов, с большой скоростью вылетающих в атмосферу. За сутки из трубы выбрасывается до двенадцати миллионов кубических метров вредных веществ, которые загрязняют и отравляют окружающую среду.

Проблема борьбы с газами частично разрешена группой специалистов под руководством академика ВАСХНИЛ С. С. Перова и доктора химических наук профессора П. М. Лапина. Ими разработан метод поглощения агрессивных газов и кислот ионообменными смолами. Специальные ионитовые фильтры освобождают газы от всех вредных примесей, и в атмосферу поступает чистый воздух. Из фильтра можно извлечь поглощенный продукт и вернуть его в производство.

На Березняковском калийном комбинате построена первая в СССР полупромышленная установка по поглощению агрессивных газов и кислот ионообменными смолами.

Инженеры В. Плутенко, И. Борисов, А. Агабабов, разработавшие эту проблему, считают, что широкое внедрение этого метода позволит в ближайшем будущем отказаться от строительства слишком высоких труб и их частых капитальных ремонтов.

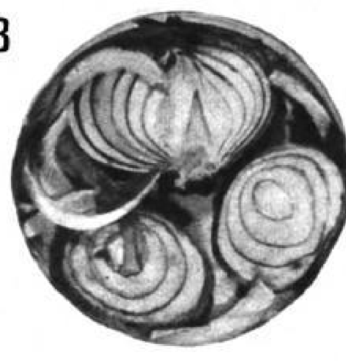
Какую экономию сулит он народному хозяйству? Это нетрудно представить, зная, что сооружение стодвадцатиметровой трубы обходится почти в двести тысяч рублей.

Н. ЛИМАРЕВ

... И ДЛЯ КОСМОНАВТОВ

За последнее время в продаже появляется все больше и больше сухих овощей, фруктов.

Как правило, изготовление сухих пищевых продуктов производится на консервных заводах в сушильных аппаратах, при положительных температурах. Но недавно научные сотрудники кафедры товароведения продовольственных товаров Ленинградского института советской торговли имени Энгельса доцент Чоговадзе Ш. К., кандидат биологических наук Мишун Е. М., ассистент Сахарова Т. Н. и автор этой статьи применили способ высушивания пищевых продуктов при отрицательных температурах в вакууме. Для этого предварительно замороженные пищевые продукты помещались в герметически закрытую вакуумную камеру. После включения вакуум-насоса в камере создавалось разрежение, и пары из замороженного продукта осаждались в охлажденном конденсаторе. Полученные новым способом сушки овощи и фрукты сохраняют вкус и питательность свежих продуктов. И главное, их можно хранить сколько угодно в герметической упаковке.

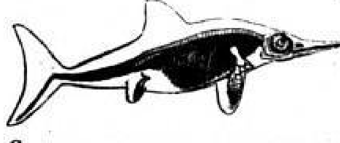

Так выглядят овощи и фрукты, высушенные новым методом.

Такие высококачественные сухие витаминные продукты хороши для снабжения населения больших городов и Крайнего Севера нашей страны. Возможно, что еще большее значение приобретут они и для питания космонавтов во время будущих длительных полетов на космических кораблях.

Профессор Н. ТИТОВ

Редкая находка

Скелет юрского ихтиозавра.

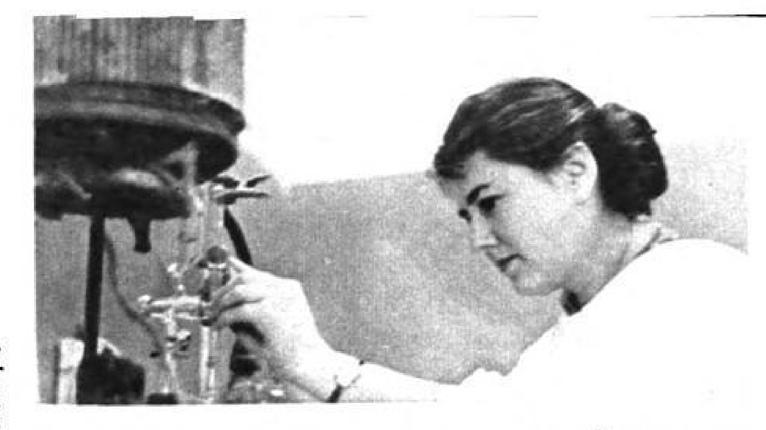
Это было в бассейне реки Кызылгай. Тут работает наша экспедиция Института геологии АН Азербайджанской ССР. Руководят экспедицией профессор А. Г. Халилов и кандидат геолого-минералогических наук Т. А. Алиев.

Во время раскопок нам посчастливилось сделать интересное открытие — найти остатки скелета ихтиозавра.

Ихтиозавры, или, как их еще называют, рыбоящеры, — большая группа ископаемых пресмыкающихся, живших более ста миллионов лет тому назад. Находка нашего геологического отряда была редчайшей для меловых отложений территории Советского Союза и в то же время первой для Кавказа. Изучение найденных экспедицией остатков скелета показало, что они, несомненно, принадлежат к новому, еще неизвестному роду ихтиозавров.

Научный сотрудник Института геологии АН Азербайджанской ССР АКИФ АЛИ-ЗАДЕ

Кокосовое масло с Цимлы

Инженер Н. Н. Спивак проверяет чистоту готовой продукции.

К дальним берегам отправляются наши торговые корабли за ценным кокосовым маслом. Но недавно предприятия, вырабатывающие высшие сорта туалетного и хозяйственного мыла, получили кокосовое масло... с берега Цимлянского моря.

В последние годы под Волгодонском вырос комбинат синтетических заменителей жиров — детище большой химии. Уже третий год действует завод, который дает промышленным предприятиям жирные кислоты, получаемые из парафина и полностью заменяющие растительные жиры.

В одном из помещений корпуса завода висит большой лист кальки. На нем графически изображен весь технологический процесс получения кокосового масла: температура, вакуум, дифференциальное давление.

Много раз собирался штаб химиков во главе с главным инженером И. Болотиным. Много конструктивных изменений было внесено в аппаратуру, пока наконец удалось определить технологический режим кокосовых фракций синтетических жирных кислот.

На участке дистилляции, где происходит разбивка кислот по фракциям, стоит негромкий, но напряженный гул. Через определенные промежутки времени аппаратчица Ольга Александрова включает дозирующие насосы. Берут пробу. В центральной лаборатории ее тщательно изучают: отвечает ли она всем требованиям химиков, высок ли процент чистоты кокосовой фракции? Дистилляторщики волнуются каждый раз, когда начинаются исследования. Это понятно. Ведь новый процесс мало освоен. Но Галина Ивановна Москвина, заведующая центральной лабораторией, успокаивает:

— Все в порядке. Поздравляю вас. Это цимлянское кокосовое масло.

А. КОРКИЩЕНКО

Быстро и прочно

Вы, вероятно, помните, как удивился смелый солдат из сказки Х. К. Андерсена, когда узнал, что старое огниво, случайно завалявшееся у него в кармане, оказалось волшебным.

Не меньше удивились студенты Вышневолоцкого государственного учительского института, наблюдая за опытом своего преподавателя. Было это во время занятий студенческого научного кружка по физике, который вел заведующий кафедрой Михаил Владимирович Шавлович.

Самый обыкновенный песок и отходы органических смол превратились вдруг на глазах у студентов в ценнейший строительный материал — пластобетон. И произошло это не за несколько десятков часов, которые требуются для производства бетона, а всего лишь за... минуту по самым точным часам.

...Уже давно инженера-физика Михаила Владимировича Шавловича занимал вопрос: какие явления происходят в веществе на границе жидкого и твердого состояний? Как ведут себя молекулы и атомы вещества на грани этих двух фаз?

После многочисленных опытов ученому удалось доказать, что атомы и молекулы вещества в этом состоянии становятся как бы сверхактивными, они в тысячу раз быстрее вступают в реакции.

Этим-то свойством, названным ученым межфазной атомно-молекулярной активностью, и воспользовался Шавлович при получении ценного строительного материала — пластобетона. Полученный материал в два-три раза прочнее обычного бетона, не пропускает воду, устойчив против кислот, щелочей... В прочности он не уступает даже железобетону, хотя на производство пластобетона идут лишь обычный песок или гравий да органические смолы, полученные путем гидролиза из отходов кукурузы, соломы, шелухи хлопковых семян, древесных опилок, опавших листьев...

В. БЕЛЕЦКАЯ

Ультразвук ведет сварку

Как правило, при слове «сварка» представляется такая картина: рабочий в толстом комбинезоне, ослепительное пламя между электродами, снопы искр, до боли слепящие глаза.

Однако далеко не всякий знает, что существует много видов сварки: электрическая, аргоно-дуговая, контактная... А сегодня к этому перечню можно прибавить еще одно название — сварка ультразвуком. Что же это такое?

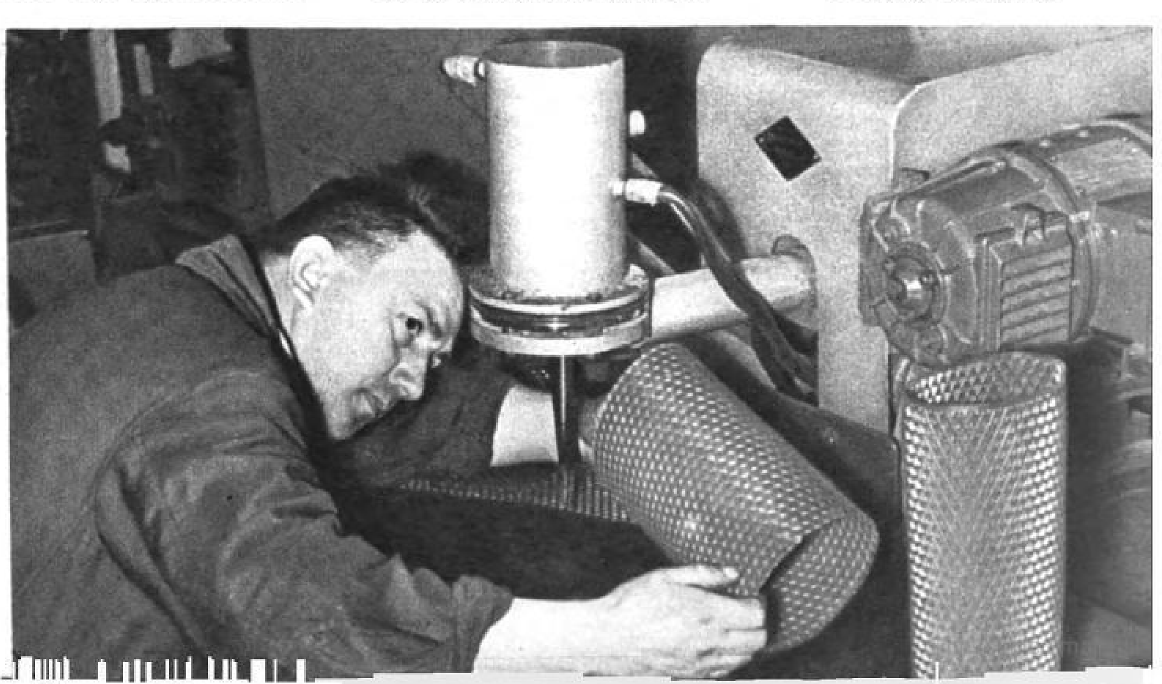
...Лаборатория сварочного производства МВТУ имени Баумана. В одной из комнат стоит оригинальный станок. Принцип действия его таков: ультразвуковые колебания очищают поверхности свариваемых металлов от грязи и окислов, а потом силы молекулярного сцепления надежно скрепляют изделие. Так происходит сварка. Без искр, ослепительно белого пламени и рабочих в толстых комбинезонах.

В лаборатории есть и другая, не менее оригинальная установка. Но она сваривает уже не металлы, а пластмассы.

А. КИЧАТОВ

Сотрудник лаборатории Б. А. Сучков за сваркой пластмасс.

Фото А. Бочинина.

Ровный ход

А. СТАРКОВ

Мне повезло. Я приехал на Череповецкий металлургический завод в один день с его бывшим главным инженером Михалевичем. Оба мы в Череповце второй раз. Но я провел здесь когда-то несколько дней, а Георгий Францевич прожил тут несколько лет.

Помню Череповец военной поры — маленький деревянный городок, оказавшийся вдруг таким нужным, просто необходимым большому, попавшему в беду городу. В Череповце накапливались, а затем перебрасывались через Ладожское озеро грузы в осажденный врагом Ленинград. А из Ленинграда вывозили этой же дорогой в глубь страны измученных блокадой жителей, оставляя в Череповце на поправку самых больных, самых изможденных, кому уже не под силу был дальний путь. И не было тут семьи, которая не приютила бы ленинградцев. И тысячам спасенных здесь людей всегда будет памятен этот крошечный, заваленный снегом городишко, который приголубил их, накормил, поставил на ноги, проводил дальше в дорогу...

Михалевич приехал в Череповец после войны. Он был назначен главным инженером металлургического завода, который еще не существовал. Было только место для завода. А когда Михалевич через пять лет уезжал, готовились к задувке первой домны и пуску первой коксовой батареи. Потом Георгий Францевич прожил четыре с половиной года в Индии. Где мог жить в Индии советский металлург, доменщик? Ну, конечно, в Бхилаи... А сейчас Михалевич в Москве, работает в международной организации, которая сокращенно зовется СЭВ, а развернуто — Совет экономической взаимопомощи европейских стран народной демократии. Для работников промышленности и сельского хозяйства СССР, Польши, ГДР, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании СЭВ представляет собой своеобразный «круглый стол», за которым они обсуждают технические и экономические проблемы, консультируются, советуются, обмениваются опытом, разрабатывают рекомендации. В СЭВе много комиссий, и Михалевич работает экспертом в одной из них — в комиссии по черной металлургии. В Москве состоялось очередное ее заседание. Съехались доменщики, сталеплавильщики, прокатчики, коксохимики, агломератчики. В выступлениях советских товарищей часто упоминался Череповецкий завод: показатели его любопытны и поучительны. Кто-то предложил провести экскурсию на это интересное предприятие. И вот перед тем как разъехаться по домам, 44 инженера из стран, входящих в СЭВ, отправились в Череповец. Руководить поездкой поручили Георгию Францевичу Михалевичу. Представляете, как обрадовался он возможности побывать на родном заводе после шести лет разлуки.

Для меня это был счастливый случай — встреча с Михалевичем. Приедешь на большой завод и не знаешь, с чего начать, куда ткнуться. Завод — штука многосложная, металлургический особенно. Бывал я на «Магнитке», на «Дзержинке», в Нижнем Тагиле, на «Запорожстали» бывал, вот в Череповец приехал. Везде вроде одинаково, одна технологическая цепочка: коксохим — домны — мартен — прокат. Цепочка одна, а заводы разные, характеры у них разные. Есть заводы общительные, с ними легко вступать в знакомство. И есть скрытные, замкнутые, не сразу к себе подпускающие. Возможно, я слишком очеловечиваю, но, право же, ходишь по иному заводу и злишься: все вокруг как будто ладно, правильно, а «изюминки» не видишь. В чем она, эта «изюминка», заранее не угадаешь, всякий раз это бывает по-разному, но у каждого завода есть она непременно. Только у одного лежит на ладони и всем видна, а у другого припрятана. Вот и важно встретить человека, который бы помог тебе ее обнаружить, помог заглянуть в душу завода, понять главное в нем. И я обрадовался Михалевичу, подумав, что он и есть такой человек. Стоял когда-то у люльки, в которой барахтался будущий завод. Слышал, как он произнес первый раз «мама». Держал за руки, когда он делал первые шаги. Потом главный инженер уехал. И мне интересно проследить свидание этого человека с заводом, который он оставил в младенческом возрасте и который вон как развернулся за эти шесть лет. Завтра приехавшие с Михалевичем гости совершат экскурсию по цехам. Ох, и попотели ж устроители над планом этой экскурсии! Хочется все показать, но как показать? У гостей в распоряжении один только день. А, как сказал мне Михалевич, «для пробежки по этакому заводищу нужна бы неделя».

Перед «пробежкой» по цехам гости побывали у директора завода Филичкина. Был и я там с блокнотом. Но до этого мы уже встречались с Иваном Федоровичем. Готовясь к беседе с товарищами из братских стран, директор и для меня нашел сегодня полчаса. И это были очень уплотненные полчаса. На первых же минутах у нас обнаружился общий знакомый, и разговор как-то сразу завязался. А знакомый этот — завод имени Дзержинского, что на Украине, знаменитая «Дзержинка», где Филичкин провел полжизни. С нынешним директором «Дзержинки» Орецкиным — Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии — росли они в одном дворе и вместе бегали на завод, обед отцам носили. Через доменный бежали всегда рядышком, ноги босые, вечно жгло тут пятки, а потом у них дорога расходилась: Ванюшке — к отцу в литейный, Жорке Орешкину — в огнеупорный. Повзрослев, один потянулся к мартенам, другой — к домнам. В вечернем институте на одном курсе занимались.

Ивану Федоровичу 56 лет, но директор он молодой. Только год назад принял завод у Семена Иосифовича Резникова, который вел череповецкую «Магнитку» одиннадцать лет и по болезни сердца ушел на пенсию. Когда-то, до войны еще, они работали вместе все на той же «Дзержинке». Резников был директором, и Филичкин, приходя к нему по делам заводской лаборатории, видел на столе толстую записную книжку в коричневом переплете, вот такую же точно, что лежит сейчас под рукой и у Ивана Федоровича. Она оставлена ему в наследство от предшественника. Странички ее разграфлены, и когда их перелистываешь, невольно зажмуриваешься от мелькания черных крохотулек-цифирок. Тут вся жизнь завода, вся его биография, все его дни и ночи, все хорошее и плохое — без утайки. Вы хотите знать, как жил завод, ну, скажем, возьмем наугад, 26 января 1959 года? Пожалуйста. Доменная печь № 1: выдано чугуна столько-то... Домна № 2: столько-то. Мартен? Вот вам мартеновские печи... Сколько металла прокатано? Где-то тут должен быть блюминг. Нет его? Позвольте, а про какое число вы спрашиваете? Про 26 января? А блюминг пустили назавтра, 27-го, в день открытия XXI съезда партии. Глядите, вот он уже и катает...

Директор волновался, держа отчет перед гостями. Я не оговорился, написав эти слова. Да, директор большого советского предприятия именно держал отчет перед своими товарищами из социалистических стран. Он начал с истории, начал с того, как выбирали место для завода.

У металлургов вечная проблема: где «посадить» завод, если руда и уголь далеко друг от друга? А рядышком они бывают редко. Так где же быть домнам? К руде ближе или к углю? По-разному решали эту проблему на юге и востоке страны. И совсем необычно решили ее на северо-западе, определив место для металлургического завода почти одинаково далеко и от руды и от угля. Где рудники? На Кольском полуострове, близ Мурманска. От Череповца до тех мест 1 550 километров. А шахты? На Печоре, в Воркуте. Это еще дальше — за 1 800 километров. В общем, и туда и сюда — неближняя даль. И может, сподручнее было бы возить руду к углю или уголь к руде, а не таскать их порознь куда-то в третье место? Но между ними-то тоже версты немалые — 2 500 километров! Вот и решайте, где быть заводу.

А может, ему лучше и вовсе не быть в этих краях, коль тут такие дали? Не быть? И пропадать, значит, зазря кольским рудам, которые хотя и не богаты железом, но в сочетании друг с другом, в концентрате, дают великолепную пищу для домен? Не быть заводу? И сгорать, значит, не за понюшку табаку редчайшим коксующимся углям Воркуты? Металлурги по всему миру рыщут в поисках такого угля. Жечь его в топках — просто-таки уголовное преступление. Домнам он нужен, домнам! Ну, так и ставьте их в Воркуте, поближе к углю. А руда? Руда, как уже сказано, за 2 500 километров отсюда, а нужно ее домнам чуть не в два раза больше, чем угля. Возить столько руды да на такое расстояние — де-ше-венький получится у вас чугун! Что твое золото... Хорошо, построим домны в Оленегорске, близ рудника. А бывали вы там, за Полярным кругом? Тундра, болото, скалы. Возводить тут металлургию с домнами, мартенами, прокатными станами архитрудно, чертовски дорого. Игра, быть может, и стоящая, но свечей сгорит порядком, ох, порядком! А потом мы вот о ком забыли — о потребителе. О том, для кого, собственно, металл. А он для Ленинграда, для Ярославля, для Горького. От Череповца до Ленинграда 470 километров, от Оленегорска — 1 500, от Воркуты — 2 300. Откуда же проще возить в Ленинград готовую продукцию? И куда легче доставлять из Ленинграда металлический лом, которого так много на его машиностроительных заводах и без которого не могут жить мартеновские печи?

За спиной у директора, на стене, карта северо-западного края страны. Можно встать, подойти к ней, охватить взглядом все эти просторы, промерить расстояния, всмотреться в коммуникации и попробовать подыскать другое место для завода, который должен быть и не обязательно уж в Череповце, чуть ближе, чуть дальше, но непременно в этом углу страны, куда металл таскали за тысячи верст — с Урала, с Украины. Ну, возможно ли было оставаться такому промышленному району без собственной мощной металлургии?

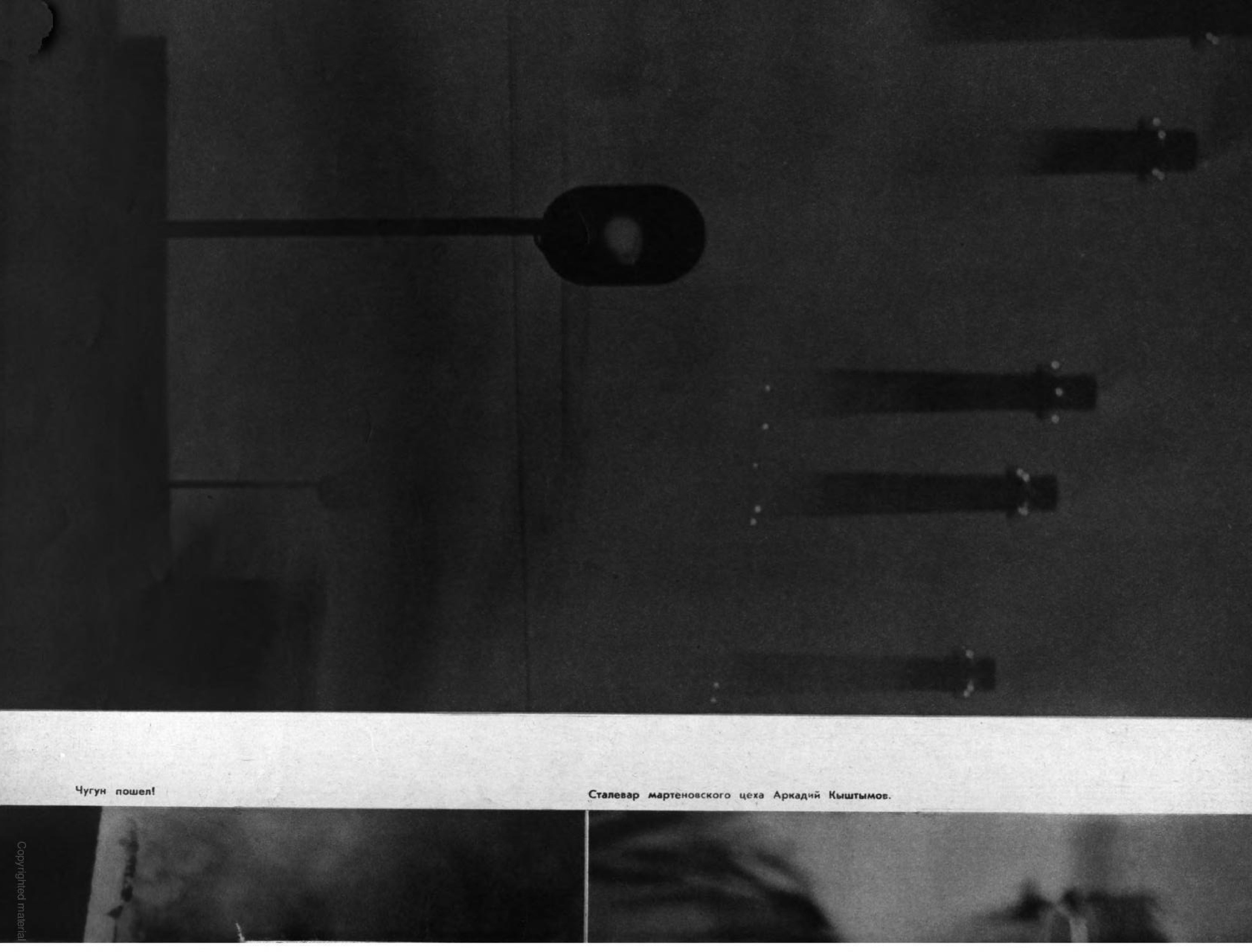
А вот и сам он, завод, на другой стене, на огромных белых листах генерального плана.

— Подойдите, пожалуйста, вглядитесь, у нас нет от вас секретов, дорогие товарищи. Все, что синей краской,— построено, живет, ды-

Череповецкий металлургический комбинат. Доменный цех.

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Стан «2800» в работе.

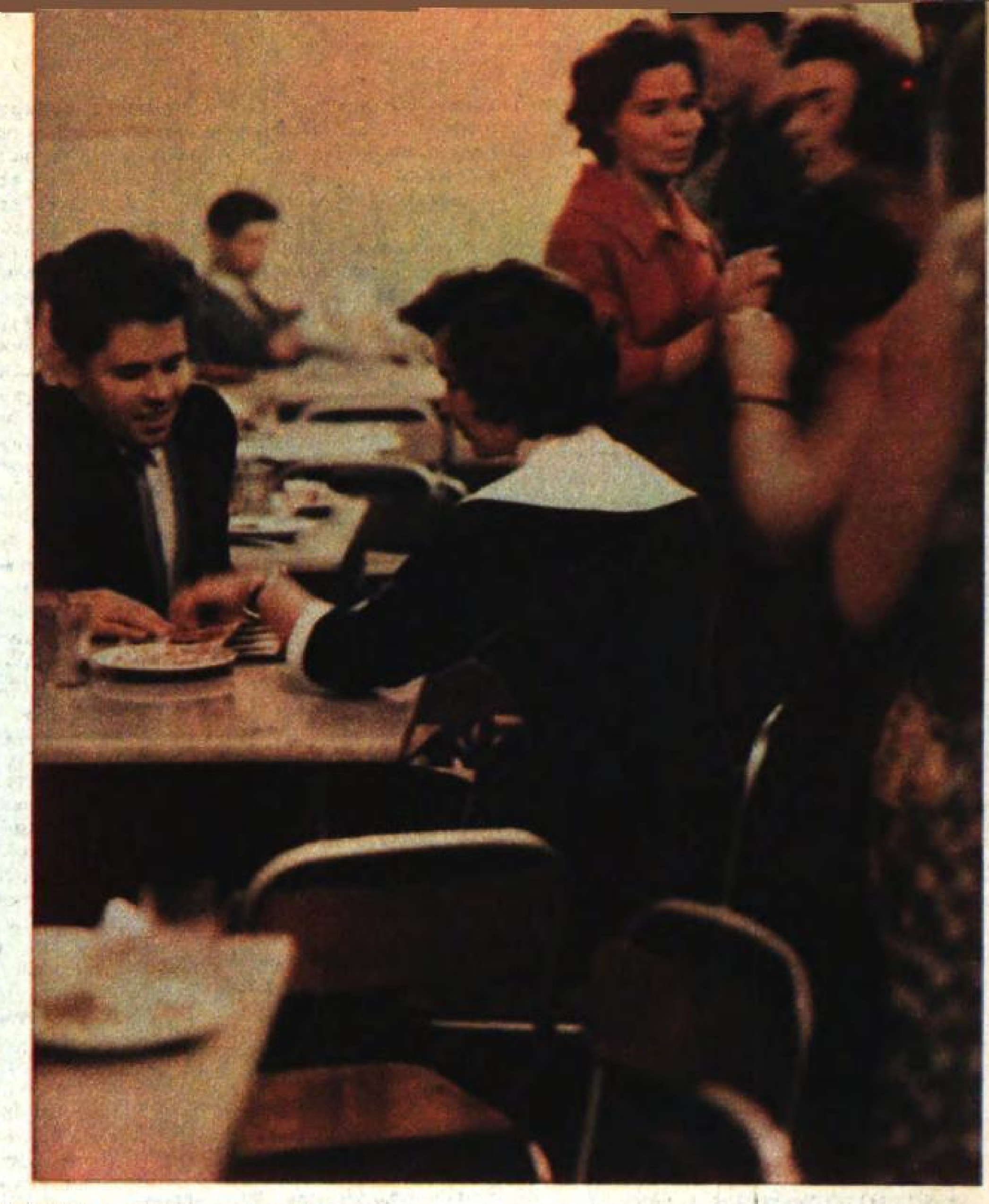

Чугун пошел!

Сталевар мартеновского цеха Аркадий Кыштымов.

Вечерами молодые металлурги отдыхают в своем кафе «Юность».

мит, работает. Красным цветом — то, что построим до конца семилетки. Завод к тому времени будет в три раза мощнее, чем его когда-то задумывали. А пунктиром — но, заметьте, толстым, надежным пунктиром — еще более дальний наш разгон... Оцените планировку. Нам далековато до руды, до угля, но внутри завода предельно сокращены все коммуникации. Аглофабрика рядышком с домнами. Она, можно считать, вместо рудного двора. Свеженькую, только что спеченную в агломерат руду подаем транспортерами прямо к домнам. Где остальная руда хранится? Вы имеете в виду сырую? А наши печи сырой руды не знают. Работают на стопроцентном агломерате. Мечта доменщиков? Конечно, мечта. Но тут, у нас, осуществленная... Я вижу, дорогой друг, вы поглядываете в сторону прокатных цехов. Вы прокатчик? О, так вы и есть товарищ Буковский? Слышал, слышал о вас от монтажников. Мы очень благодарны вам, чехам, за отличный заготовочный стан. Завтра увидите его в работе. Побываете и в листопрокатном. Это самый молоденький у нас цех. Слышали о нем? Ах, уже и тонкий лист наш получаете? Ну так, значит, квиты. Вы нам — стан, мы вам — прокат...

Так или примерно так говорил директор. Доверительно делился заботами. И даже некоторыми своими печалями.

— Среди вас есть директора заводов? Скажите, друзья, какие сны видятся вам по ночам? Мне, оттого, наверно, что я начинающий директор, завод часто снится. Полночи домны вижу, а у наших домен ровный ход, и я спокойно сплю. Вторую половину ночи тревожусь, снятся мартеновские печи, а их у нас все прибавляется, в нынешнем году еще три закладываем, а газу не хватает. Вынуждены вводить на печах с газовой схемой мазут, и они, сами понимаете, артачатся. Ждем природного газа, трубы уже близко от Череповца; вот получим природный, и буду всю ночь спать спокойно...

Я оглядываю лица гостей. Нет равнодушно внемлющих рассказу директора. Это все тот же «круглый стол», за которым инженеры братских стран с величайшей взаимной заинтересованностью учатся друг у друга. Завод новый, молодой, он еще в становлении, еще накапливает силы. Как он будет дальше шагать? Темп взят стремительный. Домны, мартен, прокат далеко рванулись. Не начнут ли от них отставать «тылы» — вспомогательное хозяйство, ремонтная база? Пока такой угрозы нет, но помнить о ней надо. Как всякий организм, завод должен развиваться гармонично... Так идет этот разговор деловых людей за «круглым столом» — долгий, допоздна. Завтра он будет продолжен в цехах.

Утром я от Михалевича ни на шаг. Маршрут экскурсии — по технологической цепочке. Начало у коксовых батарей. Сколько раз я бывал на металлургических заводах, а до коксохимического цеха ни разу не добирался. Обычно он где-то в стороне, на отшибе, вот уже соберешься туда, и что-нибудь отвлекает. Так и не видел, как пекут кокс. Узнав об этом, Георгий Францевич ужасно раскритиковал меня, верней, «моего брата».

— Вашему брату, журналисту, подавай непременно сталевара или горнового с пикой или другую какую героическую фигуру. Только коксовиков и агломератчиков не жалуете. А разве это не такие же огненные профессии? Да без кокса, батенька мой, не быть металлургии — ни домнам, ни мартенам, ни любимым вашим прокатным станам! Может, прочитать вам лекцию об этом замечательном топливе и чудесном восстановителе железа? Не читать? Так чего же вы игнорируете коксохим? Не терзают вас угрызения совести?

— Терзают, Георгий Францевич. Хоть бы подержать в руках кусочек кокса...

И вот лежит у меня на ладони черный брусок, пористый, как губка, твердый, как алмаз, звонкий, что твой хрусталь. Соскользнул на стол, стукнулся и зазвенел тоненько-тоненько, но совсем не жалобно. Хотя мог бы и пожаловаться на многострадальную свою судьбу-планиду. Я прошел вдоль всего пути кокса, точнее, угля, который становится коксом, и свидетельствую, что это и впрямь великомученик и стоик. Как он не рад, наверно, этот воркутинский уголек, тому, что родился коксующимся! Так бы его просто в топку, и он честно сгорел бы, отдав людям тепло, оставив после себя кучку золы, и вся недолга, отстрадался. А тут тебя и промывают, и отсеивают, и дробят нещадно в молотковой дробилке, истирая в муку, и тащат наверх в какую-то башню; но в ней хоть прохладно, лежи себе навалом, да лежать-то долго не дают, сыплют в некую камеру, где жарища умопомрачительная и ни глоточка воздуха, кислорода — пламенем не вспыхнешь. Жарься, парься, спекайся в густую массу, а это людям и надо, это они и называют коксованием. И улетучиваются из тебя милые твои «летучие» вещества, и где-то там, на воле, стать им сладчайшим сахарином, нежными акварельными красками, дорогими духами. Но вот и тебя выталкивают на свободу, теперь ты «коксовый пирог», способный распадаться на такие вот брусочки, а на тебя льют море холодной воды, впрочем, она почти кипяток, но когда в самом тебе тысяча с лишком градусов, то и горячая вода покажется ледяной. Ты остыл, ты твердый, звенящий. Тебя зовут теперь ласково «королек». Но тут так: сперва помучают, потом приласкают, чтобы снова мучить. Вот и тебя, «королька», ждет ненасытная домна. В утробе ее твоя погибель. Но и слава твоя. Я сам слышал, как люди говорили: «Хорош череповецкий кокс! Серы в нем минимально, а это очень важно для доменного процесса. И прочный, большие давления выдерживает в домне. А экономичный какой! На тонну готового чугуна идет чуть побольше полтонны кокса. Нигде нет такого. Лучший он в стране!» Гордись.

Из коксохимического — в доменный.

— Оглядитесь,— говорит мне Михалевич.— Нравится вам здешний заводской пейзаж? Чувствуете разницу по сравнению с другими заводами? Слушайте, надо же быть наблюдательным человеком! Где железнодорожные пути? Нет железнодорожных путей. А мотовозы пересекают вам дорогу? Где вагоны с рудой? А грейферные краны? Все — и агломерат и кокс — на транспортерах, на конвейере. Все в закрытых галереях, в туннелях, на эстакадах. Это понять надо, батенька мой, и оценить!

В доменном, на пороге «бытовки», гостей встречает заместитель начальника цеха, человек средних лет с широким грубоватым лицом, с чуть воспаленными, как у многих доменщиков, веками, неулыбчивый, пожалуй, даже мрачноватый, но тем не менее сразу же всем понравившийся. Он на первых же минутах обрубил висевшие в воздухе нити официальности и повел беседу легко, на полной естественности, очень как-то по-деловому. Это был разговор специалиста со специалистами, металлурга с металлургами, но и мне во многом понятный. Знаю я, что такое КИПО, о котором тут то и дело упоминают? Знаю и вам могу объяснить. Это коэффициент использования полезного объема. Чьего объема? Печи. А чтобы получить всякий коэффициент, нужно обязательно что-то на что-то делить. В данном случае кубометры объема на тонны выданного печью чугуна. Ну, скажем, кубов 1 000 и тонн 1 000. Каков КИПО? Единица. Но так бездарно наши доменщики не работают. У них тонн всегда больше, чем кубов, и коэффициент меньше единицы. Знаете, какой КИПО у череповецких доменщиков? 0,54! Я не зря поставил восклицательный знак и хочу его повторить: с каждого кубометра объема печей здесь берут чуть не 2 тонны металла! Такого еще и магнитогорцы, испытанные мастера и чемпионы КИПО, не добивались. Обошли их в конце прошлого года на финишной прямой северяне, среди которых, впрочем, немало бывших магнитогорцев.

Вот и заместитель начальника цеха — магнитогорец. Мне сообщил об этом шепотом Георгий Францевич. Спрашиваю фамилию.

— Кайлов. Валентин Дмитриевич Кайлов.

Фамилия довольно редкая, но что-то в моей памяти связано с ней. Но что? Он из Магнитогорска... Вспомнил! О человеке по фамилии Кайлов рассказывал мне как-то знаменитый горновой «Магнитки» Митя Карпета. Разговор зашел о мастерах, какие они бывают, мастера. Одного, вредину, добрым словом не вспомнишь, другой — как брат. «Был у нас тут подсменный мастер Кайлов. Молодой, а домну знал не хуже Шатилова или Савичева, а это, брат, боги в доменном деле-то. К тому же он был не сменный, а подсменный, выходных мастеров на печах подменял. Это труднее, каждый день на другой печи, быстро надо приноровиться, сориентироваться. Я рад был, когда попадал в смену к Кайлову, и хотел уже сам переводиться в подсменные горновые, чтобы все время вместе с ним работать. Спокойный, справедливый человек. Жаль, уехал... Страшная, понимаешь, беда свалилась на человека. Жена стирала и поставила на табурет ведро с кипятком. А около мальчишечка ихний играл, задел ножкой, и ведро с кипятком на себя. Вот горе-то ужасное! Кайлов и так-то был молчалив, а тут совсем умолк. Приходит на работу, дело делает, но молчит. Осунулся, глаза горят. Не пьет ли, думаем, с горя? Зашли как-то с ребятами к нему на квартиру, а он весь в мелу, в гипсе. Кругом арматура, цемент. Жена говорит, как с кладбища вернулся, покоя не знает, почти не спит, все свободное время памятник сыну делает. Постамент уже готов, теперь принялся за фигурку мальчугана... Вы не были на нашем кладбище? Там надо всеми памятниками и крестами — мальчишечка крохотный. Видать, только-только научился ходить, не твердо еще за землю держится. Мимо того памятника без слез не пройдешь. Сынишка это Кайловых, Сашок. А сами они, Кайловы, уехали недавно в другой город...» Так рассказывал мне когда-то Митя.

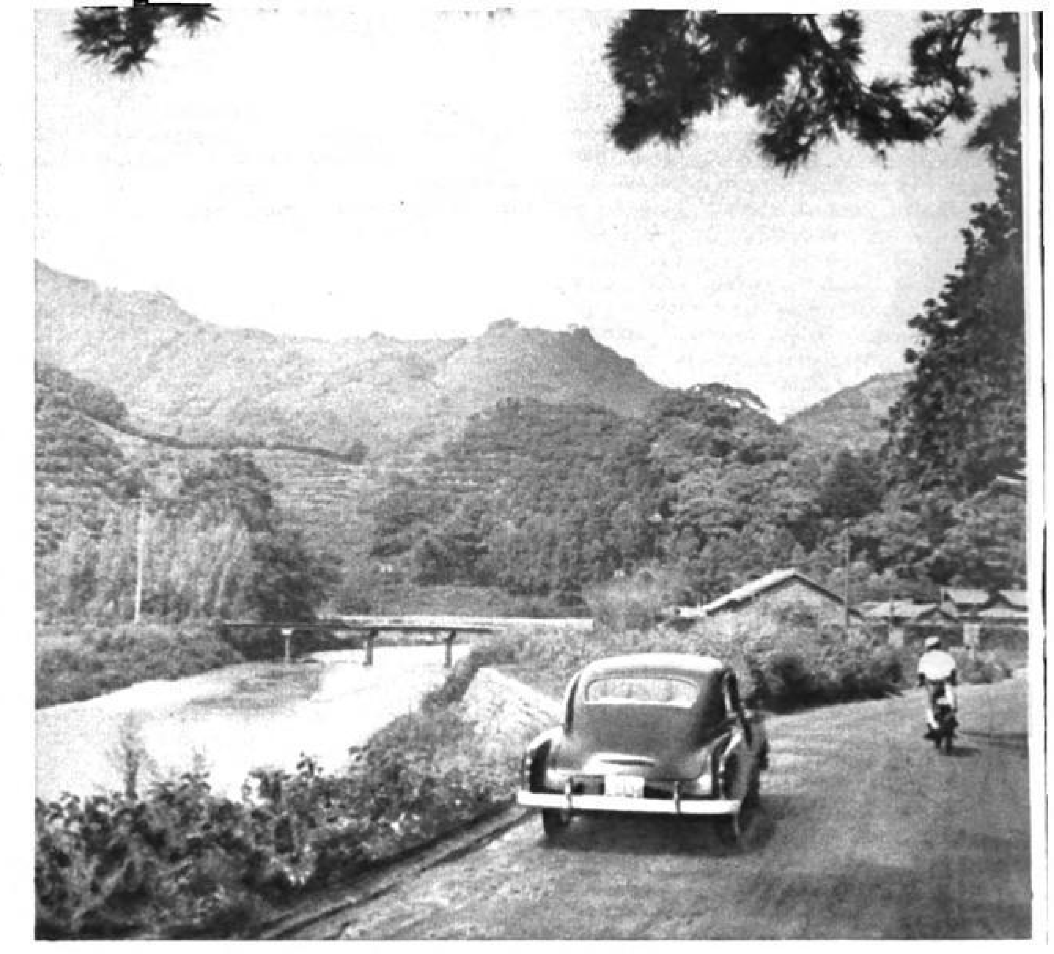
Но, может быть, это другой Кайлов? Нет, тот самый. Позже я побывал у него дома, познакомился с его женой, с Танюшкой и Васильком, которые появились у них после Саши... Валентин Дмитриевич показывал мне свои картины, рисунки, эскизы памятника. В юности он собирался не в металлурги, а в художники, но совсем не жалеет, что сложилось иначе, потому что, став профессионалом-художником, он не был бы доменщиком, а став доменщиком, продолжает быть и художником...

Я отвлекся и должен вернуться в «бытовку», в контору цеха, где Кайлов беседует с гостями. Но их уже нет там. Разве доменщик усидит в конторе! Тянет его к печам, к приборам, он спешит в пирометрическую, в этот полевой штаб цеха, придвинутый к самому эпицентру сражения. И хотя бой рядом, вокруг, за стеной, здесь тишайший уголок. Но тишина тут не мертвая, она живая, наполненная кипением и страстями. Прислушайся к ней: приборы тихонечко потрескивают, позвякивают, пощелкивают, во все глаза следя за домной, за каждым движением у нее «внутрях», за каждым ее вдохом и выдохом. Невесело ей, наверно, матушке, под неусыпной слежкой у этих безжалостных доносчиков! Когда я стою в пирометрической около приборов, кажется мне, что они не только про домну, а и про меня все знают...

— Смотрите,— говорит Георгий Францевич,— какой у домны ровный ход. Как ровненько лежит в печи шихта! Как плавно опускается вниз! А навстречу поток газов, сильный, ровный, проникающий во все щелочки, обволакивающий руду со всех сторон... Есть любители работать на рывках, на бросках. Больше кокса! Больше воздуха! Дуть, дуть, дуть... А печь уже задыхается, уже кровью харкает. Шихта зависает, на стенках наросты. Аврал, полундра! Шум, бум, тарарам... А тут совсем другой стиль, перенятый у магнитогорцев, у кузнечан, развитый и отшлифованный до блеска. Умная, спокойная работа. Конечно, надо поклониться в ножки Оленегорску за отличный концентрат руды, Воркуте — за великолепный коксующийся уголь. Но любую хорошую руду, любой уголь можно испоганить. А вот прибавьте к ним высокую технологическую дисциплину... Говорят, тут — народ северный, холодный, осторожный. Но поглядите, какое они давление держат под колошником, какая у них температура дутья. Это ж сверхрежимы, это ж технологический героизм! Значит, руда плюс кокс плюс дисциплина плюс геройство. В итоге — ровный ход...

Ровный ход!

Японские зарисовки

Олесь ГОНЧАР

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Дорога из Киото в Токио.

5. Потомок самурая

Но где же все-таки самураи? Мы их видели в музеях, в старинных замках. Стояли они под стеклом в пестрых своих военных нарядах, в тяжелых средневековых доспехах. Застыли в воинственных позах, со свирепым видом, на кого-то хмурясь, кому-то — сквозь музейную пыль — угрожая...

Особенно густо «населен» самураями древний замок на горе в городе Кумамото: здесь раньше было их самурайское гнездовье. Целые витрины в музее занимают боевые мечи из блестящей стали, ножи, ятаганы... Прелестная девушка Юко-сан нежнейшим, певучим голосом объясняет нам, какой эпохе принадлежат все эти штуки, которыми рубили головы людям — рубили легко, наотмашь, будто траву...

— Японские оружейники когда-то славились своим искусством... Смотрите, какая художественная работа! Наши средневековые мастера знали даже секреты нержавеющей стали...

Сопровождающий нас молодой профсоюзный активист Мори замечает к слову, что дома у него есть вещичка не хуже всех этих. Да, есть у него настоящий самурайский меч старинной работы, Мори имеет специальное свидетельство на право его хранения...

— Фамильная вещь, от предков досталась...

Ах, вот оно что! Перед нами живой потомок самураев. Мы уже успели подружиться с ним. Он встречал нас на вокзале, держа транспарант, на котором почти по-русски было написано: «Да здравствует блестящие успехи советских наук шестого корабля спутник! От сердца приветствуем советских писателей!»

Он, этот бурный, горячий Мори, и его друзья-забастовщики везли нас по центральным улицам с красными знаменами и советскими песнями, которыми всполошили тихий провинциальный город.

В городе бастуют железнодорожники и рабочие городского транспорта. Мори является одним из руководителей забастовки. Вчера он с жаром нам рассказывал о стачке, и он же, несмотря на забастовку, организовал для нас поездку в горы, к вулкану Асо... И вот теперь мы узнаем, что имеем дело с потомком самураев. Впрочем, этот потомок воинственных предков был участником Венского фестиваля, посетил нашу страну и видел праздничную октябрьскую демонстрацию на Красной площади. О тех днях он вспоминает с восторгом.

Весь он огонь, энергия, порыв. Сегодня воскресенье, у них на стадионе рабочий профсоюзный праздник, и Мори уже торопит нас ехать туда.

Стадионом это трудно назвать. Просто лужайка на окраине города. Но сколько веселья, красок, смеха! Члены бастующего профсоюза собрались здесь вместе с семьями. Дети, жены рабочих, старухи в добром праздничном настроении сидят в качестве зрителей вокруг «стадиона» на циновках (которые им на этот случай предоставил профсоюз). Многие зрители, особенно зрительницы, увлекшись, выходят на старт, сами встают в ряды участников игр и состязаний. Все это делается весело и непринужденно.

Состязания в разгаре. Вожаки профсоюза то и дело взмахивают красными флажками:

— На старт!

На беговой дорожке — домохозяйки, жены железнодорожников, молодые матери, дети которых здесь же бегают, визжат, восторженно «болеют» за мам...

Женщины участвуют в эстафете, бегут то с завязанными глазами, то со связанными за спиной руками, бегут и на бегу хватают губами из ящика леденцы, и после этого все лицо в сахарной пудре, радостное, сияющее...

Потом бегут отцы семейств, каждый из них на бегу должен успеть подхватить с земли белый халат, надеть, завязать его на себе, как для работы на кухне, а за спиной еще прикрепить куклу — «ребенка», чтобы полностью на себе испытать женский труд, показать свою ловкость, сноровку... Сколько здесь неподдельного веселья, шуток, красоты здоровых народных нравов!

Все люди здесь как одна трудовая семья, все увлечены, все — в том числе и руководители профсоюза — охотно выходят на состязание. Вот среди мужчин помоложе (группы подбираются примерно одинакового возраста) бежит и наш друг Мори. Тут-то мы, глядя на него, действительно поверили, что он потомок воина: он будто преобразился на миг — столько упорства, воли к победе было на его лице!

...Вечером в курортном городе, в огромном дансинге фешенебельного отеля «Канко», шаркают ногами по блестящему — из пластиков — полу разомлевшие танцующие пары: развлекается «золотая» молодежь, приехавшая сюда на лимузинах, чтобы провести ночь, справить «уик-энд». Одеты в кимоно, блестят драгоценностями, но ноги босые, так удобнее выделывать в красном полумраке рок-н-ролл, и потом — это шик! Босые, в кимоно — и, пожалуйста, рок-н-ролл! Пьяные. Некоторые молодчики уже еле держатся на ногах. Свистят в холле, тискают девушек на диванах, шумят в коридорах.

И я вспомнил здесь Мори: вот бы его сюда, вот бы он навел здесь порядок!

Япония, теневая, пресыщенная, это она здесь то расслабленно шаркает пятками, то свирепо выкручивает руки в рок-н-ролле, ища забытья... Там же, в солнечном, зеленом, искрящемся весельем Кумамото, выходила на старт Япония трудовая, яснолицая, за которой будущее.

6. Мива-сан и парень в красной куртке

Сухощавый, пожилой, но весьма энергичный, подвижной человек. На изборожденном морщинами лице суровость, но в глазах светится что-то веселое, озорное. Он часто шутит сам и хорошо понимает шутку других (японцы вообще чутки к юмору). Если вы его застанете в саду, ухаживающим за апельсиновым деревом, подумаете, что он садовник. Если увидите в рабочем фартуке, в берете, склонившимся над гончарным кругом, решите, что перед вами опытный мастер керамики.

На самом же деле он врач-бактериолог. Дома у него целое хозяйство — лягушки, кролики, морские свинки, над которыми он проводит разные научные эксперименты.

Мива-сан — зовем мы его. Он депутат муниципалитета своего родного города Симоносэки, он же возглавляет местное отделение общества «Япония — СССР».

Натура богатая, разносторонняя, пытливая. В саду у него печь для обжига им же созданных керамических изделий. Знатоки ценят его работы. Любимый его образ — образ Каппы, японского водяного, которого Мива-сан не устает лепить в разных видах. Созданный народной фантазией, этот Каппа отличается тем, что всегда говорит правду и любит юмор. Сам Мива-сан чем-то напоминает своего сказочного любимца.

Мы пьем в его саду чай из оригинальных глиняных чашек (их тоже хозяин сделал собственными руками, сам обжигал). Гостеприимные, приветливые хозяйки дома — жена господина Мива и его дочь — несут из сада свежие фрукты, собирают в букеты для гостей цветы, полыхающие вокруг нас. Створки в доме раздвинуты, он просвечивает насквозь, и с той стороны дома тоже виднеются цветы, цветы...

Здесь живет господин Мива. Он хорошо образован, бывал в других странах и умеет ценить

Окончание. Начало см. «Огонек» № 22.

Этот человек никогда не забудет 6 августа 1945 года — день, когда над Хиросимой поднялся смертоносный гриб атомного взрыва.

Велорикши — распространенный вид транспорта в Японии.

все лучшее, созданное другими народами. В то же время он горячий патриот, с гордостью говорит о трудолюбии своих соотечественников, не устает рассказывать о японских обычаях, традициях, нравах...

Показывая нам город, он то и дело обращает наше внимание на все, что для него является предметом гордости.

— Туннели под морским проливом, ведь это хорошо, а!

Подводные, гудящие бетоном туннели, которые соединяют два острова, два огромных города — Кокура и Симоносэки,— это сооружение в самом деле грандиозное, впечатляющее.

— А вы заметили, что у нас в Японии в отличие от США и других стран нигде не берут чаевых?

Да, это мы уже заметили. В Японии ни официант, ни водитель такси (хотя они люди совсем не богатые) не позволят себе взять с вас лишние деньги. В этом проявляется достоинство простого человека.

— А наши японские девушки! Вы, конечно, уже заметили, как они вежливы, скромны, ласковы!

Еще бы не заметить! Вот мы подымаемся на лифте в здании, отделанном пластиками. Совсем юная девушка-лифтерша, забившись в угол, что-то говорит там полушепотом, задушевно, с бесконечной ласковостью в голосе, словно объясняется любимому в своих интимнейших чувствах. А это она всего-навсего объявляет в миниатюрный микрофон:

— Третий этаж, выходите, пожалуйста... Четвертый этаж, выходите, прошу вас...

В вагоне поезда однажды всех нас поразил девичий голос, внезапно прозвучавший из репродуктора. Девушка говорила с каким-то упоением, что она словно задыхалась от счастья, от добрых чувств. Это она, оказывается, приглашала пассажиров в вагон-ресторан.

Таков сервис по-японски. Вы ощутите его и в отеле, и в кафе, и в большом универсальном магазине. где молоденькие девушки стоят среди товаров торжественно, будто в храме, и у эскалаторов, на каждой площадке, где они выстаивают целый день попарно, навытяжку, встречая и провожая нас улыбкой, словом привета. Но не забывайте, что это их служба, их нелегкая работа.

На рыбоконсервном заводе, на котором мы здесь побывали, тоже работают почти одни девушки, окончившие среднюю школу. Воздух тяжелый, работа трудная, изматывающая. Заработок—200—300 иен в день (меньше доллара), прожить на это страшно трудно. Поэтому девушки часто остаются работать по нескольку часов сверхурочно, чтобы как-то свести концы с концами. Не удивительно, что на таком производстве работницы выдерживают лишь до 40—45 лет. Здесь не до улыбок.

Неутомимый Мива-сан уже тянет нас дальше. Мы поднимаемся в какой-то гондоле по подвесной дороге на высокую гору, с которой открывается вид на город, его окрестности, на океан. Здравствуй, океан! Даль его, солнечная, беспредельная, уходит на восток, тает в синеватом мареве-тумане... На западе — за проливами, за туннелями, за стройными, сверкающими стеклом зданиями города — Японское море.

Мива-сан уже увлеченно рассказывает о древней морской битве, разыгравшейся здесь, когда ожесточенно боролись за власть могучие феодальные роды Минамото и Тайра; о воспетых в национальном эпосе рыцарских поединках, когда противники вызывали друг друга на бой не перчатками, а чисто по-японски — веерами... Но это прошлое. А в настоящем господин Мива — противник распрей. Он принадлежит к тем кругам, которые настойчиво выступают за расширение торговли с Советским Союзом. Вот он, стоя на этой горе, уже вслух мечтает о тех днях, когда советские торговые суда будут свободно заходить в порт Симоносэки, в гавань его родного города...

Но Мива-сан не был бы самим собой, если б не показал гостям еще одну достопримечательность.

— Городской аквариум — вот что надо посмотреть!

Аквариум на берегу океана! Это действительно чудо из чудес, где природа будто на миг приоткрыла тайну своих удивительных сокровищ. Экземпляры японских рыб, редкие обитатели далеких тропических морей... Рыба, как живой цветок, как живая, в лепестках, роза. Рыба длинная, темная, будто полоса бархата висит в воде, переливается. А здесь вот нет ничего, только на дне морском в песке лежит какой-то камешек-самоцвет. Вдруг камешек начинает шевелиться... Ах, это глаз! Только он сверху, а рыба вся зарылась в песок, спряталась от хищника.

В огромных бассейнах разгуливают киты, нерпы греются на камнях на солнышке, морские львы выпрыгивают из воды и рыкают совсем по-львиному, требуя, чтобы парень, ухаживающий за ними, быстрее бросил в эту львиную пасть рыбину...

Парень строг и властен. Он в служебной форме — в красном картузе и такой же красной куртке. Видимо, яркое одеяние парня уже хорошо знакомо его подопечным: они следят из бассейнов за каждым его движением.

Вот парень с ведром рыбы уже стоит на возвышении. Предстоит кормежка! Все сюда!

Но не тут-то было. Здесь и рыба должна заработать свой обед.

Как он вымуштровал их, вольных жителей морей и океанов! Особенно достается дельфинам, этим странным, неуклюжим созданиям природы. Но куда девается их неуклюжесть, когда парень подносит к своим губам свисток и подает сигнал! По этому сигналу они один за другим вылетают из воды, хватают то колокольчик, подвешенный высоко, то резиновый шарик, то конец веревки, за которую надо дернуть так, чтобы флажок, реющий рядом с парнем на возвышении, взвился в воздух, взметнулся на флагшток.

Парень зорко следит за этими скользящими в воде живыми торпедами. Каждого из своих подопечных он знает по кличке и «в лицо» и вознаграждение в виде свежей рыбины дает безошибочно тому, кто его заслужил.

Посетители визжат от восторга, но парень, как и раньше, строг и задумчив. Видимо, он знает цену труда и уважает труд не только свой...

Когда кормежка закончена, когда закончена эта церемония дрессировки, парень вдруг снял с головы красный свой картуз и отвесил низкий поклон рыбам и морским животным. И заодно — со своего человеческого возвышения — он будто поклонился и морю и всей природе.

— Это уже национальное,— заметил уважительно Мива-сан.

7. Город-страдалец

Дорога на Хиросиму...

Горы, долины, поля, все вокруг — сплошная сочная зелень. Каждый лоскутик плодородной земли распахан, возделан, словно делянка на опытном участке. Цветет клевер. Желтеет полоска какой-то масличной культуры. Прозрачной целлофановой накидкой прикрыта грядка особенно оберегаемых овощей. Каждый стебелек, каждое растеньице обласкано рукой крестьянина.

Тяжек его труд. Даже в праздничный день увидите его в поле с мотыгой или с лопатой в руке или шагающим за плугом. Впереди — буйвол, за буйволом — он. Сгорбившись, натужась, идет, но, не по сухому, а по колено, по пояс в воде, в грязи, готовит залитый водой участок под рис. Рано ли, поздно, вы всегда увидите их в поле — буйвола и бредущего за ним в болоте человека, соединенных в живую эмблему извечного человеческого труда.

Нам рассказали, что японские крестьяне, которые занимаются животноводством, ежедневно де-

лают коровам массаж, чтобы мясо, идущее в продажу, было нежнее, мягче, вкуснее. Но сами они редко едят мясо, далеко не каждый может себе это позволить.

О чем он думает, тот бредущий за буйволом человек? О сыне, не вернувшемся с фронта? Или об атомном смертоносном облаке, которое, распустившись над Хиросимой, было видно и отсюда?

День воскресный, и на многих станциях к нам в вагон входят свадебные пары с цветами в руках. Юных женихов и невест провожают толпы друзей, родственников. Провожающие в вагон не заходят (остановки короткие), никаких объятий, поцелуев, рукопожатий. Столпившись под окном на перроне, провожающие оттуда фотографируют молодоженов, старательно подсвечивают их лампами, словно в первоклассном фотоателье, а жених и невеста охотно позируют, пока поезд не тронется, пока не умчит он их сквозь горы и туннели, мимо согбенных в поле крестьян в счастливое свадебное путешествие.

Усевшись рядом, новобрачные берут друг друга за руки, нежно воркуют, но через некоторое время уже умолкают, о чем-то задумавшись. О чем? О своем будущем, о семейной жизни, о детях, о счастье? Или, может быть, о том, как избежать тех испытаний, которым подверглись их отцы — обожженное войной поколение?

На Хиросиму дорога...

За несколько дней перед этим на горе Асо мы спускались в кратер вулкана. Весь он наполнен облаками, туманом, дымом. Смрадные газы, угар—точь-в-точь будто рядом с тобой разорвалась огромная мина. Фронтом запахло, окопами, полем боя... Когда ветер на минуту сдует облака, глазам открывается огромная черная пропасть-воронка, вся изрытая оврагами, рвами, трещинами, и из каждой щели струится дым, горячий вулканический угар, и стекает, застывая желтыми сталактитами, сера... Ничего живого. Все черно, мертво.

Хиросима чем-то напомнила мне этот развороченный взрывом вулкан. И цепочка гор, окаймляющая город по небосклону, казалась краями огромной воронки. Титанические разрушительные силы, которые действовали там, действовали и тут, но здесь они были еще страшнее, еще губительней, и направляла их жестокая, преступная рука.

Город, впрочем, уже отстроен, и внешних следов разрушений почти незаметно. Горожане живут обычной жизнью. И деревья зеленеют, как везде, только нет среди них дерева старше пятнадцати лет. От прежних парков уцелели лишь обугленные останки в атомном музее.

Трагедия в прошлом, но вся ли она в прошлом? Появились непонятные болезни. Неожиданно заболевают и умирают люди. Десятки тысяч подвергшихся атомной бомбардировке прошли специальное врачебное обследование, но десятки тысяч остались необследованными. Многие из них, даже заболев, боятся обратиться к врачу, чтобы не услышать смертный приговор.

Существует в городе американский атомный центр, но он не взял на излечение ни одного больного, он, видите ли, только исследует, изучает последствия.

Городской атомный лазарет и сегодня переполнен. Мы были в нем. Жуткое зрелище. Содрогается сердце при виде несчастных, обреченных людей, которые с готовностью, с какой-то жалкой поспешностью обнажают перед вами свои обгоревшие спины, изуродованные атомными шрамами тела, смотрят на вас глазами, изъеденными катарактой...

Врач коротко сообщает о каждом:

— Белокровие...

— Рак печени... Рак легких...

— Катаракта. Ждем, пока ослепнет. Тогда попытаемся оперировать...

В гостинице, где мы остановились, перед нами как раз зарегистрировалась в книге группа американцев. Отвечая на вопрос о цели своего приезда в город, они записали: «Дела и удовольствия». Не знаю, действительно ли они испытали удовольствие...

Два дня провели мы в Хиросиме, и два дня нас не оставляло тяжкое, гнетущее чувство.

В центре города на огромной бетонной бомбе стоит, вознесенная высоко, бронзовая фигурка девочки, запускающей в небо журавля. Несколько лет назад девочка эта была еще жива. Она внезапно заболела атомной болезнью. В дни болезни девочка начала делать бумажных маленьких журавликов,— такие журавлики, по народному преданию, приносят людям счастье. Девочка загадала себе: если сделает их тысячу, она выздоровеет. Но она не успела сделать тысячу.

Поэтический образ ее поднят скульптором на высокий угрюмый постамент, чтобы он виден был родному городу, чтобы видели девочку все люди земли.

Дети Хиросимы, объединившись в Общество тысячи журавлей, продолжают и сегодня делать этих бумажных цветных журавлей. Целые венки из них висят у памятника девочке. Один из венков они принесли нам, попросили передать Юрию Гагарину.

Город, где бушевала радиоактивная жара в пять тысяч градусов, город, где плавился камень, где стальные конструкции гнулись под ударом воздушной волны, город, где заживо горящие люди проклинали этот атомный ад... К нему, к этому городу-страдальцу, и сегодня устремлены глаза человечества. Он отзывается болью в сердцах народов, в нем и вечное проклятие войне, и предостережение, и призыв к миру.

Из далекой Окинавы за тысячи верст идут в Хиросиму манифестанты, протестуя против американских военных баз. В атомном музее целый отдел посвящен СССР — использованию атомной энергии в мирных целях. Дети Хиросимы посылают своих журавликов, свои светлые мечты о счастье советскому космонавту...

Мы увидели эту страну и полюбили ее народ. Мы убедились, что и шахтеры Миикэ, и молодежь Кумамото, и дети Хиросимы — все честные люди Японских островов, думая о мире, все чаще обращают свои взоры к нашей стране—этой легендарной стране спутников и звездолетов, цитадели мирного, созидательного труда и великих человеческих надежд.

Токио — Киев, 1961.

Далекое-близкое

Как дедушка царя «встречал»...

Никогда не скажешь, что этому человеку 70 лет. Выдает, разве, посеребренная борода. А глаза ясные, лукавые и зоркие, да и сам ладный, бронзовый от загара.

Вся жизнь Алексея Алексеевича Бахтина связана с Волгой. Здесь он родился, рос, бурлачил, воевал с белякакми за Советскую власть, под огнем вражеских снарядов водил баржи с продовольствием и боеприпасами для защитников Сталинграда, тащил на буксире полукилометровые плоты, был капитаном на самоходках... И вот первая навигация, когда старый волгарь не стоит у штурвала, вышел на пенсию.

Но Волга не отпускает от себя— и Алексеич каждый день ходит на пристань, чтобы отвести тоску по речной жизни в разговорах с боцманами и капитанами швартующихся у дебаркадера судов. А то соберет ребятишек и давай возиться с ними в реке. Плавает и ныряет дед, будто рыба.

Вот сегодня он отличился как искусный пловец: спас девушку с туристского парохода, которая принялась купаться и вдруг стала тонуть. Набежавшие с парохода люди окружили старика, жали ему руки.

— Алексеич,— сказал один из стоявших здесь односельчан Бахтина, — расскажи, как ты царя на Волге встречал...

Все, конечно, заинтересовались, стали просить:

— Расскажите, пожалуйста.

И вот какую забавную историю он поведал.

...Тысяча девятьсот тринадцатый год. Трехсотлетие дома Романовых. В честь этого события волжское купечество воздвигло в Нижнем Новгороде и преподнесло в дар царю роскошное здание банка. На торжество открытия банка в Нижний в сопровождении многочисленной свиты прибыл сам государь всея Руси со своей августейшей семьей.

Коронованным гостям устроили пышную встречу. Главная улица, по которой проследовал царь — Покровка,— была устлана коврами. Полицейские облачились в белые перчатки. Над городом плыл торжественный благовест колоколов.

На берегу Волги началось большое гулянье. Играл военный оркестр. В небо то и дело взлетали пестрые веера фейерверка.

И вдруг с середины реки послышался возглас:

— Долой самодержавие! Долой царя-кровопийцу! — кричал дерзкий пловец.

Скандал был необычайный. Блестящие военные, господа в котелках и цилиндрах, разодетые барыни негодующе вопили:

— Неслыханно!.. Поймать разбойника, в тюрьму смутьяна!..

Полицейские забегали, засвистали, неистово тараща глаза:

— Лови-и, держи-и!..

Для поимки неведомого смутьяна спешно снарядили лодку с полицейскими. Руководил боевой операцией толстый старший городовой Ленька, известный драчун и взяточник. В пылу погони старший городовой проявил чересчур много нетерпения и горячности. Забыв о собственном весе, он сильно перегнулся и... вымахнул из лодки. Государев страж оказался никудышным пловцом: неистово забарахтавшись, сразу пустил пузыри.

Пока вытаскивали незадачливого слугу престола, ловкий «разбойник» все нырял, как дельфин, и весело, дерзко выкрикивал: «Долой самодержавие, долой фараонов!..». Крикнет и нырнет — иди поймай его, треклятого!

Вдоволь позабавившись и умаяв городовых, нарушив торжество золоченой знати, пловец в последний раз прокричал «Долой!..» — и был таков, уплыл в сторону Канавина и скрылся в лесу.

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

Документы рассказывают

Пятьдесят лет тому назад в Москве впервые выступил крестьянский хор под управлением неутомимого собирателя и знатока русской народной песни М. Е. Пятницкого. Писатель И. А. Бунин сказал после концерта: «Это хорошо, как розовые зори, как широкая степь, как зеленый лес».

Заслуженную популярность и признание народный хор завоевал в первые годы Советской власти. Его деятельностью интересовались В. И. Ленин и А. В. Луначарский.

Об истории прославленного творческого коллектива, о жизненном пути Митрофана Ефимовича Пятницкого рассказывают сотни документов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Вот афиша, извещающая о концерте Пятницкого «с крестьянами Воронежской, Смоленской и Рязанской губерний». В афише говорится, что крестьяне выступят в национальных старинных костюмах губерний. «Будут исполнены песни: бытовые, хороводные (с действом), причитания и свадебный обряд. Некоторые песни будут исполнены с сопровождением дудок, жалеек и лиры». Концерт состоялся в Кремле в сентябре 1918 года. Вместе с курсантами школы ВЦИК программу внимательно слушал Владимир Ильич Ленин. На другой день он встретился с М. Е. Пятницким и долго беседовал с ним о народной музыке.

Сохранилось множество снимков, подаренных Митрофану Ефимовичу почитателями его таланта. На одном из них изображен 23-летний подпрапорщик Саратовского запасного полка. Это будущий народный артист Советского Союза Б. В. Щукин. На снимке надпись: «Дорогому и глубокоуважаемому Митрофану Ефимовичу Пятницкому. Люблю, верю, жду... и вернусь к своему дорогому учителю. Дай бог Вам здоровья и всего хорошего. Бор(ис) Щукин. г. Саратов. 27.5.17 г.».

В 1921 году Е. Б. Вахтангов пригласил М. Е. Пятницкого в 3-ю студию МХАТа преподавателем постановки голоса. Здесь он занимался с выдающимися мастерами советской сцены: Ю. А. Завадским, Б. Е. Захавой, Р. Н. Симоновым. Уроки М. Е. Пятницкого аккуратно посещал и его давний друг Б. В. Щукин.

Н. ЧЕРНИКОВ

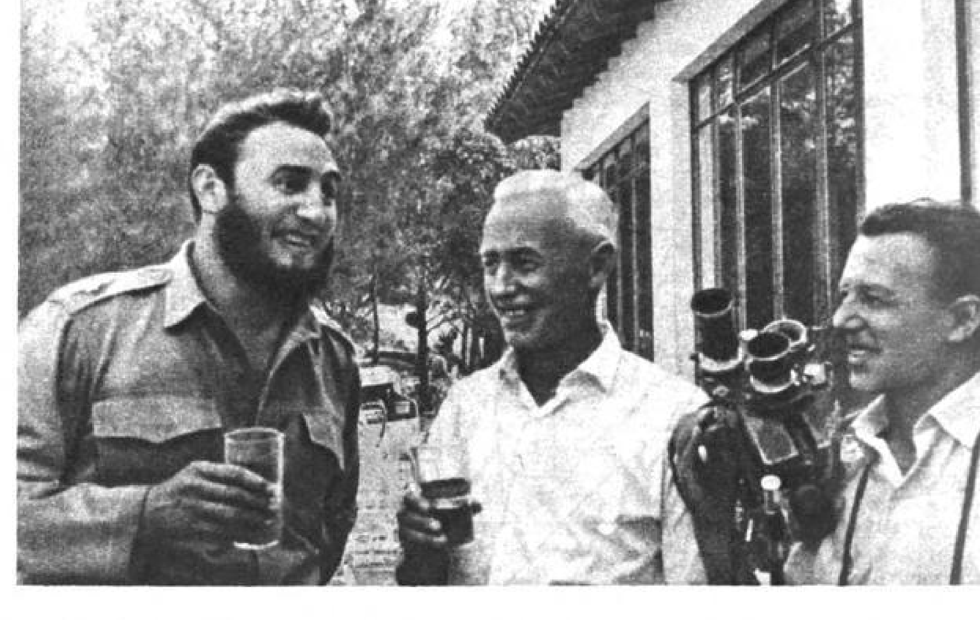

Портрет Б. В. Щукина, подаренный им М. Е. Пятницкому.

М. Е. Пятницкий. 1926 год.

ОТКРЫТОЕ ДЛЯ ЛЮБВИ

Постановщики фильма дружески беседуют с Фиделем Кастро.

Узнать — значит полюбить, гласит народная мудрость...

Мы все от мала до велика любили Кубу, еще не зная ее. Любили той ясной и безоговорочной любовью, которая нерушимо зиждется на чувстве братской солидарности, заранее уверена во взаимности и просто не может остаться неразделенной!

Хотя при всем том чувству этому немножко не хватало конкретного, зримого представления: какая же она есть, эта славная Куба, как они выглядят и чем заняты, свободолюбивые, смелые кубинцы?..

До чего счастливы должны быть люди, открывшие всем народам мира Кубу и кубинцев для самой задушевной человеческой привязанности, то есть для любви, еще более горячей, сердечной и прочной!.. Открывшие в то самое время, когда о судьбе далекого острова в Карибском море с тревогой говорили и думали всюду: на площадях больших городов и в деревенских, по-весеннему затененных улочках, на громкоголосых бурных собраниях огромных цехов и в тесном семейном кругу...

Смотреть в это время фильм о Кубе[1] — словно прикоснуться к заветному.

Не просто любопытством и даже не любознательностью живет и дышит зрительный зал, когда на экране идет «Пылающий остров»,— людей сплачивает атмосфера чистой, светлой и гордой приподнятости.

Все увиденное врезается в память зрителя накрепко. Ощущение неизгладимости увиденного возникает, наверное, потому, что о жизни народа, о жизни революции в фильме сказано с громадной теплотой, неподдельной, искренней заинтересованностью, и — что самое главное — сказано достоверно.

Это ведь бесконечно трудно: за час, который проходит, пока вы находитесь в кино, открыть в коротких и выразительных кадрах прошлое, настоящее и даже будущее борющейся Кубы. Однако авторы фильма блестяще преодолевают эту трудность, строя свой кинорассказ свободно и непринужденно. Повествование о Кубе кажется предельно простым и безыскусственным. Но такая простота достигается лишь за счет самого высокого мастерства, самого точного, рассчитанного отбора деталей.

Мы постигаем историю Кубы — героическую историю ее борьбы, ее великолепных людей в связном и последовательном изложении, обращенном к Буэнавентуре — мальчику из далекого горного селения. Только революция предоставила ему возможность учиться — пусть же малыш узнает все самое главное о своей чудесной, маленькой и гордой стране!

Очень внимательными, очень заинтересованными глазами — как бы внутренним зрением кубинского ребенка — видят советские люди пылающий остров — далекую Кубу. И она становится для них совсем близкой, родной...

Н. ПАВЛОВА

[1] «Пылающий остров». Сценарий Генриха Боровика и Романа Кармена. Режиссер-оператор — Р. Кармен. Главный оператор — В. Киселев.

Земляки целины

М. МИРИНГОФ

Крепкая творческая дружба издавна связывает театральные коллективы столицы и полевые станы, сельские клубы, Дворцы культуры целины. В степях Казахстана, в предгорьях Алтая любимых артистов не зря называют своими земляками: прославленные мастера искусства взяли шефство над театрами Целинного края. Актеры МХАТа — шефы Целиноградского театра, вахтанговцы — Петропавловского, Театр имени Моссовета — шеф Павлодарского театра. Эта дружба даст в самом ближайшем будущем хорошие плоды...

У художников, едущих на целину, рождается чувство еще более высокой взыскательности и требовательности к себе, к своему творчеству. Они волнуются перед выступлениями на целине. И не зря. Людям социалистического села по плечу самое высокое искусство. Встречаясь с подлинным творчеством, истинным искусством, они превращают эти встречи в настоящий праздник...

Иные артисты даже удивляются по старинке тому, что романсы Глинки и Шуберта, арии Чайковского и Верди принимаются на целине так же восторженно, как русские народные песни или так называемая легкая музыка... Дело в том, что среди известной части художественной интеллигенции — нечего греха таить — еще жива инерция старого представления о сельской аудитории. Поэтому и «сельский» репертуар подчас воспринимается как нечто весьма упрощенное.

Первые же встречи с людьми целины вдребезги разбивают это обветшалое представление. И очень важно, чтобы каждый приезд столичного коллектива оставил заметный след в жизни целинников, чтобы надолго завязались крепкие, прочные узы творческой дружбы, чтобы встречи эти стали более частыми.

Недавно вернулись с целинных земель артисты московских театров имени Маяковского, имени Ленинского комсомола, имени Моссовета, имени Станиславского, имени Ермоловой, театра оперетты...

Надолго артистам музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко запомнится встреча с целинниками зерносовхоза «Дальний», Есильского района, Целинного края... После концерта хлеборобы поднялись на сцену. Начался задушевный разговор. Говорили и о сегодняшнем концерте и о картине «Баллада о солдате»; о том, как бы хотелось видеть у себя не только спектакли и концерты, но и произведения живописи: знакомиться не только с репродукциями, но и с подлинниками, организовать передвижную картинную галерею.

В конце беседы Герой Социалистического Труда Данило Иванович Нечитайло обратился к артисту М. А. Матвееву.

— Матвей Александрович, расскажите, какой подарок готовит ваш театр к XXII съезду партии.

— Готовим новую оперу композитора Шантыря «Город юности» — о том, как в тайге молодежь строит новый город. Многое схоже с тем, как вы поднимали целину.

— Надеемся, — замечает Нечитайло,— что теперь, когда вы, люди искусства, побывали у нас и собственными глазами увидели, как мы живем, вы не будете изображать нас пьяницами, драчунами, людьми, страдающими от лишений и трудностей... Сами видите — дома у нас светлые, живем мы неплохо, а будем жить еще лучше! Все к этому идет... Только приезжайте чаще!

— Мы передадим вашу просьбу московским артистам,— отвечает М. Матвеев.

Готовятся к встрече с тружениками Целинограда прославленные мастера МХАТа, любимцы зрителей — вахтанговцы; как раз сейчас выступают на целине артисты Малого театра... Но все это, конечно, лишь запев большой, многоголосой песни, начало глубокой вспашки, которая должна дать благодатные всходы. И важно, что щедрый посев взойдет не только в сердцах зрителей-целинников, но и в душах самих художников. И как хорошо, если бы прозвучало на целине и горячее слово поэта, раскрылось бы вдохновенное творчество композиторов, художников, музыкантов. Ведь именно этого ждет целина!..

Конечно, не всегда еще наши театры, актерские бригады, коллективы эстрады, музыки, цирка имеют возможность показывать спектакли и концерты на целине в «комфортабельных» условиях. Иной раз встречи проходят в полевых станах, на маленьких клубных сценах.

Народный артист СССР Лев Наумович Свердлин, ездивший на целинную землю Алтая в составе самой первой актерской бригады, рассказывал, что ему и его товарищам пришлось тогда выступать под каким-то случайным навесом... Что ж поделаешь, это были первые суровые дни целинной страды, когда пустынная, необжитая степь не очень-то приветливо встречала пионеров новой земли. Вокруг белели только палатки новоселов — первооткрывателей этих земель. Зато сейчас здесь красуется громадный Дворец культуры. Да разве он один теперь в этих краях: тут десятки Дворцов культуры и сотни клубов! Но и то правда, что целина — огромный край, ей всего мало!

Готовьтесь же к новым встречам, земляки целины!..

КАЗАЧЬЯ ДУША

От Калининграда до Сахалина, от Мурманска до Еревана...

Нет, пожалуй, ни одного крупного промышленного города, где не побывал бы с концертами Ансамбль песен и танцев донских казаков.

Свой двадцатипятилетний юбилей отмечает в эти дни коллектив.

Руководитель ансамбля Петр Иванович Лысоконь рассказывает, как певцы и танцоры ансамбля выступали перед бойцами в дни ожесточенных боев под Сталинградом, в подвалах разрушенных домов и на открытых площадках под «аккомпанемент» канонады. Стужа, мороз, близкие разрывы снарядов — ничто не останавливало концерта...

— Но никогда не выступали мы так много и с таким удовольствием, как в последние годы, перед колхозниками своей родной Ростовской области,— говорит Лысоконь.— Заметно изменилось отношение к искусству в деревне! С недостаточно подготовленным, «сырым» номером выступать уж никак нельзя!.. Даем мы концерты в колхозах почти всегда под открытым небом. Клубы везде есть, но рассчитаны они всего на двести—триста человек, всех желающих не вмещают. А после концерта поем вместе со слушателями. Если в селе случается свадьба или вечеринка, тут мы уж обязательно гости! Веселиться — веселимся, а больше песни слушаем и записываем. В репертуаре ансамбля есть очень редкие песни, впервые услышанные и записанные в деревнях и селах Ростовщины.

Петр Иванович кончает беседу: пора начинать концерт...

...Как вихрь, мчатся по сцене танцоры. Какие прыжки, какая присядка! Так и вспоминается воспетый Гоголем «самый вольный, самый бешеный танец» — казачок. Широко и распевно звучат старинные казачьи песни; задорно, жизнерадостно — новые, сегодняшние:

На тихом Дону нынче
нет тишины,
Просторы степей новым
песням тесны...

Л. ОСИПОВА

Казачья пляска.
Фото Е. Умнова.

Этот рассказ написан отчасти как ответ на письмо, присланное в «Огонек» Владимиром Петровичем Шевченко. Автор письма просит меня рассказать кое-что о моей жизни. То, что следует ниже, — рассказ, но в основу его положен целый ряд действительных фактов. Что это за факты, объяснено в послесловии. Возможно, рассказ послужит также примером того, как писатель черпает материал для своих произведений из опыта собственной жизни.

Автор

Вагонный мастер Владимир Петрович Шевченко прислал в редакцию письмо, в котором писал:

«Дорогая редакция «Огонька»!

Вот во второй раз вы взволновали наши души рассказом Д. Олдриджа «Акулья клетка».

Первый его рассказ, «Последний дюйм», мы читали в вашем журнале после планерки, перед вступлением на дежурство, смотрели одноименный кинофильм.

Особенно нас потряс рассказ глубоким реализмом.

Нам дорог и близок образ Бена Амино, а также его сына Дэви. Мы полюбили их за огромную любовь к жизни. Очень жаль, что эту жизнь не дает прожить по-человечески доллар — бог и царь капиталистического мира.

Мы, к сожалению, мало знаем о таком замечательном писателе, как Джеймс Олдридж, хотелось бы узнать больше.

Заранее благодарны!

От имени коллектива В. Шевченко, вагонный мастер.
Станция Морозовская, Приволжской ж. д.».

Это письмо редакция направила Джеймсу Олдриджу. В апреле 1961 года Д. Олдридж в ответ прислал нам свой новый рассказ.

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

ПРЫЖОК Д

Рассказ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Джейми Куган был в некотором роде парень с причудами. Но в конце концов это не так уж важно, особенно если вспомнить о том, что с ним произошло.

Джейми Куган проживал в австралийском городке Сент-Элен и владел большим гаражом с пыльной стеклянной витриной. Славу он себе завоевал в городке попыткой утвердить новый и оригинальный вид спорта, так и названный «прыжком Джейми Кугана». Это случилось не в наши дни хваленого процветания, а в тяжелые тридцатые годы, годы кризиса. Джейми был тогда в Сент-Элене агентом автомобильной компании «Виллис-Найт».

«Виллис-Найт» — это была небольшая и незавидная американская легковая машина, но идеально пригодная для дурных австралийских дорог. Чего бы, казалось, лучше? Но Джейми не был прирожденным торгашом и еще меньше — удачливым агентом. И он решил представить неопровержимые доказательства, что машин лучше «Виллис-Найта» не найти во всем мире.

Каждый год в Сент-Элене, центре зернового и овцеводческого района, устраивалась сельскохозяйственная выставка. В ней участвовали в качестве зрителей все жители городка. На выставку наезжали бродячие труппы, на ипподроме происходили скачки и рысистые бега, любители устраивали конкурсы на лучших овец и лошадей — словом, каждый старался внести свой вклад в общее торжество. И вот незадолго до очередной выставки Джейми Куган поразил всех совершенно невероятной идеей: он вместе со своей машиной на полном ходу сделает законченное сальто-мортале в воздухе, после чего машина снова станет на колеса!..

— Тут все дело в инерции и равновесии! — высокомерно поучал Джейми городских скептиков, которых набралось, конечно, немалое число. — Я кладу два мешка с песком на открытое заднее сиденье, делаю два круга по арене, чтобы набрать хорошую скорость. Потом с разгона въезжаю на специально построенную деревянную колею, в конце которой будет небольшое закругление, — это даст мне толчок вверх. Когда я взлечу, зад машины под тяжестью песка опустится вниз, машина перевернется в воздухе, мешки выпадут. Инерция движения и тяжесть мотора помогут закончить полное сальто-мортале и заставят машину снова стать на колеса...

Идея выглядела простой, но и риск был явно немалый: шутка ли, скорость машины, по словам самого Джейми, достигнет в момент прыжка добрых шестидесяти миль в час!

Скоро споры о Джейми и его сногсшибательной затее привели к тому, что перессорился весь город. Единственное, что признавали безоговорочно все, — это то, что аттракцион Джейми затмит собой все, что можно будет увидеть на выставке. А сам Джейми Куган был настолько уверен в успехе, что даже и не помышлял проделать одну-две предварительных тренировки. Куда там! В день выставки человечество убедится воочию, что равных машинам «Виллис-Найт» нет и не может быть.

— Равновесие и механика — вот и все! — повторял Джейми, и на этом кончался любой разгоревшийся возле него спор.

Правду сказать, его даже не интересовали эти диспуты, как и небывалая реклама, которую они приносили его фирме. Главное для него было сам прыжок.

Джейми по природе был довольно уравновешенный человек и механик по призванию. Он постоянно носил синий комбинезон, лицо и руки у него были всегда испачканы, как и полагается профессиональному автомобильному гонщику. Он очень гордился этим, хотя честно признавался, что в гонках никогда не участвовал. В общем, он был настолько безобидным парнем, настолько временами как бы парил в облаках, что все в городе говорили: Джейми не обидит и мухи даже в минуту сильного раздражения.

И тем не менее Джейми Куган часто восклицал с восторженной улыбкой:

— Бокс — вот спорт королей!

Невольно в сознании слушателей возникали фигуры коронованных особ Европы, размахивающих кулаками и обменивающихся корректными ударами в дружественном раунде бокса.

Дело в том, что Джейми все-таки был в душе спортсменом. Да и жил в одном из самых спортивных городов спортивной страны. И вместо того, чтобы держать в своем гараже доверенные ему три новехоньких «Виллис-Найта», он превратил гараж... в ринг для бокса со специальными подмостками, канатами и даже судейским колоколом. Что касается автомашин, то они стояли на улице.

«Тренировка бесплатно!» — вещала табличка на пыльной витрине гаража. Ниже было дописано от руки: «Приглашаются также все, кто желает разрешить личный конфликт лучшим и благороднейшим способом из всех, известных человечеству».

«Лучший и благороднейший» спорт пользовался в городе несомненной популярностью. Во время ежегодной выставки иногда устраивались даже матчи бокса: полдюжины нагрянувших откуда-то профессионалов вызывали на два-три раунда желающих горожан за плату в несколько фунтов, причем почетным судьей избирался директор заезжего цирка.

И все-таки никто в городе не принимал всерьез ринг Джейми Кугана. Разве что какой-нибудь любитель со скуки забредет, чтобы побоксировать «с тенью», то есть сам с собой. Обычно же ринг пустовал и покрывался густым слоем пыли.

Так продолжалось до того дня, когда Джейми объявил во всеуслышание о предстоящем аттракционе с машиной. По некоему стечению обстоятельств именно тогда появилось двое желающих воспользоваться советом, начертанным на табличке, выставленной в витрине гаража-ринга. Эти двое были Эдгар Аллан и Сторки Сторкинсон.

* * *

Эдгар Аллан был деревенским подростком и жил с отцом-лесорубом за чертой города, на острове Пентал, в зарослях. А Сторки Сторкинсон был мальчиком городским, приезжал в школу на велосипеде и имел весьма занозистый вид, как и надлежит сыну процветающего торговца скобяными товарами.

Началось все с того, что Эдгар как-то похвастался в школе своей храбростью. Он сказал, что готов сесть в машину вместе с Джейми Куганом, когда тот будет проделывать свой знаменитый прыжок. Школьники Сент-Элена все были признанными храбрецами; но когда и Сторки Сторкинсон заявил о своей готовности лично разделить триумф Джейми Кугана, Эдгар, у которого было свое мнение насчет храбрости «городских», встретил слова Сторки колкой насмешкой. Тут между ними завязалась жаркая словесная перепалка.

— Чего ты задаешься? — кричал Сторки Эдгару своим резким, скрипучим голосом. — Разве ты не удрал в прошлом году, как трус, когда Одзи Олд и Пат Мэрфи принялись швырять камнями в телегу твоего папаши? Разве ты не стал нахлестывать коня кнутом изо всех сил?

Эдгар всегда отрицал факт этого позорного бегства, хотя и знал в душе, что тут есть какая-то доля истины.

— Много ты знаешь! — ответил он, презрительно кривя губы. — Просто мне надо было поскорее доставить домой коня и телегу.

Сторки захихикал, изобразив на лице искреннее соболезнование:

— Ну еще бы! Если даже Джейми Куган и пустит тебя к себе в машину, ты все равно выпрыгнешь в последнюю минуту и со всех ног удерешь к своему старому хрычу.

— Старые хрычи любят возиться с кастрюлями и сковородками, — возразил Эдгар, намекая на профессию папаши Сторки. — А мой старик ничего: ему нипочем вонь, которую распускает семейка Сторкинсонов.

Теперь был вконец разобижен Сторки. Перепалка пошла еще сильней, и всем стало ясно, что словесная дуэль может быть завершена только одним способом: кулачным единоборством. Тут же было назначено место встречи — позади старой кузницы в пятницу, после школьных занятий. Свидетелей ссоры было слишком много, чтобы кто-нибудь из противников решился уклониться. Оба мальчика давно уже не выносили друг друга. Сторки был «городской», у него были крупные красивые зубы и изящно подстриженные волосы, он носил шерстяные чулки, ботинки на толстой подошве и к тому же явился недавно в школу с новым велосипедом. Велосипед стал предметом страстной зависти Эдгара. В отместку он решил причесываться по-модному — с лихим напуском на глаза, но из этого ничего не выходило: его светлые волосы были слишком тонкими, и прическа безнадежно распадалась. Кроме того, у Эдгара вообще не было башмаков, и он ходил босиком...

Во всей этой взаимной неприязни, возможно, было и нечто бо́льшее — неосознанные, примитивные отголоски большой классовой войны: один инстинктивно отстаивал права и привилегии богатых, другой с ненавистью протестовал против них. Короче говоря, обоим предстояло в пятницу свести счеты по-настоящему.

Вероятно, все кончилось бы обычной школьной кулачной дракой, если бы Джейми Куган не узнал о конфликте от своего сына. Джейми глубоко заинтересовался и даже умилился: ведь ребята, плохо ли, хорошо ли, собирались драться из-за чести сидеть с ним рядом в машине в день Великого Прыжка!

* * *

Джейми подстерег Эдгара и Сторки у дверей школы и торжественно повел обоих вместе с кучкой школьников к своему гаражу. Там он обратился к ним с речью:

— Вот что я скажу вам, ребята. Вы уже не мелюзга какая-нибудь, чтобы наподобие дикарей тыкать друг в друга голыми кулаками, где-то на задворках, за кузницей. Верно я говорю?

Эдгар растерянно замигал глазами, Сторки неуверенно улыбнулся.

— Вам надо провести матч бокса по всем правилам — здесь, у меня на ринге! И вот что я еще скажу: раз вы уж деретесь за то, кто из вас храбрый и кто нет, — я согласен взять победителя к себе в машину. Ну как, по рукам?

Радостный вопль юных школьных Эвменидов покрыл слова Джейми. Сторки пробормотал «о'кэй», Эдгар пожал плечами и кивнул в знак согласия.

— Идет! — сказали они вместе.

Так и было решено. Противникам предстояло провести пять раундов по две минуты. Судьей, разумеется, назначили Джейми. Приз победителю — место в машине рядом с ним в понедельник, когда...

Эдгар медленно плелся к себе на остров, в этот мрачный закоулок своего земного существования, в жалкий домишко, где он жил с молчаливым, неприветливым отцом, то и дело исчезавшим надолго корчевать в зарослях пни и рубить дрова на продажу в городе.

Всю дорогу Эдгар спрашивал себя: зачем было ввязываться во всю эту историю с прыжком Джейми? Эдгар знал, что у него нет никакого желания сидеть рядом с Джейми в эту минуту. Больше того, он откровенно боялся. В глубине души он был убежден, что Джейми Куган разобьется насмерть... Конечно, драки со Сторки не миновать; Эдгар нипочем не уступит этому надутому выскочке. Если Сторки его побьет, это будет стыд на всю школу, тем более что Сторки «городской», это будет двойной позор. И потом Сторки, этот нахал и задавала, и впрямь может захотеть кувыркаться в машине с Джейми, если возьмет верх в драке...

Дома Эдгар развел огонь, загнал в сарай скотину и вышел на берег реки. Там он принялся боксировать с «тенью» Сторки.

— Ага, съел! — приговаривал он, угощая противника апперкотами прямо в челюсть. — Думаешь, возьмешь меня? Как бы не так! — уклонился он от встречного удара. — Получика сдачи! — кричал он, энергично работая левой...

Сторки свалился, но быстро вскочил на ноги. Но вот он уже снова летит на землю под градом беспощадных ударов...

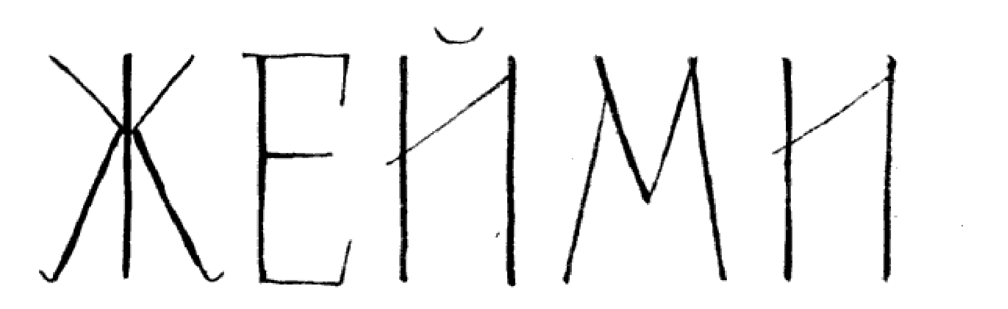
— Эдгар! Боже милостивый, что ты там делаешь?

Это была миссис Фленнинген, проживавшая по ту сторону реки, мелководной и тихой в это время года.

— Ничего, — ответил смущенно Эдгар. — Просто так, дурака валяю, миссис Фленнинген...

— Есть у тебя рыба?

Эдгар все лето ловил рыбу и хранил ее живьем в сети на дне реки. Миссис Фленнинген покупала у него рыбу раз в неделю.

Она задолжала мяснику, булочнику и бакалейщику столько денег, что получить с нее долг было уже делом безнадежным. К тому же муж у нее был бездельник и транжира. Но по негласному уговору Эдгару она платила наличными.

Эдгар достал рыбу из воды и положил деньги в карман. От приглашения миссис Фленнинген отужинать с ее семьей хлебом с маслом Эдгар отказался. Он знал, что у Фленнингенов питаются плохо, и предпочитал собственный кусок баранины под томатным соусом. К тому же никак нельзя было морить себя голодом накануне драки со Сторки Сторкинсоном.

* * *

Пятница превратилась в истинное наказание для учителей городской школы. Они знали, что их питомцы ждут не дождутся какой-то драки после конца занятий, а к тому же еще в понедельник предстояло открытие выставки. Когда прозвенел последний звонок, учителя осенили себя крестным знамением: наконец-то кончился этот ужасный день! Но день только начинался для самих школьников, буйной толпой устремившихся к гаражу Джейми Кугана.

У Эдгара были свои сторонники и добровольные секунданты — большей частью дети бедняков из зарослей, как, например, Спит Макфи. Даже старые недруги, вроде Скотти Кэмпбелла, держали руку Эдгара в этой холодной войне с «городскими». Что же касается Сторки, то и у него не было недостатка в болельщиках: это были сыновья торговцев мануфактурой, рыночных маклеров, содержателей ссудных касс; в их числе был даже самый «важный» из школьников — Джон Эльвин-Джонс, сын врача.

На минуту у ворот гаража началось столпотворение: каждому хотелось потрогать руками машину «Виллис-Найт», уже подготовленную для понедельника. Мешки с песком лежали на заднем сиденье, брезентовый верх был снят, коврик с пола убран.

Наконец вся толпа ввалилась в гараж.

— Оба готовы? — спросил Джейми у противников.

— Угу,— произнесли они в один голос.

— Тут есть, правда, маленькая закавыка,— почесал в затылке Джейми.— Я не смог достать двух пар боксерских перчаток по вашему размеру. Одна-то пара в самый раз, а вот эта никудышная.

Он протянул им перчатки. Действительно, одна пара была новенькая, мягкая, положенного образца. Другая оказалась потертой, грязной и твердой, как из жести.

— Ладно, бросим жребий,— сказал Джейми.— Давай, Сторки!

Он подбросил вверх монету.

Сторки назвал орла и проиграл. Выбор теперь принадлежал Эдгару. Он поглядел на обе пары перчаток и выбрал первую, новую и мягкую.

— О'кэй, матч начинается! — возгласил Джейми.— Победитель едет со мной в понедельник. Все согласны?

— О'кэй, о'кэй! — дружно проскандировал хор голосов.

— Не желают ли противники покончить дело миром? — вежливо осведомился Джейми.

— Черта с два! — пробурчал Сторки.

Эдгар не проронил ни слова. Оба разделись, оставшись в одних трусах. Джейми велел Сторки скинуть и башмаки: ими можно было повредить босые ноги Эдгара во время схватки.

— Готовы? — повторил Джейми. Он ударил гаечным ключом по колоколу и воскликнул: — Выходите на бой, и пусть победит лучший!

Эдгар и Сторки бросились друг на друга, размахивая руками и тыча кулаками с такой поспешностью, словно им нельзя было терять ни секунды. Боевое счастье сразу же повернулось спиной к Эдгару: Сторки угодил ему в лицо ударом справа, и Эдгар отлетел назад: удар жестяной рукавицы Сторки был подобен толчку внезапно налетевшего трамвая.

Аудитория взревела от неожиданности, но Эдгар оправился, и матч пошел своим чередом.

— Давай, Эдгар! — кричали одни.

— Валяй, Сторки! — отвечали другие.

Эдгар пригнул голову и принялся орудовать апперкотами и правыми свингами. В цель попадало не больше одного удара из пяти. Не лучший результат был и у Сторки, но тот бил не мягкой, набитой овечьей шерстью подушечкой, а чем-то вроде жестяной кружки, и каждое попадание в голову или корпус отбрасывало Эдгара назад. Когда кончился первый раунд, Эдгар почти изнемогал от этих жестоких ударов.

— Тебе надо повыше держать голову,— советовал ему Спит Макфи.

— Еще чего! Он тогда совсем свернет ее набок! — хмуро отвечал Эдгар, шатаясь и едва переводя дыхание.

— Старайся прятать голову,— уговаривал его противника Джон Эльвин-Джонс.— И бей пониже...

Второй раунд был повторением первого. Бойцы по-прежнему дрались с полузажмуренными глазами, перчатки их мелькали хаотически; но каждый раз, когда жестяной кулак попадал Эдгару по лицу или плечу, он содрогался от боли и яростно ругал себя за то, что сыграл дурака. Черт его дернул выбрать эти никчемные пуховки от пудреницы! Сторки, должно быть, и не чувствует их прикосновения...

— Время! — объявил Джейми и ударил в колокол.

Он отправил бойцов на их места у канатов и принялся что-то сосредоточенно отмечать в записной книжке.

Третий раунд был сплошным мучением для Эдгара. Он получил два крепких жестяных удара в ухо и три в корпус и ушел, как выражаются профессионалы, в глухую оборону. Ободряющие крики его приятелей становились все тише и неувереннее. Сторки воспользовался благоприятным поворотом дела и пошел напролом, вращая руками, как мельница крыльями. Эдгару оставалось только увертываться от ударов.

— Время!

После третьего раунда всем стало ясно, что Эдгар побит. Он и сам понимал это. На мгновение у него в сознании мелькнуло что-то вроде удовлетворения: значит, не придется прыгать в воздух вместе с Джейми Куганом в понедельник! Но это было слабое утешение: все-таки он позорно проиграл, а Сторки, этот «горожанин», взял верх...

Даже ближайшие друзья Эдгара начали отпускать разные шуточки по его адресу. Он знал, что глупо будет ссылаться на жестяные перчатки Сторки. Как скверно получилось! Эдгар сидел как в забытьи на своем табурете, пока секунданты трудолюбиво обмахивали его рубашкой и поливали голову холодной водой.

— Что же ты, Эдгар! Дай ему справа и слева — и конец! — твердил Скотти Кэмпбелл.— И давай все время так!

Скотти издал сквозь сжатые зубы воинственное шипение. Это шипение было «специальностью» Скотти во время драк. Эдгар знал, что от этого не бывает никому ни тепло, ни холодно. Но он кивнул в знак согласия и тяжело поднялся на ноги. Наступал четвертый раунд.

Сторки вышел на середину ринга с видом победителя — о, эти ненавистные, оскаленные в улыбке белые зубы, этот вздернутый толстый нос! С первых же секунд раунда Эдгар отлетел к канату.

— Э, Эдгар, куда же ты! Не прячься! Дерись! — кричали ему со всех сторон.

Сторки ринулся на противника и принялся молотить его по голове, плечам и животу, все больше зверея от удачи. Эдгар отворачивал голову и как во сне отбивал удары. Это было окончательное и бесповоротное поражение.

Вдруг кто-то из школьников крикнул:

Традиции древнейшего искусства

Когда в XVI веке на побережье Мексики высадились испанцы, они были ошеломлены великолепием городов, храмов, каналов... Манившее колонизаторов золото у индейцев было сырьем, наравне с камнем или глиной.

Испанцы пришли в Мексику с огнестрельным оружием, а у местного населения были лишь деревянные копья и щиты из многослойного хлопка. Да индейцы и не сопротивлялись: они верили легенде, которая веками передавалась из поколения в поколение. От племени к племени шла легенда о боге Кецалкоатле: он должен был явиться к людям и спасти их от зла. Какой-то сказитель назвал его белокожим и белобородым. И когда на земле Мексики появились завоеватели, индейцы приняли предводителя отряда Фернандо Кортеса за бога, солдат — за свиту Кецалкоатля, коней — за могучих служителей его.

Колонизаторы сровняли с землей города, уничтожили храмы, превратили индейцев в рабов, переплавили в слитки их тончайшие ювелирные изделия. Так была разрушена цивилизация, начало которой уходит в глубь веков — ко второму тысячелетию до нашей эры.

За три тысячи лет своей истории индейцы создали высокую культуру. Они были искусными земледельцами — начали разводить кукурузу, картофель, помидоры, табак задолго до европейцев.

Индейцы были прекрасными астрономами, создавшими календарь, хотя огонь добывали трением из дерева. Они не знали железных орудий, но строили города и мосты, высекали колоссальные каменные статуи. Поражают совершенством формы их глиняные изделия.

Скульптуры предназначались не для украшения дворцов или площадей; создание скульптурных пам. 'ников было религиозным актом, творцами памятников являлись жрецы. Памятник отождествляли с богом: индейцы знали бога дождя, бога солнца, бога ночи и приносили им жертвы. Непонятная природа обожествлялась индейцами.

Во время раскопок захоронений индейцев часто находят глиняные и каменные статуэтки, маски из драгоценных камней или глины. Они призваны были сохранить облик усопшего, а иногда — закрыть гримасу боли и несовершенство старости.

Древняя мексиканская культура создавалась многими племенами. У каждого из них были свои обычаи, своя история, свое искусство. Расцвет одного племени часто совпадал с гибелью другого.

Сапотеки, населявшие центральную часть Мексики, любили пышные лепные формы. Их погребальные урны часто напоминают фантастические растения. Ацтеки — наиболее могущественное воинственное племя к моменту прихода испанцев — создавали строгие монументальные памятники.

На Западном побережье Тихого океана находят мелкую скульптуру из красной глины, так тщательно отполированную, что она кажется сделанной из камня.

Наиболее совершенной была культура племени майев.

Майи носили нарядную одежду, украшенную драгоценными камнями и перьями. Их тела и лица покрывала татуировка и орнаментальная раскраска. На переносице они носили специальное украшение из дерева. Поражает пышность головного убора бога солнца народа майя.

В скульптурном орнаменте проступает изображение птицы — символа неба и змеи — символа земли. Как бы весь мир воплощали мастера в этом орнаменте.

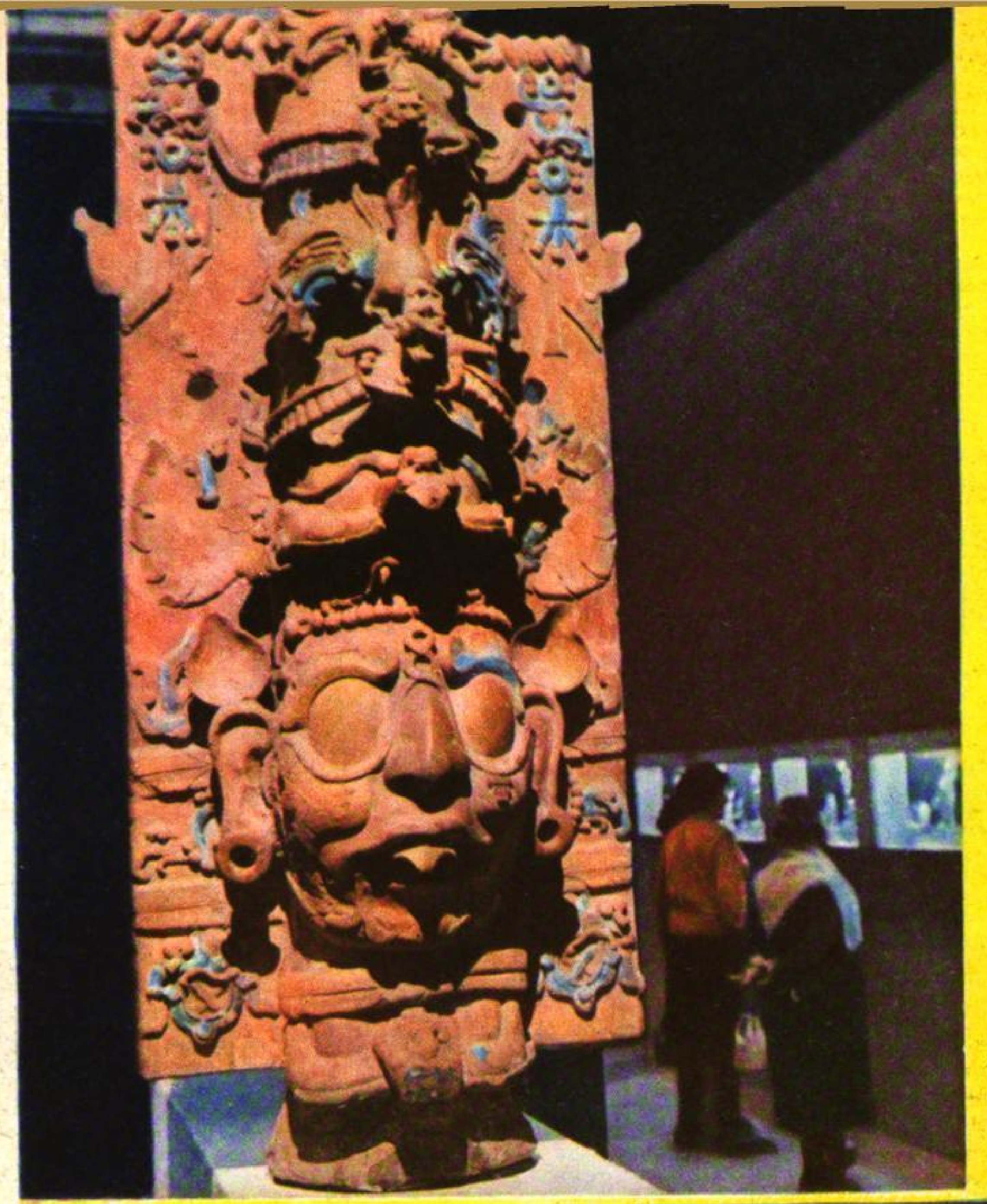
Особой яркостью отличаются росписи храмов майев, богато орнаментирована вся их скульптура. В расцветке храмов преобладал синий цвет — цвет неба.

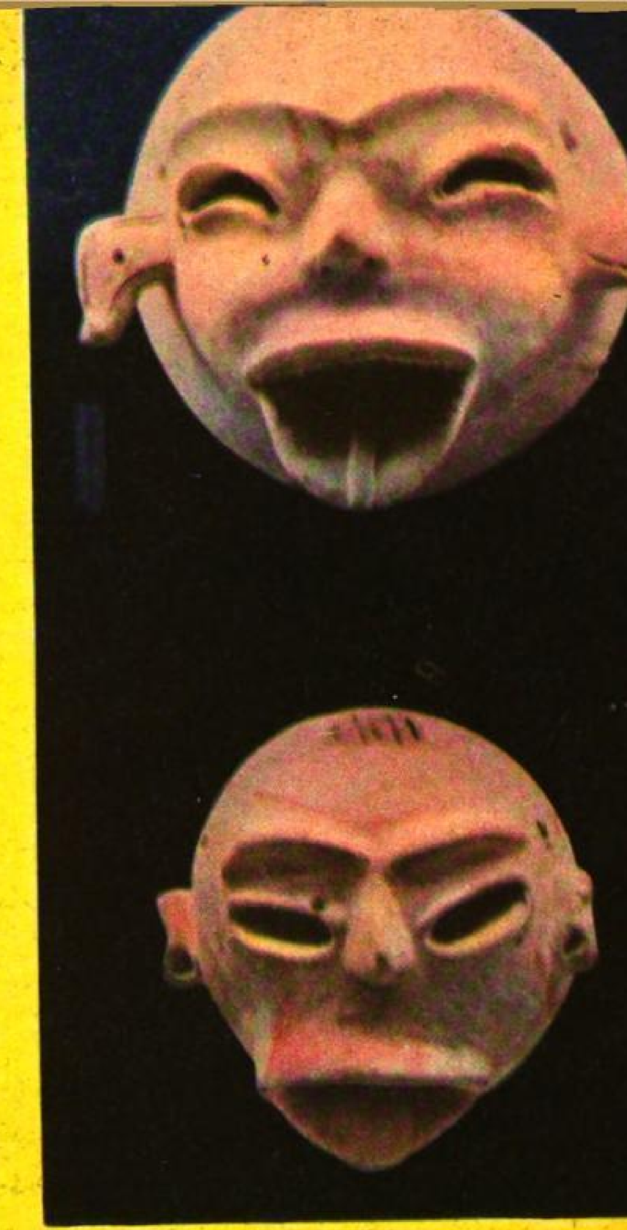
Многие памятники индейского искусства кажутся зашифрованными, символичными; знание этих символов дает путь к пониманию изображений.

В XVI веке древняя мексиканская культура была варварски разрушена. Но в народе до сих пор продолжают жить ее традиции. До сих пор мастера мексиканских деревень создают глиняные изделия тем же способом, что и три тысячи лет тому назад, наносят те же узоры, применяют те же краски.

Лучшие традиции древнего искусства живут и в творчестве современных художников Мексики.

И. КАРЕТНИКОВА

Круглые маски. Глина. Архаическая культура.

Сидящая женщина. Глина. Культура западного побережья.

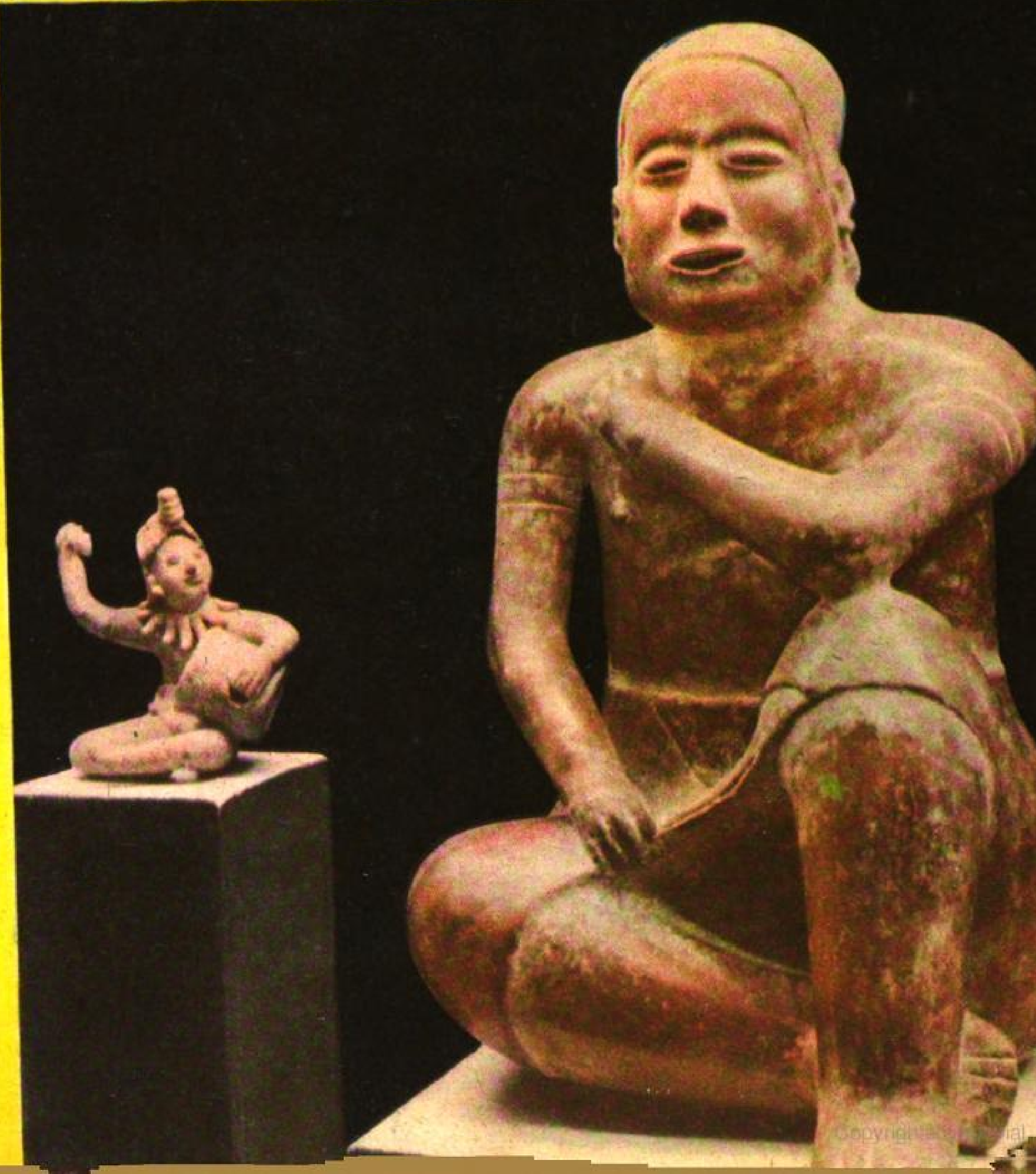
Бог солнца. Раскрашенная глина. Культура майев.

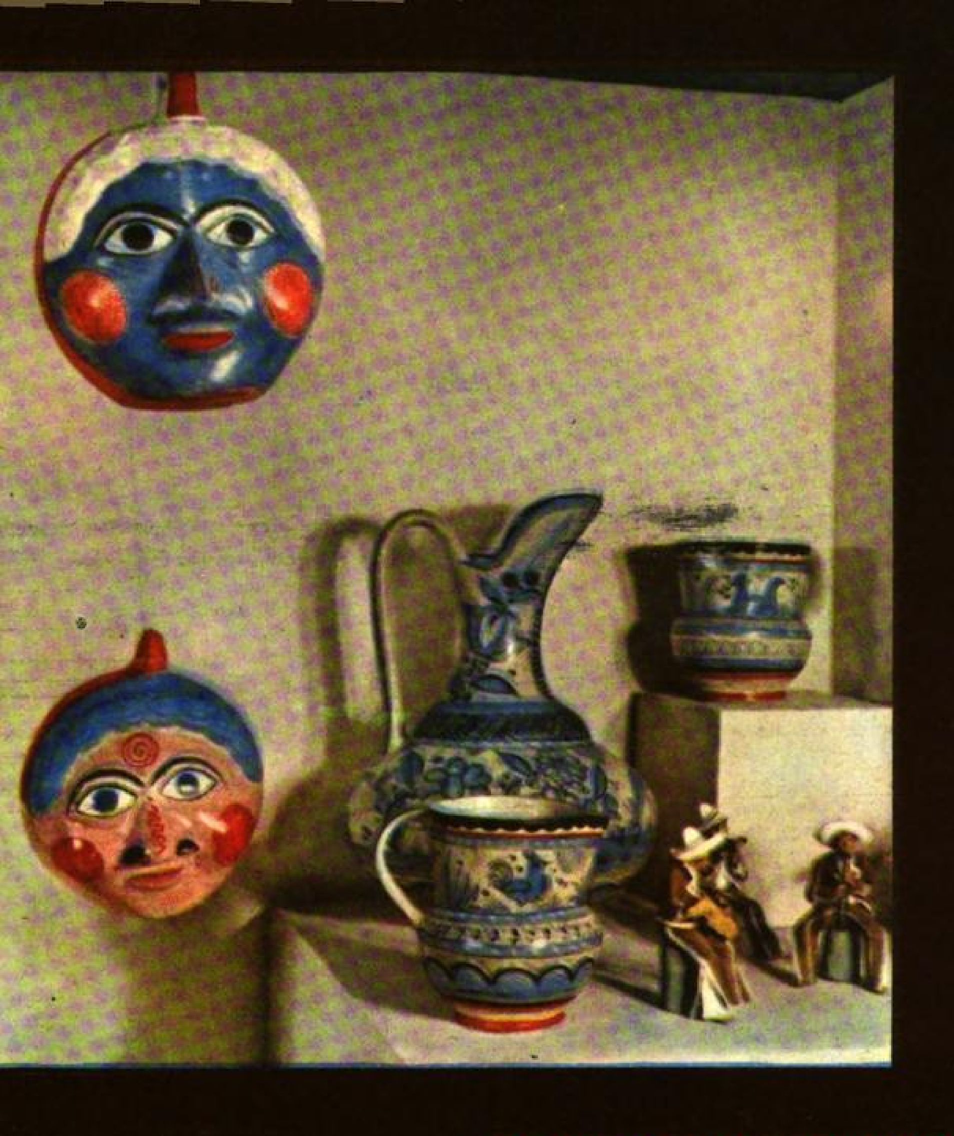
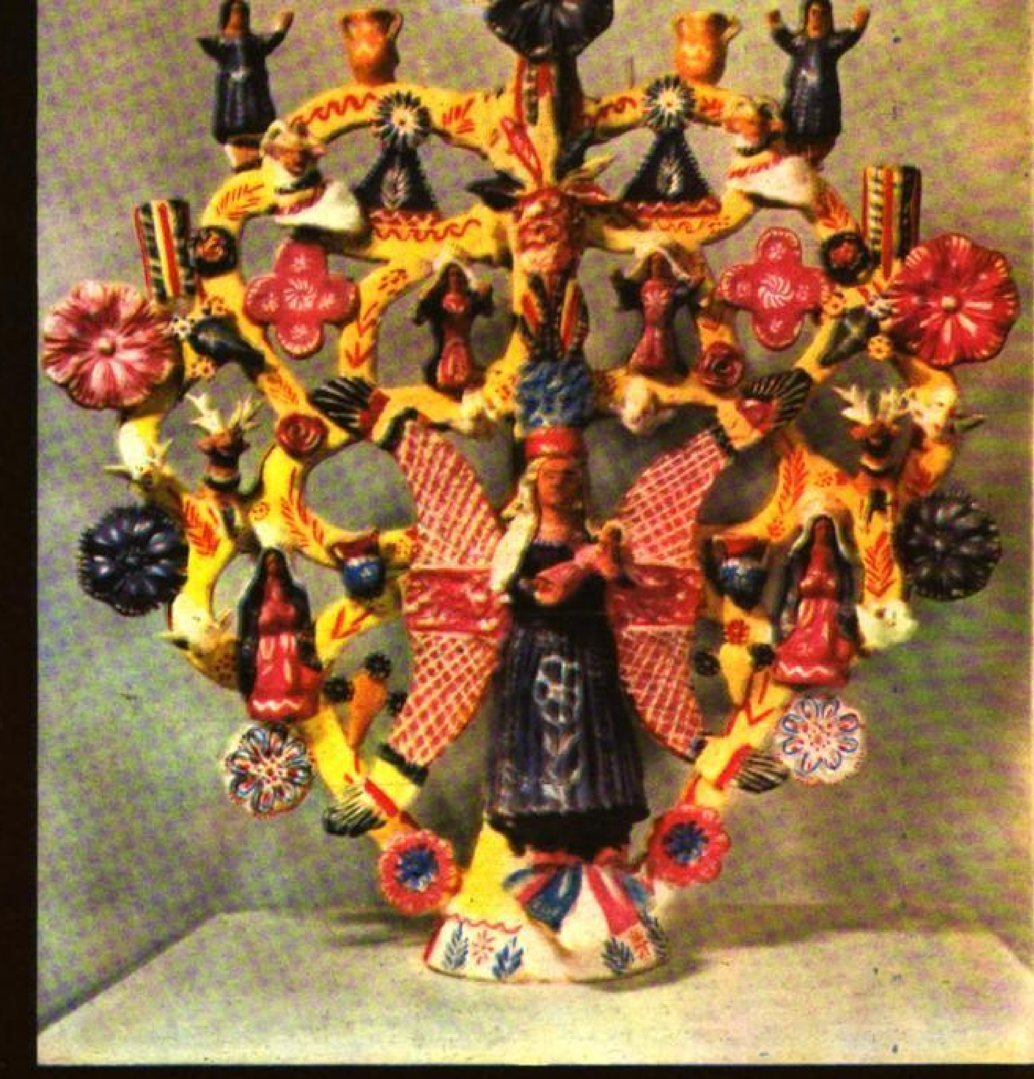

Женская фигурка. Глина. Культура западного побережья.

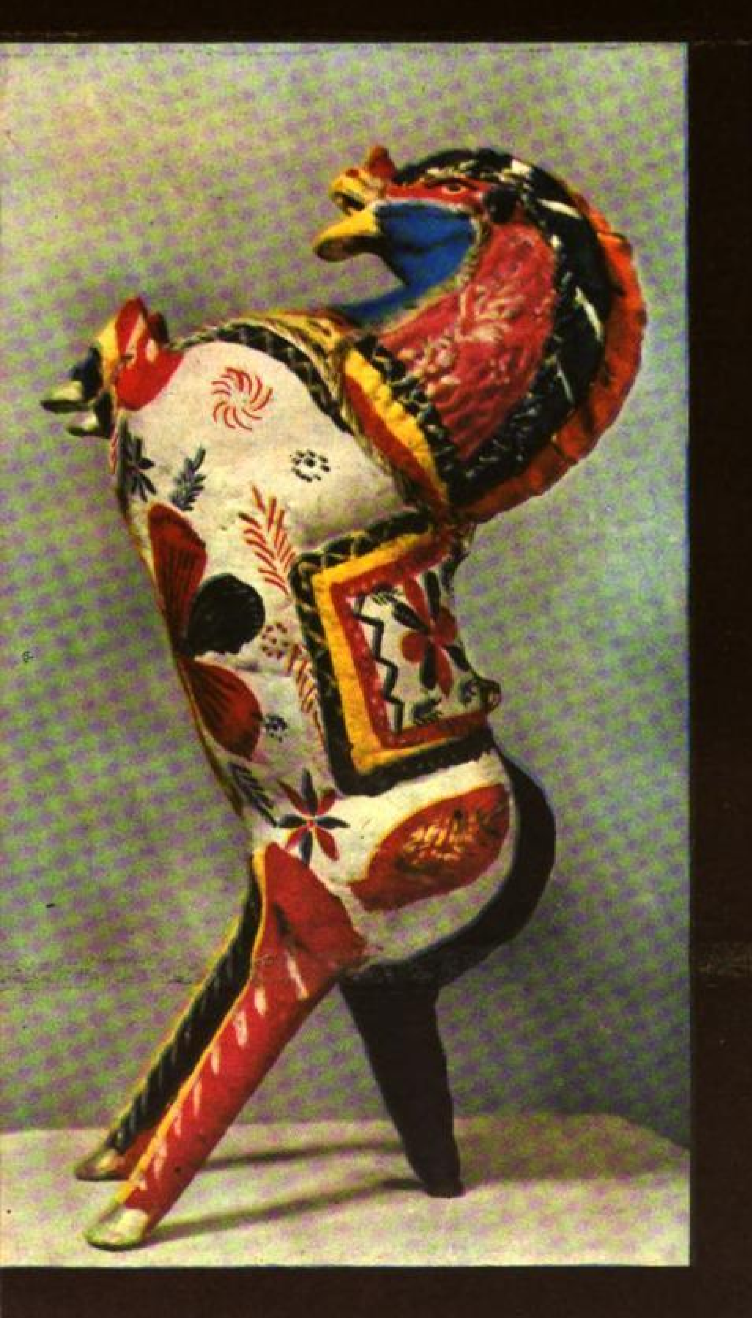
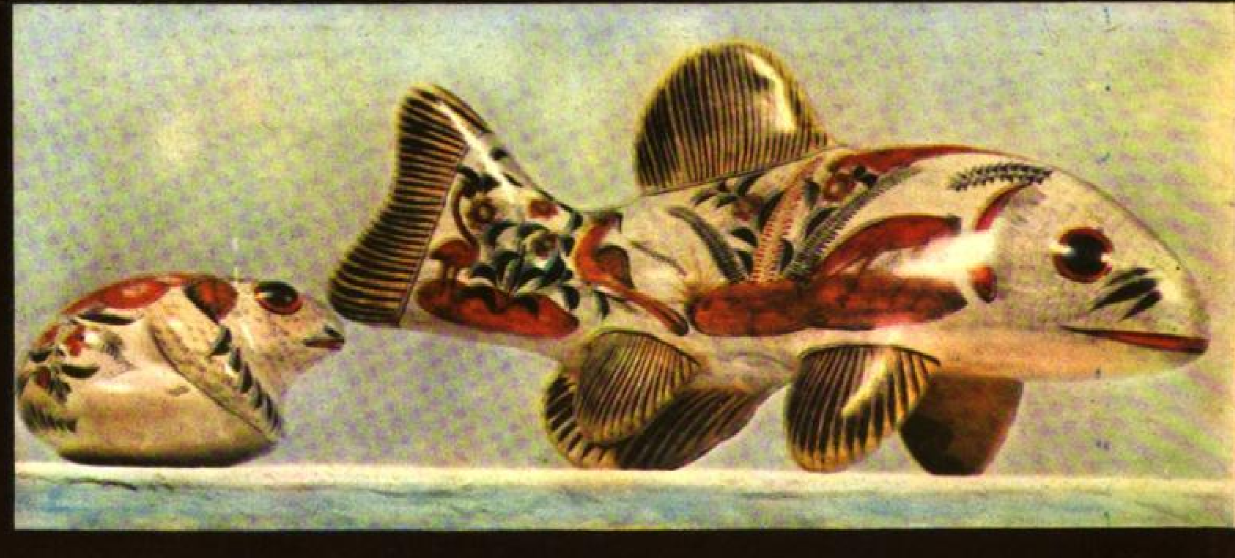
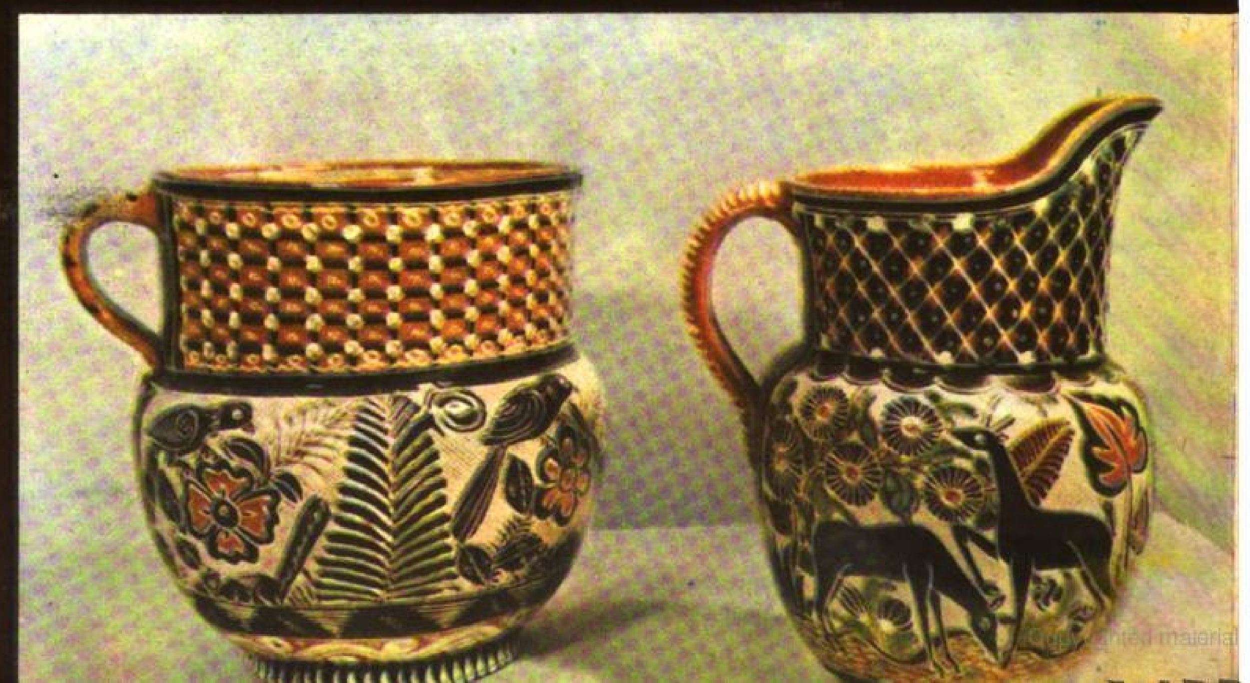

Погребальная урна. Глина. Культура сапотеков.

СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО МЕКСИКИ.

— Гей, Эдгар, радуйся: твой старик здесь! Вон глядит через окно, как черный ворон или сам сатана!

Эдгара словно ударило электрическим током. Разве мог отец вернуться так скоро из зарослей? Он бросил тревожный взгляд на окно гаража. Да, это он, отец! Сидит на телеге, поверх дров, с вожжами в руках, неподвижный, как камень, и молча смотрит. Эдгар заметил, что в гараже и на улице собралась теперь большая толпа горожан. Все они любуются его неудачей. Вокруг него одни враги! Он опозорен и разбит, но не это теперь самое страшное: сейчас они начнут осыпать насмешками и его безответного отца!

— Кончай скорее, Эдгар! — крикнул из дверей мистер Мэй, мясник.— Тебя ведь ждет еще раунд-другой с твоим старым чертом там, в трактире!

Так и есть! Да, его отец часто — хотя и не всегда — молча напивался в кабаке после возвращения с этой изматывающей работы в зарослях. Эдгару не раз приходилось выручать его и отвозить бесчувственного домой на тряской, разболтанной телеге...

Злое издевательство, прозвучавшее в словах мясника, выжало слезы из глаз Эдгара. Лицо его запылало огнем, но внутри у него все вдруг словно заледенело. О, он стер бы в порошок этот проклятый город! Он уничтожил бы их всех вместе с этим выродком Сторки, который колотит его по телу своими жестяными рукавицами!

Эдгар больше не чувствовал ударов. Он выпрямился, широко раскрыл глаза и впервые посмотрел прямо в лицо Сторки, прямо в переносицу, куда обрушится сейчас его удар. Все вокруг него словно потонуло в густом тумане, кроме ненавистного лица Сторки... И он стал бить, удар за ударом, по этому мягкому носу, по ушам, по перекошенному внезапным страхом рту.

— Валяй, Эдгар! — закричали, приплясывая от нетерпения, его секунданты.

Но он не слышал их. Забыв о жестяных кулаках Сторки, он молотил его по голове, словно забивая в нос гвозди. Из носа у Сторки потекла кровь, он только встряхивал головой и беспомощно выставлял вперед руки в ставших вдруг бесполезными перчатках.

— Время! — закричал Джейми.

Эдгар не слышал и его. Он рвался вперед, пришлось отвести его за руки в угол. Там он уселся на табурет все с тем же ощущением ледяного холода в груди, не глядя ни на кого, не видя никого, ожидая только мгновения, когда можно будет опять громить и уничтожать проклятый город.

— Последний раунд — и дело с концом! — объявил Джейми.

Сторки вышел на ринг перепуганный, спотыкающийся. Эдгар поймал выражение ужаса в его бегающих глазах и понял, что со Сторки покончено. Но он не почувствовал радости от унижения врага. Он разрушал город! Правой, левой, снова правой, снова левой он посылал апперкоты и свинги в лицо Сторки, отмахиваясь, как от мух, от редких ответных ударов. Сторки согнулся вдвое, шатаясь на слабеющих ногах и, как мешок, рухнул на пол.

— Победа Эдгара! — неслось отовсюду, хотя Сторки и поднялся после счета, ослепший, беззащитный.

— Молодчина, Эдгар! — бесновались его секунданты.

Ударил колокол.

Эдгар стоял у каната, измученный, едва дыша. Ему было теперь все равно: и исход матча, и побитый Сторки, и предстоящий прыжок Джейми. Он готов был сейчас же начать бой снова с любым из этих, что стоят в воротах гаража.

Джейми Куган, не обращая внимания ни на кого, неторопливо колдовал со своей записной книжкой. Потом он вызвал противников на середину ринга.

— Результат матча...— провозгласил он, обращаясь к толпе.— Результат матча — ничья!

Толпа ответила глухим ворчанием. Джейми снова поднял руку.

— Это означает,— сказал он, впервые за все время улыбнувшись,— что оба противника могут сесть со мной в машину, когда я проделаю в понедельник свой прыжок!

— Браво, Джейми! Молодчина, Джейми! — раздались крики.

Всех растрогало великодушие Джейми Кугана. Да и в самом деле, разве ребята плохо дрались? Разве оба не заслуживают награды? Среди всеобщего возбуждения Джейми обернулся, чтобы обнять за плечи Эдгара и Сторки и предложить им пожать друг другу руки.

Но Эдгар уже выхватил из рук секунданта свою рубашку и исчез.

* * *

В понедельник выдался ясный денек. Территория выставки была заполнена овцами, лошадьми, пестрыми палатками, балаганами и густой толпой зрителей. Эдгар явился сюда чуть ли не на рассвете — разумеется, не через входные ворота, а легко перескочив через высокий забор. До открытия выставки он проделал немало дел: помогал поить и кормить овец и лошадей, разбивать палатки и даже внимательно осмотрел изготовленную для прыжка Джейми Кугана специальную колею. Ее расположили не на беговой дорожке, где предстояли скачки и рысистые бега, а в центре ипподрома. Она возвышалась там, как некая древняя усеченная пирамида, дожидаясь своей жертвы,— так думалось Эдгару.

Как же все-таки быть? Сесть в машину вместе с Джейми, чтобы перекувырнуться в воздухе над этой идиотской штукой? Эдгар все еще не находил ответа. Он знал твердо одно: если Сторки явится сюда, чтобы получить обещанный приз за вчерашнюю «ничью», ему, Эдгару, придется сделать то же самое.

Выставка открылась, и народу становилось все больше. Сельский люд приезжал на телегах и грузовиках, горожане прибывали пешком. В десять часов все поле было окутано густыми облаками пыли, но шум, возбуждение, оживление не утихали. Каждый мог выбрать себе развлечение по вкусу, но большая толпа уже неподвижно стояла вокруг арены в ожидании главного события дня.

В половине одиннадцатого появился в своем «Виллис-Найте» Джейми Куган. Когда об этом было объявлено во всеуслышание, он выехал на беговую дорожку арены и сделал круг почета, приветствуемый аплодисментами и криками собравшихся.

Джейми сидел у руля выпрямившись; на нем, как и всегда, был синий рабочий комбинезон. Он небрежно помахивал рукой и улыбался своей обычной рассеянной улыбкой.

— Что-то вид у него, как у тронутого,— комментировали зрители из приезжих.

Но они не знали Джейми Кугана. В нем всегда билась жилка мечтателя. «Сей мир — не такое уж плохое местечко»,— вот о чем говорили его блуждающая улыбка и невозмутимое спокойствие.

Теперь уже все, кто находился на выставочном поле, оставили другие развлечения, чтобы поглядеть на небывалое дело: сальто-мортале, которое проделает в воздухе автомашина с человеком. Деревянную колею пододвинули вплотную к беговой дорожке, и Джейми лично проверил ее установку. Землю беговой дорожки на подступах к колее смочили водой. Джейми прошел шаг за шагом всю колею и кое-где ударами молотка закрепил расшатавшиеся гвозди. Часы показывали без пяти одиннадцать. Приближалась долгожданная минута.

— Эй, Эдгар! Как там у вас дела? Думаешь, перекувырнетесь без промашки?

Это был мистер Пуль, почтмейстер.

Эдгар думал, что, притаившись за загородкой овечьего загона, он не будет замечен никем, а сам будет видеть все. Окрик почтмейстера заставил его вздрогнуть. Он ничего не ответил и убрался еще дальше, замешавшись в задние ряды зрителей. Но уходить совсем нельзя было: вдруг в последнюю минуту явится Сторки Сторкинсон и торжественно проследует к машине Джейми! И Эдгар, работая локтями, прошмыгивая между ног взрослых, стал снова пробиваться вперед.

Он вздохнул с облегчением: Сторки нигде не было. А Джейми уже уселся на переднее сиденье своей машины и нетерпеливо оглядывался вокруг. Неужели он ждет своих спутников?

Эдгара вдруг волной захлестнуло желание подбежать к Джейми и сесть рядом с ним. Он подвинулся вперед на шаг, но тут же отступил на два шага назад. Человек с мегафоном в руках о чем-то переговорил с Джейми и потом прокричал в трубу на всю площадь:

— Пусть мальчики, которые хотели присоединиться к Джейми Кугану, сейчас же выйдут на середину арены!

Эдгар поспешно присел за ящик с кормом для овец. Но глаза его настороженно следили за ареной — не выйдет ли на вызов Сторки Сторкинсон? Но «городской» Сторки не появлялся, ну, конечно, он самый обыкновенный трус! Снова волна безудержной смелости поднялась в Эдгаре. Выйти одному? Выйти? Но жизнь научила его быть осторожным, и этот опыт жизни давил на его плечи и удерживал на месте.

Джейми Куган поднял вверх руку. Сейчас он отправится в свое смертельное путешествие, отправится один...

Он включил стартер «Виллис-Найта», и машина, весело гудя, двинулась. Въехав на беговую дорожку, Джейми остановился. Отдавая единственную дань неизвестности, он надел на голову аварийный шлем. У Эдгара пробежали по спине мурашки, когда он увидел это.

Раздался пистолетный выстрел, и машина помчалась. Джейми надо было сделать два полных круга, прежде чем машина въедет на деревянную колею. Он сидел все так же выпрямившись и вел машину, как в обычной поездке по шоссе. Все поле замерло — не слышно было ни звука, кроме мощного рычания великолепного мотора. Все шло прекрасно.

И вдруг наперерез машине помчалась неизвестно откуда взявшаяся собака. Джейми, чтобы не налететь на нее, пришлось сделать на полной скорости неожиданный и резкий вираж в сторону.

Толпа ахнула и загудела.

Но Джейми даже не повернул головы. Выровняв машину, он только помахал рукой и прибавил газу. Когда он кончал второй круг, на ипподроме царила мертвая тишина.

Вот уже Джейми бурей ворвался на колею. «Виллис-Найт», завывая мотором, молниеносно скользнул вниз по уклону, потом снова вверх, на закруглении колеса отделились от колеи и машина взмыла вверх, к небу. Это было великолепно!

Но в следующее мгновение произошло что-то, чего не смог уловить взглядом ни один из тысяч зрителей. Один мешок с песком выпал, но как будто не сзади, а откуда-то сбоку. «Виллис-Найт» на лету накренился влево, опрокинулся на эту сторону и с грохотом ударился об землю.

Сотни людей, не помня себя, прыгая через барьеры, бросились к месту аварии. Эдгар мчался туда вместе со всеми.

В падении машина накрыла собой Джейми. Мотор продолжал работать, колеса безостановочно вертелись. Десятки добровольцев живо подняли и поставили на колеса исковерканную машину. Джейми лежал навзничь, еще в сознании, но страшно израненный и разбитый. На губах у него угасала его обычная рассеянная, нездешняя улыбка. Обломок рулевой баранки торчал в груди Джейми.

Когда Эдгар увидел это, ему показалось, что все краски жизни вокруг потускнели и слились в одну серую пелену.

Толпу уже оттесняли полицейские, примчалась, завывая сиреной, карета «Скорой помощи», и Джейми увезли. Обломки «Виллис-Найта» оттащили на середину арены, и толпа любопытных, главным образом мальчишек, стала их разглядывать.

— Все это из-за собаки,— скорбно покачав головой, заговорил мистер Кокс, владелец гаража, конкурировавшего с гаражом Джейми Кугана.— Когда Джейми сделал поворот в сторону, чтобы объехать собаку, мешки с песком, должно быть, переместились влево. А когда он взлетел в воздух, они и перевесили машину на левую сторону. Кроме того, вывалился только один мешок. Джейми надо было остановиться после этого случая с собакой и поправить мешки...

Эдгар долго глядел на эти несчастные мешки, кем-то снова уложенные на разбитое заднее сиденье машины. Он мучительно спрашивал себя: почему люди рискуют жизнью из-за таких никчемных затей? Зачем Джейми Кугану понадобилось пойти на такое нелепое и страшное дело?

Эдгар был настолько погружен в свои горестные размышления, что не сразу заметил стоявшего перед ним Сторки Сторкинсона. Но

это был Сторки, в его фланелевой спортивной куртке, с тщательно подстриженными волосами.

Они в упор посмотрели друг на друга. «Трус!» — казалось, говорил этот взгляд. Но в нем читалось и другое: «Счастливо отделались!» И еще: «Бедный Джейми!»

Должно быть, приходил конец их вражде. Неожиданная трагедия спасла обоих от публичного позора, ожидавшего их в школе. Но какое значение имели теперь все эти школьные понятия о храбрости, теперь, когда перед ними предстала суровая правда жизни, о которой они до сих пор только смутно догадывались!

Поздно вечером по пути к дому Эдгар узнал от миссис Фленнинген, что Джейми Куган прожил всего один час после своего злосчастного прыжка. Эдгар немного всплакнул. Потом ему пришла в голову горькая мысль, что они покинули Джейми в трудную минуту, он и Сторки Сторкинсон. Но тут же Эдгар отбросил эту мысль: Джейми все равно не пустил бы их к себе в машину. Джейми Кугану нужны были только их «тени», только образы спутников в его опасном путешествии — иначе ему было бы слишком одиноко. Но теперь уже поздно было размышлять обо всем этом.

И Эдгар решил, что, наверно, всю жизнь будет с грустью вспоминать о знаменитом прыжке Джейми Кугана.

Послесловие

Город в Австралии, в котором я жил в детстве, очень похож на Сент-Элен. Я не Эдгар Аллан, потому что рос в семье, с родителями, и отец мой был редактором местной газеты. Но я думаю, что в Эдгаре слились черты ребят, которых я знал.

Оба эпизода, изложенные в этом рассказе,— прыжок Джейми Кугана и матч бокса между двумя мальчиками — имели место в подлинной жизни; только они рассказаны не полностью. У нас был в городе такой «Джейми Куган», но у него было другое имя. Он действительно владел гаражом, был агентом фирмы «Виллис-Найт» и однажды совершил свой знаменитый прыжок. Правда, «Джейми» был немножко менее увлекающимся и более благоразумным, чем я его изобразил. С прыжком дело обстояло примерно так, как написано в рассказе. Машина взлетела над колеей, перевернулась и накрыла собой «Джейми», он получил серьезные ранения, но не умер и даже сам поднялся и ушел с места аварии.

Кулачный бой, который я описываю, был у меня лично с одним школьником, которого звали не Сторки, а иначе; но характер у него был примерно такой, как у Сторки. Мы поспорили не помню из-за чего, и дело кончилось боксом на ринге, который действительно был устроен в гараже у «Джейми». Все было так, как в рассказе. Я выиграл жребий и выбрал более красивую пару перчаток. Мне пришлось пожалеть об этом: каждый удар «Сторки» стоил мне дорого, как Эдгару в рассказе.

Отец мой действительно видел наш бой, проходя случайно мимо гаража. Но я этого не знал. Я выиграл бой потому, что «жестяные перчатки» рассердили меня, и я в конце концов, наверно, пришел в бешенство. Когда поединок кончился и я собирался уходить, кто-то сказал мне, что мой отец был здесь. По дороге домой я бежал изо всех сил, чтобы поспеть лечь в постель до прихода отца. Отец потом ни разу не упоминал об этом происшествии, хотя и был решительным противником кулачных драк. Я думаю, что он простил мне этот проступок потому, что я выстоял и победил.

«Призом» нашего матча не было место рядом с «Джейми» в его машине; прыжок состоялся много позже. Но я хорошо помню, что видел этот прыжок собственными глазами. После катастрофы я подумал: как хорошо, что меня не было вместе с «Джейми» в машине! Из этого, мне кажется, и возник зародыш рассказа.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Отец и сын

Метко, колоритно назвал своих героев Семен Бабаевский: отец — Иван Книга, и сын — Иван Книга.

Борются два характера — отца и сына. Как в жизни, схватываются две стихии — старое и новое. И, разумеется, побеждает новое, так же как в реальной действительности. А все же хочется сказать, что главный герой нового романа Семена Бабаевского — Иван Книга-старший. Весь облик этого яркого, броского человека виден нам: от его стройной, сильной фигуры, от мужественного лица с «буденновскими усами» до его самых сокровенных думок.

Нет, не идеальные герои вырисовываются из картины человеческих страстей, созданной автором. Какая уж тут «идеальность», если носитель этого «самонравного» характера не может совладать со своим нравом, готов обидеть, оскорбить человека, даже родного сына, не дурак выпить, заглядывается на станичных молодок; если всего этого не могут стерпеть ни жена, ушедшая от него на старости лет, ни сын, поднимающий на отца руку! И это еще не все. Главное в том, что прославленный председатель богатого колхоза, депутат и Герой Иван Книга противится прогрессу. В штыки встречает он сына-архитектора, работающего над проектом новых Журавлей.

Вот теперь мы знаем все недостатки Ивана Лукича, и — удивительное дело, — осуждая его поступки, мы все же сочувствуем ему. Отчего это?

Семен Бабаевский. Сыновний бунт. «Октябрь» №№ 1—3. 1961.

Семен Бабаевский увидел глубокий человеческий характер и дал четкий психологический рисунок его. Там, на берегах быстрой горной речки, увидел он этого самородка, рассмотрел сильного, непокорного казачину и не захотел идти против жизненного прототипа.

Не так много действия в романе. Здесь больше внутренних монологов, авторских размышлений, повествовательного описания. И все эти старые, испытанные приемы художественной прозы пригодились для лепки характера Ивана Книги.

Поединок отца и сына начался еще в юности младшего Книги, когда он поднял руку на отца, вступившись за мать, не стерпел оскорблений и побоев, ушел из дому. И продолжается эта схватка двух неуступчивых характеров тогда, когда уже студентом-дипломником приезжает Иван-младший в Журавли. То и дело автор ставит их лицом к лицу, друг против друга, ощетинившихся, вздыбленных, ершистых. И снова странное впечатление вдруг складывается от этой сшибки двух индивидуальностей. Что-то начинает вас удивлять: да, право, они очень похожи, эти два Ивана Книги! Сын продолжает отца: он как бы копирует то время, когда еще совсем молодой бригадир тракторной бригады Иван Книга болел за колхозы, боролся с одолевшей их послевоенной бедностью.

Не видит этого сходства только сам председатель. Не чует он, что сын повторяет его, воюет за новое так же, как сам он боролся много лет назад.

Неторопливое исследование характера, рассмотрение героя во всей противоречивости — вот в чем преуспел Бабаевский.

Но как бы ни нравилась нам книга Бабаевского, не станем утверждать, что все здесь совершенно. Серьезный разговор может возникнуть о том, современна ли проза Бабаевского. Хорошо, с добрым юмором и с глубокой мыслью написанный роман растянут. Такими затянутыми страницами кажется нам нескончаемый внутренний монолог Василисы перед ее уходом из дому.

О том, какие реальные трудности лежат перед советским человеком на пути к коммунизму, и написан роман Бабаевского.

Автору удалось перенести на страницы романа звуки и запахи кубанских садов, звонко-певучий говор казачек, шум быстрой, своенравной реки, труд и быт жителей этих плодородных земель.

«У жизни веточек много. Одна веточка ничего, зеленая, растет, к небу тянется, а другая чахнет, засыхает». Разнообразной и сложной рисует жизнь Бабаевский. Бытовую тему — разлад в семье — он глубоко связывает с социальной новью наших дней. Читая роман, видишь, как стремительно несется вперед наше время. Еще вчера нововведения Ивана Книги-старшего были открытием. Сегодня — новые интересы, новое движение, и, если отстать, сбиться с темпа, жизнь обгонит тебя.

Эту мысль выносишь из книги о Книге.

Лидия ФОМЕНКО

«Жизнь моя, Венгрия!»

Лет десять назад мне довелось прочесть одну книгу. Она была изрядно потрепана, и это лучше всего говорило о ней: хорошие книги недолго бывают новыми. В той книге рассказывалось о судьбе Шандора Петефи. Так произошла встреча с великим венгерским поэтом и с автором книги о нем — Анталом Гидашем.

В начале 30-х годов выходили сборники стихов Гидаша, был напечатан его роман «Господин Фицек». Пятнадцать лет спустя — монография «Шандор Петефи». В ней чувствовалась суровая, трогательная любовь к герою и скупо, между строк всплывала тоска автора по родной стране. И вот совсем недавно появился двухтомник избранных произведений Антала Гидаша. Стало понятно, что Гидаш-поэт не мог не написать книги о жизни Петефи —

Любимейшего моего
поэта юного того,
кому не будет долго
равных
на свете белом,
того, которого старался,
любить не словом я,
а делом.

И словом и делом продолжил Гидаш традиции венгерской пролетарской поэзии. С юных лет принимает он участие в революционном движении. В нашей стране он нашел вторую родину, здесь окреп его талант — поэта, писателя, переводчика. Он пишет о новостройках нашей страны и международном революционном движении. Его интересует все происходящее в мире. Остроумно и зло разоблачает он фашистские теории в памфлете «Проект графа Курта фон-Эйхена».

И о чем бы ни писал поэт, во всех стихах его, от самых ранних и до самых последних, встает

Жизнь моя, боль моя —
Венгрия.

Своей освобожденной родине не может не передать Гидаш богатства страны, приютившей его, богатства ее литературы. Он много переводит с русского — Пушкина и Маяковского, Твардовского и Некрасова.

Как бы подводя итог своей работе, Гидаш пишет в одном из стихотворений:

Спрашивал закаты,
спрашивал рассветы —
нужно было, надо
затевать все это?
У души, у разума
и у шрамов спрашивал,
что ношу на теле:
нужно ль в самом деле?
Сорок лет, как вихри,
мчат меня по свету.
Если б можно было —
снова начал это.

М. ШАГАЛОВА

Антал Гидаш. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат. 1960.

ЗАЧЕМ ЖЕ ТОПТАТЬ ЦВЕТЫ?

ЧИТАТЕЛИ О ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ АСАНОВА

Читатель у нас доверчивый и строгий. В литературе его волнует самое главное — ее правдивость. Отвечают ли рассказ, повесть, роман чувствам, стремлениям современника — вот главный читательский критерий.

«Если бы вы знали, как хочется сделать людям что-то хорошее, полезное...» — пишет Надя Артеменко из Каменец-Подольского, прочитав повесть Николая Асанова «Не надо топтать цветы», опубликованную в №№ 9—12 нашего журнала за нынешний год. Это одно из многих писем, посвященных повести. Они очень разные.

Инженер Песок из Донбасса пишет о некоторых ходульных выражениях, таких, как «точеная шея», «дробный стук каблучков»... Товарищ Краснобояров из Воронежа отмечает технические неточности в описании заводского цеха. Врач Асташина, работающая в Ташкенте, считает, что первоначальная характеристика Александра Стожарова не оправдана. По ее мнению, Александр, волевой, сознательный, активный инженер, не мог растеряться от одного приказа начальника, «обомлеть» от одного взгляда девушки...

Даже книги, не всегда совершенные по форме, но поднимающие злободневные проблемы морали, труда, быта, будоражат читателя, вызывают его на спор, на размышления о жизни, о людях. В этом случае, говоря словами Пушкина, «нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных». Никакой скидки на тему здесь не нужно: читатель сам увидит и необоснованную характеристику и неудачную фразу.

И все же он прежде всего волнуется теми волнениями и тревогами, которыми жил писатель во время работы над книгой, которые владеют героями литературного произведения. Во многих письмах — слова одобрения, раздумья о повести.

«Это все настоящая, повседневная наша жизнь», — пишет Н. Корнеева из Ишима. Ей вторит Валентина Карзанова, двадцатилетний сельский фельдшер из Ульяновской области: «В этой повести нет никакой фантазии, такие люди нас окружают повсюду. Особенно хорошо описан образ Шурочки, подобных ей у нас тысячи, десятки тысяч... Правильно и то, что она, забыв обиду, причиненную ей Александром, не бросает его в трудное время, когда он остается совсем одинок, когда ему нужна поддержка со стороны товарищей. Таким должен быть наш современный человек. Мы должны не только вскрывать недостатки, а помочь в любую минуту человеку встать на нужный путь, возвратить его к жизни. Вот это будет по-коммунистически».

Читатель — человек решительный. Рабочий совхоза Х. Шахиморданов из Южно-Казахстанской области заявляет без обиняков: «За забор пожелавших воспользоваться чужим трудом!» Товарищ С. Черенков из Уссурийска требует срочно «опубликовать развязку этой позорной драмы, которая разыгралась в наши дни». С. Черенков требует выяснить, «где был комсомол, парторганизация и профсоюзная организация института, где училась Аллочка? И где была дирекция института?»

Первый вопрос, интересующий читателей: что дальше? С кем будет Шура? Об этом спрашивают В. Веремий из Закарпатья, штукатур Зоя Родичева из Джезказгана, воины из Ленинграда и Узбекистана, С. Пермяков из Барнаула, цветоводы из санатория «Красная поляна» Оренбургской области, работницы ателье мод города Энгельса, Вера Крыга, Любовь Василенко, Людмила Журавлева, Неля Крохмаль из совхоза «Украина», Луганской области, и многие, многие другие.

Что ответить на такой вопрос? А. Симоновская из Луганской области пишет: «Все-таки мы, женщины, очень капризный народ и очень капризны в любви. Хороших и достойных мы нередко отвергаем, а тех, которых нужно было бы отвергнуть, например, Александра Стожарова, любим всей душой, хотя они уже не достойны хороших чувств». И Симоновская и Ф. Нижегородцева из Свердловской области и А. Зорина из Каргополя хотели, чтобы «Шурочка открыла глаза и увидела, как ее любит Женя Ястребов, и осталась с ним».

В трудной любви Шуры и Александра кто-то, очевидно, должен быть умнее, выше, великодушнее. Шура сделала решительный шаг навстречу Александру: она не покинула его одного в беде. Шура, наверно, найдет в себе силы остаться с Александром, потому что она его любит.

Но так ли уж важно отвечать на этот вопрос окончательно, как хотят некоторые читатели? Ведь повесть или роман — это не запись актов гражданского состояния, где непременно указано, с кем зарегистрирован брак или развод между двумя сторонами. Область литературы — область эмоционального и духовного воздействия на человека.

Поэтому гораздо важнее в литературе нравственное содержание, которое она несет людям, чем строгая регламентация наказанных и помилованных героев. Моральное осуждение в литературе действует больше, чем административное взыскание.

Авторы писем спрашивают, почему Славин остался ненаказанным, почему его не сняли с работы. Уже само по себе отношение читателей к людям типа Баклагина и Славина говорит о многом: все труднее подхалимам и карьеристам жить среди советских людей. Конечно, примерно наказать всех отрицательных героев повести Николаю Асанову не составило бы большого труда, но ведь в жизни они еще встречаются, эгоисты и подхалимы, обманщики и карьеристы. Инвалид Отечественной войны, бывший офицер товарищ Г. Шахов пишет нам из крымского города Саки:

«В моем городе, где я живу, такие подхалимы, как директор завода Баклагин, такие карьеристы и алчные защитники чести мундира еще есть...».

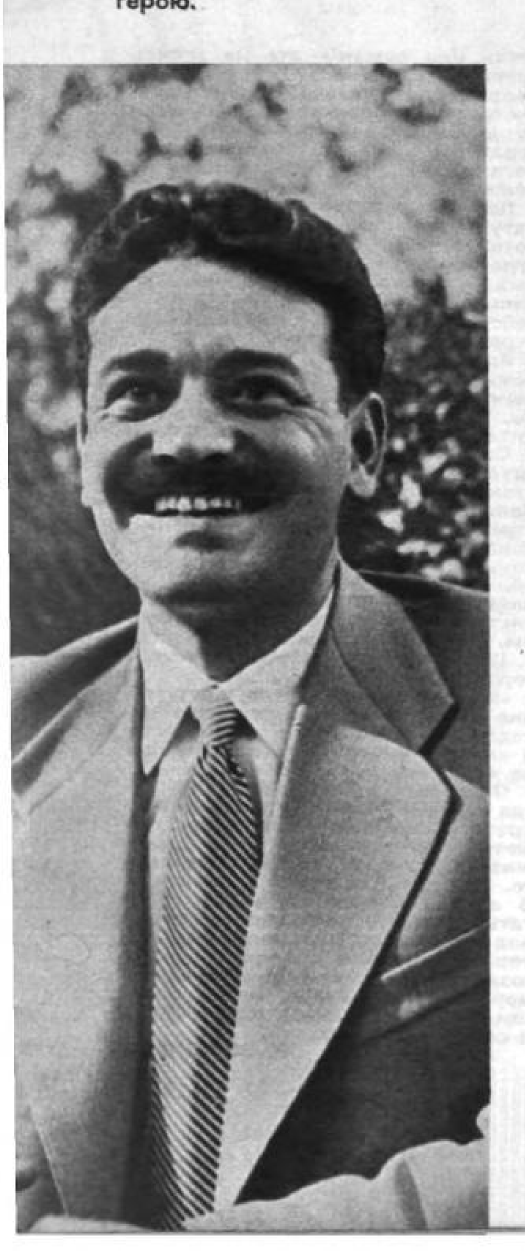
Прав был А. Н. Островский, когда говорил, что писатель «не изобретает сюжетов — все наши сюжеты заимствованы. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порой газетная заметка». В основе повести «Не надо топтать цветы» — наблюдения автора над жизнью нашей молодежи, которая в труде, в спорах, в борьбе создает новую, коммунистическую мораль. И, очевидно, конец повести Николая Асанова надо искать в самой жизни.

В. ВОРОНОВ

Свободу герою Акрополя!

Высоко над Афинами вырисовываются белоснежные колонны Парфенона — неповторимого творения древней Эллады. Но еще выше полощется национальное знамя Греции. Каждый, кто поднимается на Акрополь и видит это знамя, вспоминает Манолиса Глезоса. Герой греческого народа, сорвавший с Акрополя фашистскую свастику, томится в тюрьме. Все человечество отметило 31 мая двадцатилетие исторического подвига Манолиса Глезоса. Мировая общественность с новой силой требует свободы герою.

130 ЛЕТ БОРЬБЫ

В. ВЛАДИМИРОВ

Абд-аль-Кадир.

В Звиане — маленьком городке на берегу Женевского озера — идут переговоры между представителями правительства Франции и временного правительства Алжира. Начало переговоров было ускорено известными событиями, когда народы обеих стран дали сокрушительный отпор «ультра».

Реакционеры и ультраколониалисты выражают свое недовольство тем, что официальные представители Франции сели за стол переговоров с алжирцами. Они продолжают нагло и тупо утверждать, что «Алжир — французский». Невежество «ультра», по-видимому, безгранично. Им, вероятно, даже неизвестно, как французы попали в Алжир...

29 апрэля 1827 года французский консул в Алжире грубо оскорбил алжирского правителя — дея — и в ответ получил удар веером по лицу.

Прошло три года, как вдруг король Франции Карл X, последний Бурбон, внезапно почувствовал себя глубоко оскорбленным за своего консула.

В июне 1830 года французская армия высадилась на алжирском берегу и 5 июля заняла город Алжир. Казна дея была немедленно расхищена, его солдаты взяты в плен. Через несколько дней в Париже произошла революция, и последний Бурбон лишился трона. В «либеральном» парламенте заговорили было об отказе от африканской авантюры, но новый король, Луи-Филипп, решил ее продолжать. Французские промышленники давно уже мечтали о колониях. Генерал Бурмон торжественно заявил: «Весь Алжир подчинится нам в пятнадцать дней без единого выстрела». Однако для того, чтобы удержаться в этой стране, французской армии понадобилось тридцать лет. Из них первые двадцать обошлись Франции в миллиард триста тысяч франков, а за первые десять лет французы потеряли 32 тысячи человек убитыми.

Национально - освободительная борьба арабских народов сразу же выдвинула своего вождя. Это был Абд-аль-Кадир.

В 1830 году Абд-аль-Кадиру было 22 года. Человек среднего роста, хорошего сложения, он был одним из лучших наездников Северной Африки. Арабы считали его образцом воина. «Красноречие Абд-аль-Кадира ставило его в ряды лучших ораторов, — писал современник, французский журналист, — и он умел увлекать массы. Когда он, сдержанно жестикулируя, говорил твердым и звонким голосом, лицо его оживлялось и из-под длинных черных ресниц сверкали молниями голубые глаза».

Абд-аль-Кадир впервые организовал национальное арабское государство в Алжире со своей столицей в Маскара. Он был единодушно провозглашен эмиром, вождем союза племен. Были созданы новая администрация, регулярная армия, введена стройная система налогов. Но самостоятельному развитию страны мешали французские оккупанты.

Один за другим сменялись каратели и грабители, стоявшие во главе оккупационной армии. Первым из них был Савари — бывший министр полиции Наполеона I, заслуживший известность своими казнями. Официальный военный историк времен Николая I Богданович, и тот не мог утаить истину о французских захватчиках. «Вместо того, чтобы действовать на туземцев кроткими мерами, французы,— писал он,— истребляли целые племена, без различия возраста и пола, и опустошали страну».

Восстановив против французов все население, Савари вынужден был покинуть Алжир. Положение захватчиков было до того непрочным, что они решили временно «признать» государство Абд-аль-Кадира. В 1834 году начались переговоры и было подписано соглашение. Арабская сторона надеялась, что наступило мирное время. Абд-аль-Кадир писал французскому генералу: «Я отдаю должное... вашим добрым намерениям в отношении арабов, в связи с предложенным вами миром, который я принимаю как необходимость для того, чтобы осчастливить оба народа...»

Но у французских генералов не было «добрых намерений». Им нужна была передышка. Через несколько месяцев они возобновили наступление. Арабы нанесли им несколько тяжелых поражений. В 1837 году понадобилась новая передышка, и французский командующий Бюжо снова предложил «переговоры».

За несколько лет до алжирской эпопеи, подавляя восстание рабочих в Париже, Бюжо приказал своим солдатам переколоть штыками жителей целого дома на улице Транснонэн. Еще большую жестокость проявлял этот головорез при набегах на арабские деревни. Горели дома. Вырубались пальмы в оазисах. Уничтожался скот и посевы. Целые племена загонялись в пещеры, где их душили дымом, — это были примитивные «газовые камеры». Их не преминул использовать и полковник Кавеньяк, впоследствни потопивший в крови июньское восстание парижских рабочих 1848 года.

Мир, подписанный генералом Бюжо, был вскоре нарушен. «Переговоры» оказались обманом. Тогда Абд-аль-Кадир провозгласил «священную войну» против душителей Алжира.

Несколько лет героически сражались алжирские патриоты против армии интервентов. Силы были неравны. Вдобавок интриги феодальных вождей подтачивали власть эмира. В 1843 году Абд-аль-Кадир вынужден был бежать в Марокко, но через короткое время появился вновь и нанес французам тяжелое поражение. В 1847 году генерал Ламорисьер, считавшийся «специалистом по арабским делам», взял Абд-аль-Кадира в плен на марокканской границе, у военного поста Карбус. Ламорисьер обещал, что Абд-аль-Кадиру будет дано разрешение уехать в Египет, но сам подписал приказ о его аресте. Вместо Египта Абд-аль-Кадир попал во Францию, в Тулонскую крепость. С ним были заключены его родичи и гвардия. В то время как узники десятками умирали в Тулонской крепости, в Алжире шло яростное ограбление страны генералами и спекулянтами. Французская реакция торжествовала «победу». Казалось, что Алжир был покорен. Но сопротивление продолжалось. Восстания следовали за восстаниями.

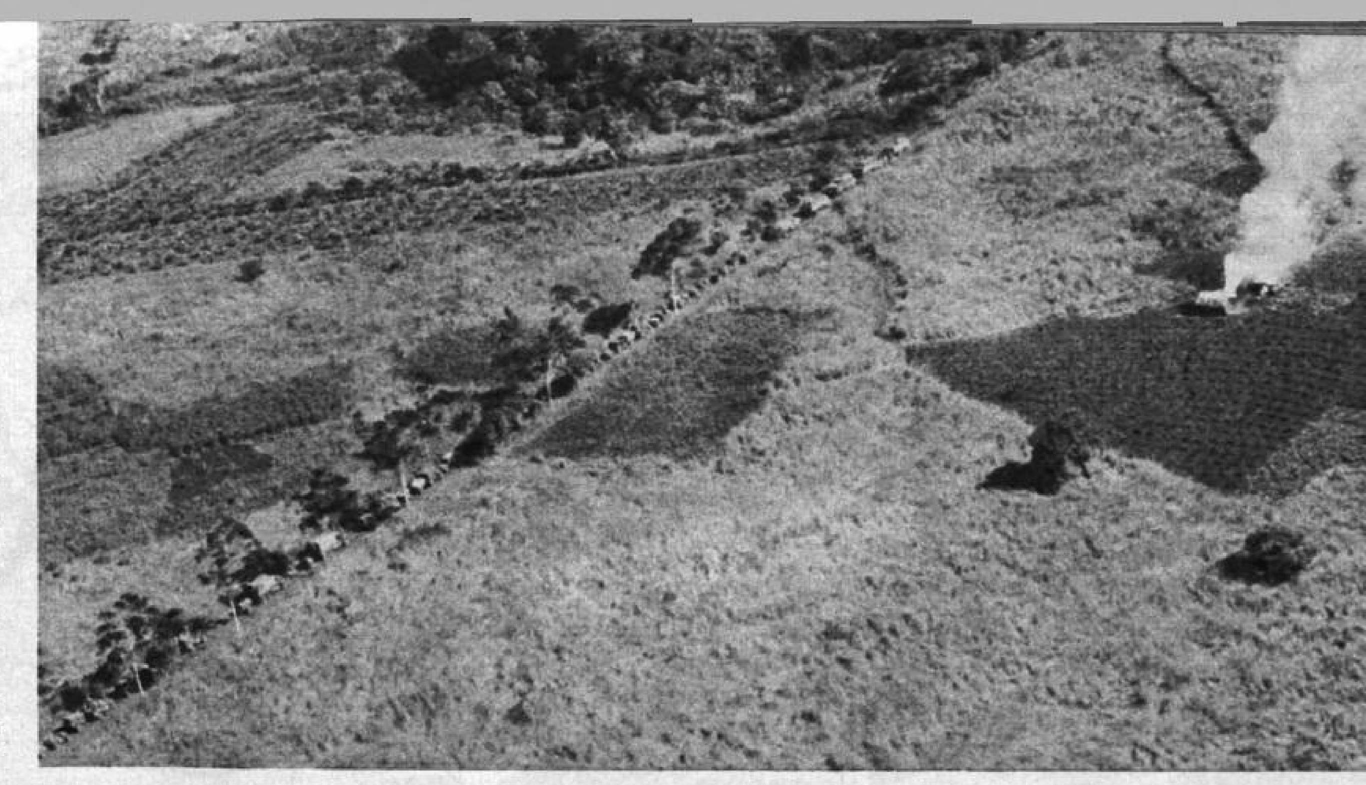
Энгельс писал в 1857 году: «Французские сводки и французские газеты полны заявлений о мире в Алжире и о процветании этой страны. Но это является данью национальному тщеславию. Внутренние районы страны до сих пор, как и прежде, не колонизованы. Господство французов носит совершенно иллюзорный характер, если не считать побережья, городов и их окрестностей. Племена продолжают отстаивать свою независимость и ненавидеть французский режим...».

Через двадцать четыре года, в 1881 году, направляясь в путешествие по Алжиру, Ги де Мопассан с борта парохода «Абд-аль-Кадир» увидел белые стены алжирской касба (крепости). «При нашей системе колонизации,— писал Мопассан,— которая состоит в том, чтобы разорять арабов, неустанно обирать их, безжалостно преследовать и доводить до крайней степени нищеты, нам придется увидеть еще не одно восстание».

Журналисты, прибывшие в Звиан, отмечают, что франко-алжирским переговорам предшествовала героическая вооруженная борьба народа Алжира, продолжавшаяся семь лет. Но в действительности история этой борьбы насчитывает не один десяток лет. Она началась с первого дня — более ста тридцати лет тому назад. И очень знаменательно, что делегацию временного правительства Алжира возглавляет Крим Белькасем, который пять раз приговаривался французскими властями к смертной казни «за бунтовщическую деятельность».

Чем бы нн закончились переговоры в Звиане, можно с полной уверенностью сказать одно: рано или поздно французским колонизаторам все-таки придется отказаться от иллюзии своего господства в Алжире.

По земле Анголы движутся машины с португальскими войсками. Колонизаторы жгут деревни и убивают людей.

КРОВАВАЯ АГОНИЯ КОЛОНИАЛИЗМА

Пять веков насчитывает история португальского хозяйничанья на земле Анголы. Пять веков, в которых каждый год, каждый день — тяжкое преступление колонизаторов против народа Анголы.

Статистики, может быть, когда-нибудь подсчитают, сколько награбили в своей колонии ее португальские «хозяева», на сколько миллионов они вывезли оттуда алмазов и золота, руды и кофе, всего, чем богата эта часть африканского континента. Но никто никогда не узнает точно, сколько человеческих жизней было загублено в Анголе пулями карателей, плеткой плантаторов, политикой голода, проводимой португальскими властями в своих колониях. Как за тюремной стеной, отгородившей Анголу от остального мира, жили исконные хозяева страны — африканцы. Проходили века, но в «заповеднике» португальских колонизаторов почти ничего не менялось. Даже торговля людьми — черными людьми — сохранилась до наших дней. Только масштабы грабежа становились шире, да совершенствовалось оружие, позволявшее колонизаторам убивать людей Анголы быстрее и проще.

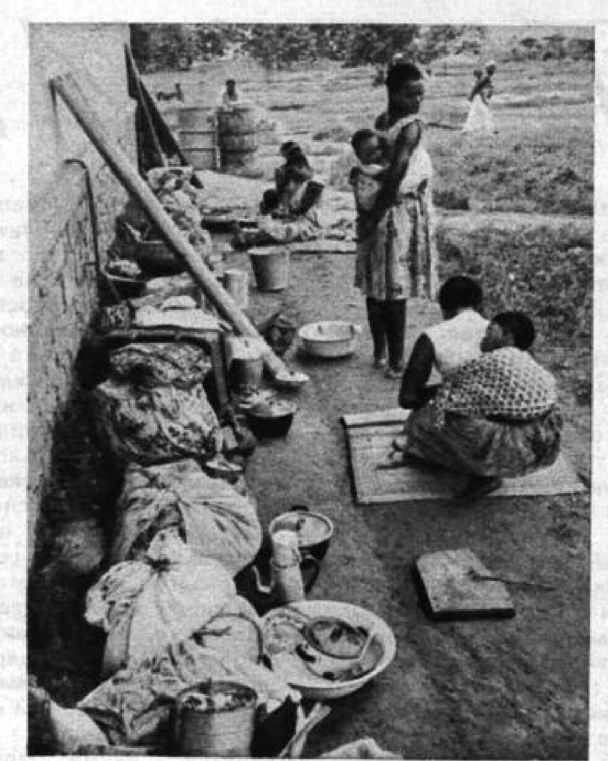
До недавнего времени португальские колонизаторы были уверены, что их господство в африканских колониях будет вечным. Но народ Анголы, как вся Африка, поднялся на борьбу за свою свободу. Устои колониального режима зашатались.

Колонизаторы никогда не уходят добровольно. Они послали в Анголу восемь тысяч солдат, рассчитывая кровью загасить пламя народной ненависти. Наемники тысячами убивают жителей Анголы, жгут деревни, уничтожают все, что встречается на их пути. При этом португальские палачи пользуются поддержкой всей колонизаторской клики: португальские войска, которые находятся в Анголе, вооружены оружием НАТО.

Недавно некий высокопоставленный чиновник из министерства по делам колоний в Лиссабоне заявил корреспонденту американского журнала «Ньюсуик»: «Конечно, мы намерены держаться за Анголу, мой дорогой. Португалия собирается остаться в Африке, что бы ни случилось». Хвастливые слова! Не остановить нарастающей борьбы угнетенных народов. Крах колониальных империй неизбежен и близок. Недалек день, когда хвастливого чиновника уволят, потому что не понадобится больше министерство по делам колоний.

Португальские колониальные войска убили тридцать тысяч жителей Анголы и грозятся принести в жертву еще сто тысяч жизней. Но террор и угрозы не пугают борцов за свободу. Их ненависть к поработителям разгорается от этого еще сильнее. Народ Анголы хочет быть свободным, он добился в сражениях за свободу первых успехов. Число побед будет расти. На стороне Анголы симпатии и поддержка всей Африки, всех свободолюбивых людей мира. От имени нашего народа Советское правительство заявило: «Что касается Советского Союза, то он, как и все подлинные друзья угнетенных народов, не будет оставаться безучастным к судьбе Анголы».

Ангола будет свободной, колонизаторы будут выброшены из Африки. Такова логика нашего времени.

Сотни мирных жителей, бросив родные места, бежали от зверств колонизаторов за границы Анголы. На этих снимках — беженцы, перебравшиеся на территорию Конго.

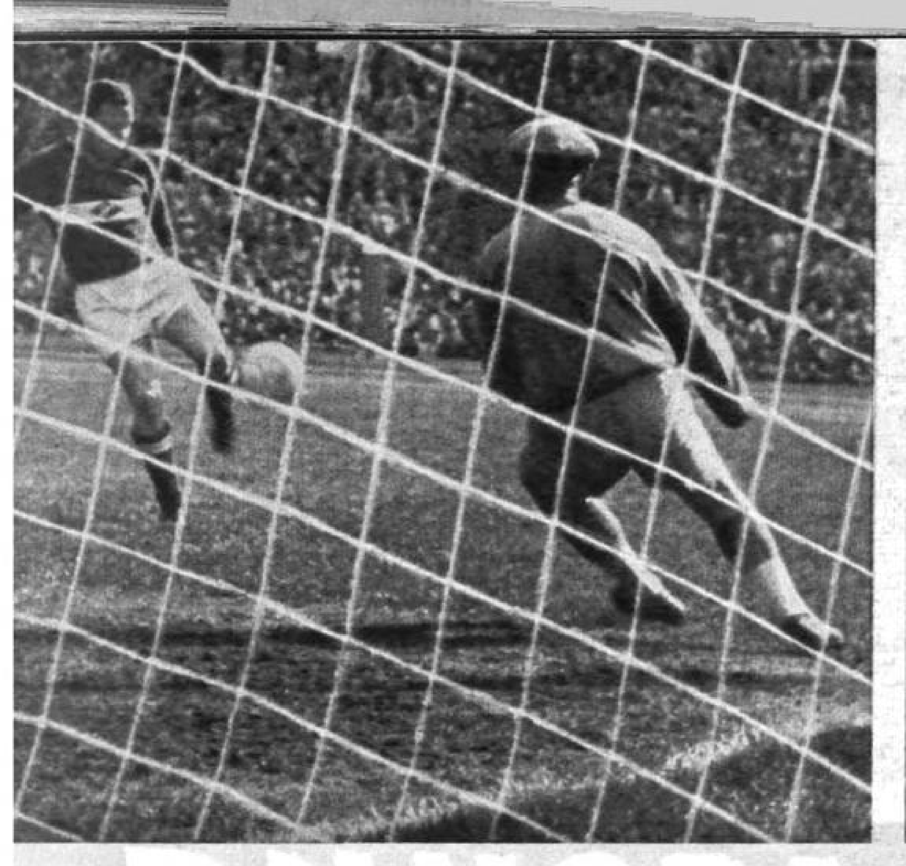

Негаже, Северная Ангола. Так выглядит отель, где живут офицеры португальской армии. Страшась патриотов, они превратили свое жилище в некое подобие крепости.

Вот они — варвары XX века. Отряд португальских карателей готовится выступить против борцов за свободу Анголы.

Фото агентства ЮПИ.

Сейчас правый крайний московского «Спартака» Борис Татушин ударит, и второй мяч окажется в сетке ворот киевского «Динамо».

Фото А. Бочинина.

Самый молодой нападающий команды ЦСКА Владимир Федотов прорвался к воротам «Молдовы». Это был шестой мяч, забитый армейцем в нынешнем сезоне!

лили тренеру подобрать ансамбль, достаточно подготовленный и дисциплинированный для того, чтобы осуществить этот план.

Действия армейских футболистов оставляют впечатление, что все они помышляют об атаке. Во всяком случае, защитники стараются не только уберечь свои ворота, но и овладеть мячом, чтобы распорядиться им лучшим образом, помочь завязать атаку. Изменилась в связи с этим и игра нападающих. Она стала более маневренной и осмысленной и часто ставит в тупик даже самых опытных футболистов обороны. С особой отчетливостью можно было это наблюдать в матче армейцев с московскими динамовцами, когда В. Амбарцумян и В. Бубукин, умело маневрируя, решали сложные задачи и выводили на «ударную линию» то А. Мамыкина, то Г. Апухтина. Недаром Л. Яшину было много работы, он часто ставился в затруднительное положение и трижды вынужден был вынимать мяч из сетки.

Вот так новый тактический принцип перевооружил коллектив. Рано, конечно, считать, что армейские футболисты достигли желае-

М. МЕРЖАНОВ

Заметки журналиста.

В ТАБЛИЦАХ И

Заканчивается первый круг чемпионата страны по футболу. Он похож на многие предыдущие и в то же время имеет черты, свойственные только нынешнему сезону. Это прежде всего вспыхнувшая на самом старте острота матчей. Объясняется она изменением формулы розыгрыша, по которой в отличие от прошлого года каждое очко, добытое командой весной, будет учтено осенью, в заключительном этапе турнира.

На старт финального этапа в августе выйдут десять команд с различным богатством очков. Вот почему важно уже теперь по-хозяйски собирать и складывать их в общий котел победы. Это понято всеми командами, но не все сумели бережливо отнестись к весенним очкам. Впрочем, весной это, видимо, неизбежно.

Первые матчи турнира я видел на юге. В них было много задора, молодой энергии, желания победить, но мало мастерства. Бросались в глаза неуверенные движения, промахи, неточные посылы мяча, который не желал подчиняться даже самой «знаменитой ноге». Отсюда и внешняя непривлекательность игр, технический брак и «заколдованность» ворот.

Теперь с каждым матчем мы видим, как «набухают почки» мастерства, явственнее становится рисунок комбинаций, появляются иногда интересные тренерские задумки и красивые маневры форвардов.

Взглянем на таблицы. В них цифрами выражены успехи и неудачи, число мячей, успокоенных сеткой ворот, наконец, итоговые очки. Но они не говорят о температуре матча, о драматических ситуациях, о тактике и стратегии борьбы. Поэтому, поразмыслив над таблицей, давайте взглянем на зеленое поле — открытую арену битв, течение и исход которых не может заранее разгадать ни один зритель. В этом прелесть наших турниров.

Но футбол красив и закономерностями. К категории таких закономерностей нужно отнести успехи киевских динамовцев. Сегодняшняя команда родилась не сразу. Внимательный наблюдатель мог бы проследить за постепенным созданием ансамбля, который уже три года назад поражал нас техническим мастерством, продуктивной игрой и выносливостью.

Болезненный процесс смены состава был закончен, и обновленный организм сразу же заявил о себе в полный голос. Нынешний сезон киевляне начали серией побед. Пять первых встреч принесли им максимальное количество очков — десять. Редкий успех!

Команда обладает хорошей линией нападения. На каждое амплуа в пятерке форвардов имеются равноценные дублеры. Едва ли какой-нибудь другой коллектив может похвастать таким подбором футболистов первой линии. Не случайно динамовцы забили пока большее число мячей.

Первое поражение киевская команда потерпела в Москве в середине мая, в матче со столичным «Спартаком». Справедливости ради нужно сказать, что оба клуба выступали без лучших своих игроков, которые были взяты в состав сборной СССР или болели. И даже этот проигранный матч показал характерные черты киевлян: организованность, быстроту, свободное владение мячом. Но эта же игра обнаружила и слабости команды, которые кроются в игре защитников.

Так или иначе, а киевские динамовцы являются лидерами в своей подгруппе и, несомненно, станут участниками заключительного этапа, где будут оспаривать золотые медали чемпиона.

Закономерен и успех футболистов «Торпедо», сделавших в прошлом сезоне «дубль». Правда, они очень медленно входят в спортивную форму и не могут похвастать результативностью. Пять встреч из шести чемпионы выиграли с превосходством в один мяч, а между тем команда имеет сильную линию атаки, три игрока которой выступают в сборной СССР.

Хотелось бы несколько подробнее сказать о коллективе футболистов Центрального спортивного клуба армии, который не только значительно обновил состав, но, что гораздо важнее, изменил принципы своей игры. Старая, насаждавшаяся годами теория массированной обороны и царивший в коллективе примат силы над техникой гирями висели на ногах способных футболистов. Команда атаковала двумя форвардами, умеющими быстрее других бегать на флангах. Все остальные игроки непрерывно оглядывались назад.

Новый тренер, известный некогда центральный нападающий К. И. Бесков, быстро сумел бросить команду в атаку. Мы уже не видим унылой картины постоянного и многочисленного караула футболистов, несущего охрану ворот и подстерегающего соперников на линии штрафной площадки. Этот футбольный анахронизм исчез. Тактический облик команды стал привлекательным.

Как-то в беседе К. Бесков очень убежденно говорил мне о преимуществах расстановки футболистов по «схеме четырех защитников», которую он внимательно наблюдал и изучал в дни чемпионата мира в Швеции. Мне не показалось это странным, так как он сумел увидеть в этой схеме целую систему атакующего футбола, в которой, по его мысли, должны участвовать и крайние защитники. Смелое начинание, естественно, требовало хороших исполнителей. Особые условия формирования команды ЦСКА позво-

мого. Их матч с «Молдовой», закончившийся с редким счетом 6 : 4, подтверждает эту мысль. Однако, несомненно, коллектив стоит на том пути, который, может быть, не сразу, а все же приведет к большим успехам.

В новом качестве предстал перед нами коллектив «Спартака». Известно, что и он пережил болезненный процесс смены состава. Ему это далось труднее, чем другим. Почти все старые игроки клуба обладали высоким мастерством и входили в сборную страны. Сложно было найти полноценную замену Н. Симоняну, С. Сальникову, А. Парамонову. Экспериментов было много. В команду приходили и уходили разностильные игроки, а ансамбля, естественно, не было.

Одно время казалось, что «Спартак» утеряет свой стиль, созданный много лет назад и полюбившийся зрителям. Слишком уж много появилось бойких парней, которые пытались стиль и коллективный разум команды подменить индивидуальным задором, а иной раз и ухарством.

К счастью, этого не произошло. В этом сезоне в «Спартак» вернулся опытный Б. Татушин, появился рассудительный и техничный Г. Хусаинов, решительный Ю. Фалин, и линия атаки стала энергичнее. Защита пополнилась спокойным В. Дикаревым, умеющим хорошо выбрать позицию и вовремя начать контратаку. В связи с этим А. Масленкин наконец-то занял свое место в линии полузащиты. В «Спартаке» очень много молодых футболистов, мастерство которых крепнет в процессе борьбы.

И все же нельзя пока утверждать, что перед нами сложившийся ансамбль классных игроков, тем более, что слабая игра с «Молдовой» (0 : 0) и поражение в Минске от «Беларуси» (0 : 2) настораживают.

Я более или менее подробно остановился лишь на нескольких командах. На мой взгляд, они характеризуют класс современного советского футбола. Из остальных участников турнира обращает на себя внимание бакинский «Нефтяник». В его игре появилась свежесть и осмысленность. И вот интересно: в прошлом сезоне этот же состав (в частности, линия нападения) напоминал фантастический инструмент, в котором есть струны гитары, мандолины, рояля и балалайки. Каждая из этих струн сама по себе была хороша, но слаженных звуков не получалось. Инструмент фальшивил.

А в этом году тренер Б. А. Аркадьев сумел извлечь приятные звуки из тех же струн.

Правда, результативность бакинских форвардов еще не велика. Мне кажется, что такие мастера атаки, как Ю. Кузнецов, А. Мамедов, А. Голодец, несут слишком большое бремя оборонительных функций, что, естественно, сковывает их действия в первой линии, а главное, отнимает много сил. Как тут не задуматься над излишними увлечениями обороной! Впрочем, тренеру виднее.

НА ПОЛЕ

Трудно сейчас что-нибудь сказать о динамовских коллективах Москвы и Тбилиси. Первый из них все еще формирует состав, а второй попросту нуждается в элементарной игровой дисциплине.

Мне удалось видеть несколько матчей этих команд. Поражала меня техническая небрежность форвардов, вообще-то умеющих владеть мячом.

На зеленом поле мы увидели не только удачную или нескладную игру футболистов, но и черты, которые стали характерными для большинства или, во всяком случае, для многих команд.

Одна из них — темп нашего футбола. Новые условия розыгрыша потребовали от команд и новых усилий. Опять встал вопрос о физической подготовленности и выносливости игроков. В установках тренеров, в методических рекомендациях, даже в статьях слышны тревожные сигналы: скорость, скорость, скорость!

Между тем быстрота игры прямо связана с совершенством техники, ибо никому не нужна скорость футболиста, который раньше других окажется у мяча или на свободном месте для приема мяча, но не сумеет его быстро и должным образом обработать.

Футбольная жизнь ежедневно преподносит нам курьезы. Защитник московского «Динамо» В. Глотов — отличный спринтер, с хорошим стартовым рывком, но он плохо владеет мячом, и потому зря пропадают его скоростные качества, а мяч оказывается у более техничного форварда. Отстает техническое мастерство от «реактивной скорости» и у Г. Апухтина, Ю. Фалина, В. Фадеева и многих других.

Знаменитый английский форвард Стэнли Метьюз как-то сказал: «Быстрота в футболе — прекрасная вещь, но лишь в том случае, когда она не идет в ущерб точности. Современная темповая игра не свободна от недостатков, так как техническое умение недостаточно отшлифовано. Нужно играть так быстро, чтобы не терять контроль над мячом, но ни в коем случае не быстрее». К этому хочется добавить, что темп игры задает та команда, которая умеет лучше распорядиться мячом.

Отсюда вновь и вновь возникает задача совершенствовать технику и уже на ее основе развивать скоростные качества футболистов. Без техники они бессмысленны.

С исключительной ясностью это подтвердили встречи нашей сборной команды с бирмингамским клубом «Астон Вилла» и польскими футболистами. Английские мастера отлично владели мячом и показали нам образцы точных передач и расчетливых перемещений на свободные позиции. Все попытки нашей команды навязать гостям свою манеру игры в высоком темпе терпели крах потому, что техническое мастерство было в руках «Астон Виллы». Кроме того, наша сборная, по существу, была лишена центрального нападающего. Способный киевский форвард В. Лобановский не смог заменить в этом амплуа В. Понедельника. У него не было достаточной скорости, футбольной расторопности и тактического мышления в моменты острых ситуаций у чужих ворот. Он не смог быть организатором атак. Хороший дриблинг (бег с мячом) и резаный удар Лобановского — слишком малый арсенал для сложных задач центрального нападающего.

Особенно это было заметно в Варшаве, в матче сборных команд СССР и Польши. На наших глазах «рассыпалась» грозная пятерка форвардов. Попытки инсайдов наладить наступательные действия тоже успеха не имели все из-за того же технического брака. Лучшие и самые выгодные моменты матча гибли из-за промахов. Спокойное передвижение игроков по полю было необоснованно.

Польские журналисты несколько разочарованно спрашивали меня:

— А где ваши форварды, которые забили нам в прошлом году семь мячей, а после того блистали и в Марселе и в Париже?

Конечно, не только техническим браком и неорганизованностью нападения можно объяснить поражения наших спортсменов, понесенные от английской и польской команд. Были и иные причины. В частности, футболисты нашей сборной нуждались в игровой дисциплине не меньше, чем в мужестве.

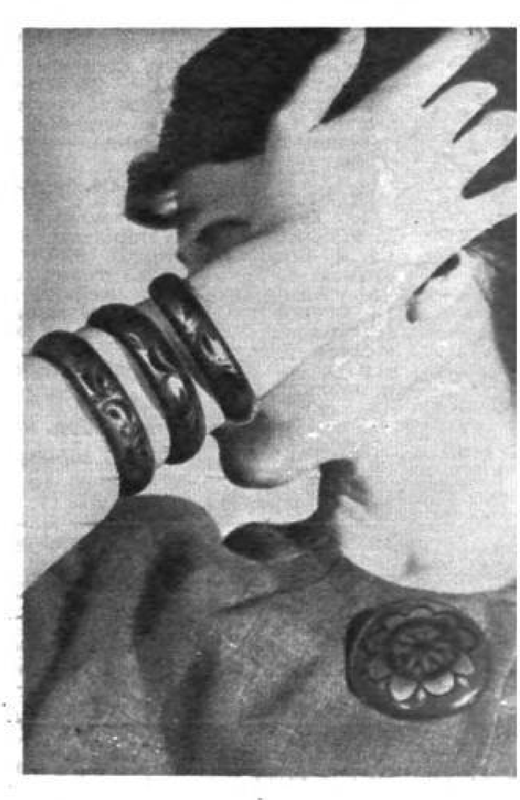
В ближайшее время, а именно 18 июня, в Москве будет проведен первый отборочный матч к предстоящему чемпионату мира с национальной командой Турции, а спустя две недели — второй матч со сборной Норвегии. Времени осталось мало, но все же его хватит, чтобы пристальнее присмотреться к недостаткам, определить состав сборной и приготовиться к серьезным встречам.

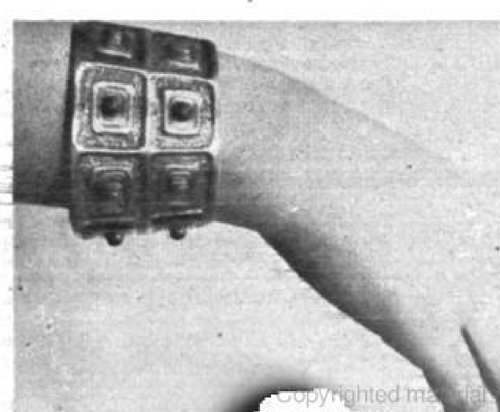

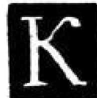
Вместо золота и бриллиантов

Костюм женщины, его вид, во многом зависит от украшений. Это пуговицы, пряжки, брошь, бусы, поясок...

Платье с деревянной или керамической брошью, с цветными бусами и кожаным поясом можно надеть днем, но то же самое платье с нитками жемчуга или хрусталя, с блестящей брошью будет выглядеть законченным вечерним туалетом.

За последнее время украшения стали почти обязательной принадлежностью женского костюма. Но, к сожалению, ассортимент ювелирных изделий еще оставляет желать лучшего. А ведь в их изготовлении русский народ отличался большим умением и талантом.

Испокон веков славилась земля наша богатством камней-самоцветов: байкальскими и памирскими лазуритами, кавказскими халцедонами, амурскими агатами и сердоликами, уральским малахитом и неповторимой живописной яшмой. Всему миру известно русское ювелирное искусство — творчество народных умельцев.

К сожалению, сейчас искусство это в забвении. А ведь как хорошо выглядели бы в современном костюме многие изделия народных мастеров!

Как красив на фоне однотонного шерстяного свитера керамический или деревянный кулон с инкрустациями и резьбой!

Когда на одном из международных конгрессов моды были показаны броши Свердловской ювелирно-гранильной фабрики из яшмы с оксидированным серебром, законодатели парижской моды были покорены ими.

...Все бережней относятся ювелиры Прибалтики к сказочной природной красоте янтаря... Нередко они оставляют его необработанным, «диким», и женщины с большим удовольствием носят такой янтарь в качестве кулона на легком шерстяном шнурке. Прекрасны украшения палехских мастеров.

Очень красивыми оказались украшения из таких дешевых материалов, как керамика, фарфор, стекло, дерево. Хорошо выглядят керамические ожерелья и браслет на шерстяном платье.

Изделия из керамики, фаянса, пластмассы, фарфора или дерева с народной хохломской росписью украсят и летнее платье. Всеобщее признание получили недорогие эмалевые украшения Ленинградской ювелирной фабрики.

Во всем этом можно было убедиться на выставке образцов ювелирных изделий, которую устраивал Всесоюзный институт легкой промышленности. Но не слишком ли много времени и труда отдают наши художники-прикладники выставкам? Женщины хотят, чтобы все эти красивые и дешевые вещи поскорее были на прилавках магазинов.

В. КАРАЧЕНЦОВА

Фото Я. Берлинера.

«НА ОГОНЕК»

На очередном заседании творческого клуба «На Огонек» коллектив редакции встретился с известным хирургом профессором Б. А. Петровым. Профессор рассказал о том новом в хирургии, что применяется в практике Института имени Склифосовского: о создании искусственных пищеводов, о лечении заболеваний курильщиков, о пересадке кожи при ожогах, о переливании крови. Был показан цветной фильм «Искусственный пищевод».

Бог вина

Терракотовая маска Диониса, покровителя виноделов у древних греков, найдена при раскопках развалин античного города вблизи Керчи. Жители этого города занимались главным образом виноделием. Маска тонкой работы, на ней сохранились следы полихромной росписи. Датируется II веком до нашей эры.

М. АГАРОНЯН

Ленинград.

250 лет на дне озера

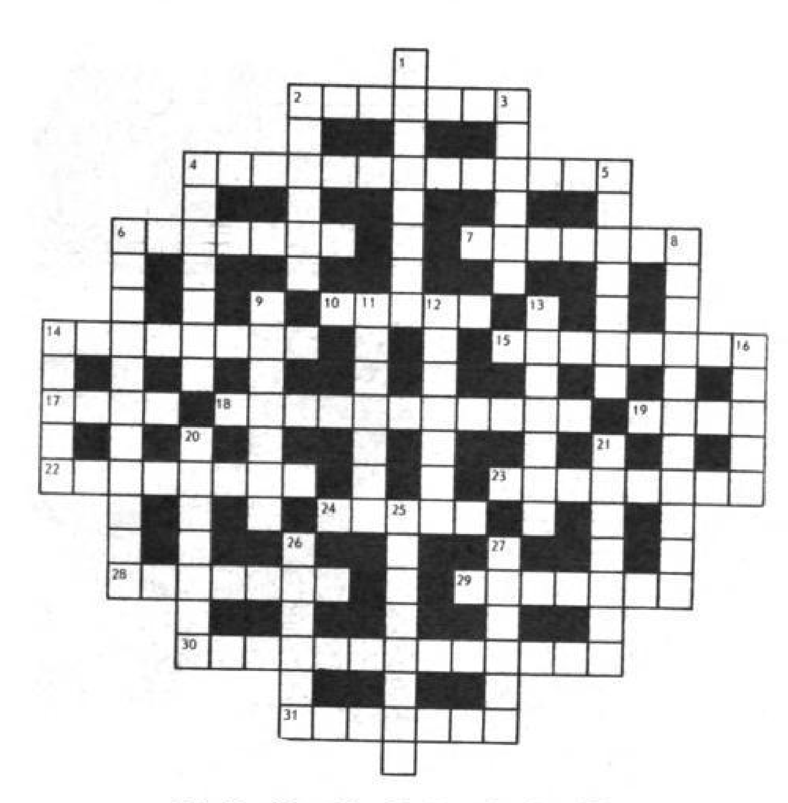
У грузового причала пристани Петрозаводск на Онежском озере в воде была обнаружена старинная пушка. Находку доставили в Карельский краеведческий музей и очистили от ила и ржавчины. На стволе проступила надпись: «Олонец, 1711». Пушка лежала на дне Онежского озера 250 лет!

В краеведческом музее мне сообщили: Петр I в начале XVIII века основал на берегу Онежского озера завод, на котором отливали стволы пушек и ядра к ним. Перед отправкой в армию на берегу или на плотах производили опробование пушек тремя выстрелами, каждый раз удваивая количество пороха. О том, что поднятая со дна озера пушка не выдержала испытания, свидетельствует рваный излом по всей казенной части ствола.

А. ТУКАЧЕВ

Петрозаводск.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Тропическая лесостепь. 4. Музыкальное сопровождение. 6. Часть Эфиопии. 7. Специалист по юридическим вопросам. 10. Стебли корнеплодов. 14. Литовский народный музыкальный инструмент. 15. Французский писатель. 17. Специальная краска для лица. 18. Спортсмен. 19. Зал ожидания. 22. Народный артист СССР. 23. Стеклянный ящик для рыбы. 24. Озеро в Альпах, самое большое в Италии. 28. Герой трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». 29. Цельная каменная глыба. 30. Раздел математики. 31. Курорт на Кавказе.

По вертикали:

1. Художник, работающий над военными сюжетами. 2. Углеподатчик на паровозе. 3. Новый морской порт Йемена. 4. Воздушный флот. 5. Оснащение судна. 6. Цирковой артист. 8. Техническая ткань. 9. Зодчий, построивший здание Адмиралтейства в Ленинграде. 11. Защита. 12. Газ. 13. Остров в Средиземном море. 14. Транспортная машина. 16. Рассказ А. П. Чехова. 20. Морское животное. 21. Автономная республика. 25. Простор, широкое свободное пространство. 26. Древнегреческий философ. 27. Космический корабль.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 22

По горизонтали:

7. Пророков. 8. Меркурий. 10. Татария. 11. Пиния. 12. Элита. 13. Тропа. 14. «Фатима». 17. Шпагат. 20. Фибих. 22. Новолазаревская. 23. Кроль. 24. Плавка. 27. Ужение. 30. Франс. 32. Клест. 33. Эрбий. 34. Абрикос. 35. «Журавель». 36. Экспонат.

По вертикали:

1. Гречиха. 2. Кривичи. 3. Нокаут. 4. Целина. 5. «Русалка». 6. Кибитка. 9. Самообразование. 15. Титовка. 16. Моховик. 18. Престиж. 19. Гагарин. 20. Франк. 21. Хмель. 25. Лилипут. 26. Высокая. 28. Ефремов. 29. Ишимбай. 30. Фабула. 31. Сбойка.

Добряк.
Рисунок Р. Овивяна.

Русские кони в Берлине

Русский скульптор П. К. Клодт прославился своими конными группами, установленными на Аничковом мосту в Ленинграде. Отливки двух из этих групп в 40-х годах XIX века были вывезены в Берлин и Неаполь.

Я сфотографировал в Берлине знаменитых коней Клодта. На одной из скульптур я нашел надпись: «Лепил и отливал барон Клодт в 1842».

Г. БОЛДЫРЕВ

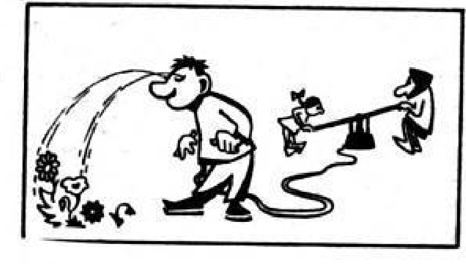
— Ну, будь здоров! Теперь до аванса...

Рисунок В. Воеводина.

Соавторы поссорились.

Рисунок Ю. Федорова.

Клоун на даче.

Рисунок М. Захарова.

На последней странице обложки: Горные тюльпаны.

Фото Н. Немнонова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
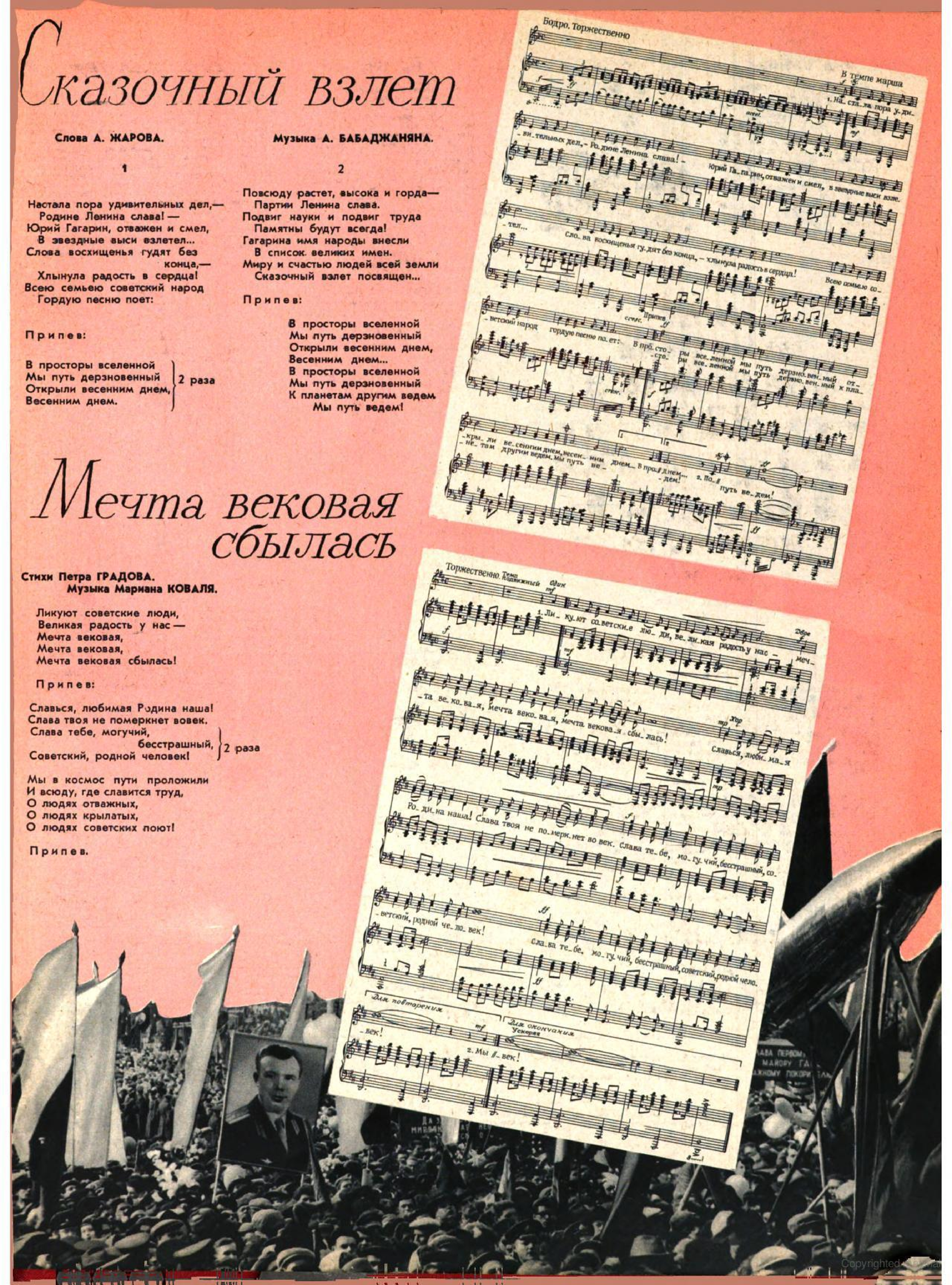
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05231. Подписано к печати 31/V 1961 г. Формат бум. 70×108¹⁄₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1005. Заказ 1384.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сказочный взлет

Слова А. ЖАРОВА. Музыка А. БАБАДЖАНЯНА.

1

Настала пора удивительных дел,—
Родине Ленина слава! —
Юрий Гагарин, отважен и смел,
В звездные выси взлетел...
Слова восхищенья гудят без
конца,—
Хлынула радость в сердца!
Всею семьею советский народ
Гордую песню поет:

Припев:

В просторы вселенной
Мы путь дерзновенный
Открыли весенним днем,
Весенним днем. } 2 раза

2

Повсюду растет, высока и горда—
Партии Ленина слава.
Подвиг науки и подвиг труда
Памятны будут всегда!
Гагарина имя народы внесли
В список великих имен.
Миру и счастью людей всей земли
Сказочный взлет посвящен...

Припев:

В просторы вселенной
Мы путь дерзновенный
Открыли весенним днем,
Весенним днем...
В просторы вселенной
Мы путь дерзновенный
К планетам другим ведем
Мы путь ведем!

Мечта вековая сбылась

Стихи Петра ГРАДОВА.
Музыка Мариана КОВАЛЯ.

Ликуют советские люди,
Великая радость у нас —
Мечта вековая,
Мечта вековая,
Мечта вековая сбылась!

Припев:

Славься, любимая Родина наша!
Слава твоя не померкнет вовек.
Слава тебе, могучий,
бесстрашный,
Советский, родной человек! } 2 раза

Мы в космос пути проложили
И всюду, где славится труд,
О людях отважных,
О людях крылатых,
О людях советских поют!

Припев.

Цена номера 30 коп.